Вдохновителю,
профессору Н.М. Миркурбанову,
посвящается

В смерти — объятие.
Вирджиния Вулф

ДЕВОЧКА С КАРТИНЫ ГОГЕНА

С тех пор она была не одна. С тех самых пор, как она, Катя К, первокурсница института искусств, увидела впервые картину Гогена, «Натюрморт с фруктами» 1888 года, на котором была изображена девочка с раскосыми глазами, в левом верхнем углу, глядевшая с тихой затаенной тоской на фрукты, вазу, чайник, блюда, стоявшие на столе, словно она мечтала... нет, не съесть эти фрукты, а раствориться в них, стать неживой малой частью этого натюрморта, чтобы не проживать более свою земную и дробную, очевидно, несчастную жизнь. Ведь это было все про нее, про Катю, всегда так глубоко и драматично переживавшую за своих родителей, которые в последнее время непрестанно ссорились, за бабушку, оплакивавшую их отношения, как будто больше их не вернуть, за брата Антона, то и дело сбегавшего из дома — и это ли не знак? — в котором царили раздражение, сквоз-

няк и холод. Именно в такие моменты она мечтала превратиться в мебель, шкаф, стол, стул, во все неживое, что видела окрест себя, глядела подолгу на предметы и, кажется, в них уже превращалась, в предметы, которые никогда не страдали, не проливали слезы, не задыхались от одиночества. И вот натюрморт Гогена, глядя на который она понимала, что художник изобразил на полотне именно ее, Катю, как одну из множества таких же чувствительных, как она, девочек, переживавших за близких и родных.

Она так часто возвращалась к этой картине, что научилась видеть лицо этой девочки Гогена уже внутри себя, независимо от того, где она находилась, и был ли рядом натюрморт — не важно, она помнила его наизусть. Потом, уже для института, по заданию кафедры искусствоведения, она вдохновенно написала эссе о своей любимой картине, где попыталась выразить тоску страдающего человека по всему неживому, потустороннему, как бы странно это ни звучало, и еще поразмышляла о натюрморте как таковом. — Что такое натюрморт? — писала она, непраздно задаваясь вопросом еще раз, — это изображение вещей без людей, по тихой жизни которых мы можем судить о жизни их хозяев. И если представить себе невозможное, — вдруг выражала она свою давнюю странную мысль, что натюрморт изображает спящих, или — ну, как бы это сказать? — мертвых людей, то о какой или чьей жизни мы сможем судить, глядя на их бездыханные тела? Конечно, о жизни Богов, или ангелов, дьяволов, бесов, от которых зависели людские жизни! Вот о чем непрестанно думала Катя, со всей своей взрослой серьезностью не по годам; правда, ее замечательное эссе так никто и не понял, ни преподаватели, ни тем более студенты, только после стали насмешливо называть ее девочкой с картины Гогена. В лицо или за спиной. Или просто девочкой Гогена. Ну и пусть! Я такая и есть! — усмехалась Катя в ответ и опять смотрела на любимый натюрморт, долго, затаенно, страстно, словно пила его, полная бесконечной жажды. И вдруг эта девочка сходила с картины, будто по приказу Кати, всегда, когда та хотела, точнее, когда ей было трудно, садилась рядом, в двух-трех шагах от нее, и так же молча смотрела на окружающие предметы, подавая пример Кате, или напротив, делала это вслед за ней.

И сейчас, когда пропал брат Антон — вот уже месяц никто его не видел, ни друзья, подруги, ни коллеги по театральной студии, куда он ходил уже целых полгода, бросив престижный институт, к ужасу матери и равнодушию отца, — Катя не знала, что и делать. И, опять замирая, смотрела на все, что окружало ее, на часы, на книги на полках, одежды, фотографии близких и родных, на фотографию Антона, на которой он был так счастлив, хохотал, обнимая друзей, потом искоса глядела на девочку Гогена, и та, одним взглядом подбадривая, давала ей понять, что все переменится скоро в сторону большей ясности, я это знаю.

И действительно, вдруг позвонили, сообщили, что для нее есть информация. Дело в том, что после того как родители подали заявление в полицию о пропаже сына, Катя, прекрасно зная, что никто не будет его искать, такая ведь у них полиция, если не дать взятку, да и то, если дать, то под большим вопросом, — Катя тогда расклеила объявления о пропаже брата, в котором обещала за любую информацию вознаграждение. И вот позвонили, назначили встречу, Катя наспех собралась, сообщила бабушке, та была несказанно рада, забросала было вопросами, хотела даже поехать с ней, но Катя попросила остаться, она со всем справится, подмигнула невидимой никому, но видимой только ей девочке Гогена, оставляя ее в своей комнате, получалось, лучшей своей подружке, которой доверяла все свои тайны, и вышла из дома.

Приехала на место: это была студия, то ли для съемок рекламы, то ли для показа мод, в общем, внутри сцена, на которой стояли какие-то люди; к Кате подошел бодрый молодой мужчина восточной внешности и представился: «Я Вася Цо. А вы Катя

К, или полностью Кан?» Да! Крепко пожал ей руку, стал быстро, хорошо поставленным голосом, без остановки, рассказывать: «Здравствуйте, Катя К, мы занимаемся розыском людей, у нас свое сыскное агентство… также у нас своя киностудия, снимаем социальную рекламу, также у нас иногда проходит показ мод, конечно, для семей, плюс снимаем по заказу семейные фильмы… в общем, у нас все сосредоточено вокруг Семьи, которая, как известно, есть сердце человечества и двигатель прогресса, поэтому нам так важны подобные вашим обращения… на которые мы, как видите, оперативно откликаемся, а именно, подключили все свои связи для поиска вашего брата Антона, и вот что имеем на сегодняшний момент…».

— О, да! — воскликнула в возбуждении Катя, после такого исчерпывающего предисловия, готовая уже встретить с распростертыми объятиями своего нерадивого любимого брата.

— Так! — громко произнес Вася Цо. — Если Антоны у нас готовы, то, пожалуйста, выходим на сцену! Заметьте, — обратился он вновь к Кате, — мы собрали по городу всех Антонов, в которых присутствует корейская кровь.

— А сколько их всего у вас? — с ужасом спросила Катя.

— Сейчас сами увидите! Ребята, на выход! — воскликнул Василий Цо и громко захлопал в ладоши, словно действительно начинался показ мод.

И на глазах у изумленной Кати на сцену стали выходить Антоны разных размеров и мастей, каждого из которых Василий по-своему представлял.

— Вот, пожалуйста, обратите внимание, перед вами гордо проходят… казахский Антон, русский, еврейский, татарский, армянский, даже, представьте, нашелся в нашем городе и африканский… ну и, конечно, замыкает процессию собственно корейский Антон!

— А что означает это расовое… ну, разделение? — в полном недоумении спросила Катя, конечно, не видя среди вышедших своего брата.

— Как что? Неужели вы не понимаете? — в свою очередь, даже с возмущением воскликнул Цо. — Как известно, мы живем с вами в интернациональном городе с населением почти в два миллиона человек, в котором насчитывается более ста национальностей, что составляет предмет гордости нашей столицы и вообще страны. Поэтому мы провели тщательную, если не скрупулезную работу по поиску всех разнонациональных Антонов с фамилией Кан, необходимого возраста в нашем городе, и вот вам результат.

— Да, да, я все понимаю, — устало сказала Катя, протягивая ему конверт с деньгами, — Но здесь нет моего брата!

— К сожалению! — кивнул ей Вася Цо, положил конверт в карман, махнул Антонам, и те стремительно исчезли. — Знаете, что? — вдруг задумчиво сказал он, глядя на абсолютно растерянную, разочарованную Катю, казалось, готовую заплакать. — Я вас свожу еще в одно место, где ваш Антон мог бы быть. В качестве бонуса! Вы не возражаете? Тогда поехали!

Затем отдал распоряжение подчиненным и повел к машине. Пока ехали, Вася Цо рассказал, что в городе с некоторых пор появилась новая сеть развлекательных заведений под названием «В Глубине». Вы случайно не слышали? Катя не слышала. Так вот, в народе эту сеть называют Трубой, потому как каждое заведение построено в виде трубы. Человек погружается в нее шаг за шагом, причем слоган примерно такой: «Познай глубину своего сознания и подсознания, и там, в своей темной сладостной глубине, ты познаешь такое, чего прежде не встречал никогда! А мы тебе только в этом поможем!» Сейчас сами увидите!

Наконец приехали, Вася по-свойски прошел с Катей без очереди, мимо охраны, вызвал администратора, представил Катю: вот, мол, девушка ищет своего брата, покажи фотографию. Катя показала. Вы такого не видели? Женщина, рыжеволосая, зеленоглазая, очевидно, привлекательная, внимательно посмотрела

на фото профессиональным взглядом, подумала, сморщив лоб, и вдруг сказала, да, она его видела в их заведении.

— Неужели? — Катя была изумлена. — А можно посмотреть, что там у вас происходит?

— У нас не положено! — резко отрезала, скрестив руки на груди.

— Ну, Рита, это же наша клиентка, — стал канючить Вася, взял женщину под талию, сунул незаметно ей денежный билет. — Мы немножко, туда и обратно, всего пять минут!

— Ладно, только пять, и я вас не видела! Давайте быстро! — отрезала рыжая и отвернулась, а они пошли вдоль по темному коридору, действительно погружаясь в трубу, и как только они тронулись, из динамиков, очевидно, реагировавших на шаги, полился томный вальяжный голос: «В глубине своего сознания и подсознания ты однажды познаешь такой сладостный запретный плод, что забудешь всю свою прежнюю пресную жизнь! И так, познавая свою глубину, ты познаешь истинный вкус жизни!..»

Они шли по сумеречному коридору, залитому светом неоновых ламп, и Вася по ходу комментировал: здесь комнаты для любовных свиданий, на двоих, на троих, четверых и так далее, все зависит от степени развращенности клиентов и клиенток, а далее, указал он в конец коридора, комнаты для приема зверей.

— Каких это еще зверей? — вздрогнула Катя.

— Ну, в общем, вся эта голливудская муть: Годзилла, Кинг-Конг, Тварь, Чужой, Кривой, Липкий, Косой, — какой там еще? — все чего требуют зрелые женщины, они в таких предложениях всегда ненасытны.

— Ну, в смысле, это переодетые люди? — осторожно, со странной надеждой поинтересовалась Катя.

— Ну да, переодетые, но в особых случаях бывают и настоящие звери, — почему-то нервничая, пояснил Вася Цо. — Медведь, питон, мартышка, например, все зависит от вкусов и заказов. Ну что, дальше пойдем?

— Конечно! — твердо сказала Катя, направляясь в самый конец коридора, или, получалось, трубы порока, пытаясь понять, как же здесь мог оказаться ее брат. Она подошла к двери с табличкой «В объятиях Кинг-Конга», уже сама, без предупреждений, отвернула заслонку на дверном глазке, обращенном вовнутрь и увидела в слабоосвещенной комнате действительно огромную черную гориллу, обнимавшую белую женщину, которая глядела, как показалось Кате, прямо на нее, широко открытыми, полными ужаса, глазами... А внизу под ногами чудовища лежала другая, то ли в забытьи, то ли, получалось, на отдыхе.

— Ужас какой! — нервно закрыла заслонку Катя. — Здесь не мог находиться мой брат!

— Мог, не мог, но имейте в виду, — упрямо возразил ей Вася, — во-первых, Рита, администратор, никогда не ошибается, а, во-вторых, молодых сюда затягивает, как в черную дыру, они даже выйти отсюда не могут... А когда деньги кончаются, начинают работать прислугой!

— Быть такого не может! — закричала Катя. — Чтобы мой брат работал прислугой у каких-то извращенок и извращенцев!

— Ну-ну, тогда пойдемте обратно! — не стал спорить с ней гид.

Катя, проходя мимо полуоткрытых комнат, не заглядывала туда, поскольку была полна страха и отвращения, казалось, но все равно все видела, как тела, два, три, четыре, много, сливались в непрестанных объятиях и толчках. И до нее доносились стоны, запахи несвежей плоти, крики, смешки и плачи от боли, словно кого-то насиловали, томили, не отпускали, и становилось уже душно, нечем было дышать, и в этом спертом воздухе всеобщего, получалось, совокупления Катя вдруг потеряла сознание и в обмороке упала на пол.

Вася присел, стал ее теребить, не зная, что с ней делать, но на помощь бросилась рыжеволосая администраторша, уже тут как тут, ворчала: я же говорила вам — не лезть! Стала бить по щекам, прыснула водой из бутылки, непонятно, откуда взялась, наконец, подняла Катю, повела на выход. Все оглядывалась по сторонам, чтобы клиенты не увидели. А тем не до этого было, самая-самая страсть, самое притяжение, тело к телу... И вот Катю наконец вытолкали вон, на улицу, на свежий осенний воздух. Вася догнал, предложил отвезти ее до дома; нет, не надо, спасибо-пожалуйста, Катя нервно выдернула руку и пошла, не прощаясь, словно того и вовсе не было.

Шла по улице, рассекая ногами кучи осенних желтых листьев, и все думала, что не мог ее брат Антон там быть, а если все-таки был, значит, ничего она про него не знает, даже родная душа — потемки, потом почувствовала, что кто-то звонит, телефон в кармане, но не было сил отвечать. Наконец, остановилась, уже далеко от Трубы, специально подальше, от той темной, липкой и порочной, стало быть, человеческой глубины, взглянула на звездное небо, на полную луну, которая, казалось, тоже глядела прямо на нее, точнее, пялилась; вдохнула в себя полной грудью ночной свежий воздух и взвыла было, как волк, на ночное светило, не зная, что теперь делать, где искать брата, и главное, что говорить про Антона близким и родным.

КОРПОРАЦИЯ «ГОЛЕМ»

Как любой заботливый отец, Борис ждал возвращения сына, благополучного или не очень; в любом случае в сердечных объятиях разобрались бы, кто был прав, а кто нет. Но в самой глубине своей души он не верил в это возвращение, точнее, при всем желании не мог поверить, ибо знал, глядя на свою жизнь, ее анализируя и оценивая, что если однажды человек, вдобавок родитель, то есть его мать, предала своего мужа, его отца, северокорейского гражданина (пусть даже ради благих целей — обеспечить сыну достойное будущее в СССР), выйдя с сыном и сумочкой в руках как бы прогуляться, и больше никогда обратно не вернулась, следуя приказу своего отца, советского корейца, вдобавок сотрудника КГБ, то эта трещина, распад и раскол, будут преследовать его, членов его семьи, потом его детей, а после внуков, если таковые сбудутся, до скончания их века. И исчезновение Антона как раз предвещало такую беду.

Когда он, будучи еще подростком, спрашивал мать, зачем она бросила отца, ведь сама выросла в неполной семье (ее мать, то есть бабушку Бориса, корейскую большевичку, увезли однажды по навету НКВДэшники в годы сталинского террора), то она, Аврора Максимовна, всегда дрожащим голосом говорила одно и то же, что если бы он остался на родине, то стал бы хунвейбином, злобным бандитом, ничтожным винтиком в машине северокорейского политического режима. В конце концов, Борис оставил эти бессмысленные разговоры и просто стал заниматься собой, пытаясь вырваться из сложившихся обстоятельств, к примеру, преодолевал свой неформальный статус лишенца, сына иностранного гражданина, причем такой печально знаменитой страны как КНДР, посредством успешной учебы, желанием во всем быть первым, помимо учебы, в спорте, которым по собственному желанию стал заниматься, в других разнообразных увлечениях, в компаниях, наконец, среди парней и девушек, которыми всегда себя окружал.

Мать же, чувствуя свою нескончаемую вину, все более от него отдалялась, пребывая в одиночестве, и однажды — Борис после злобно смеялся! — завела себе потустороннего друга, — друга? — да, друга, которым оказался не кто иной, как ее отец, — ба! так это ж клинический случай! — вот уже три года как ушедший из жизни: полковник КГБ Максим Степанович Кан, а по-корейски его звали Кан Хо

Ын, далее для краткости Хо или просто Полковник. С которым она, теперь уже не одна, постоянно советовалась, о чем-то шепталась, секретничала, в общем, жить без него не могла. Ведь это он настоял, чтобы она поехала учиться в Ленинградский университет на химика, потом с его же ведома она вышла замуж за пхеньянского красавца и далее, когда осложнились отношения между КНДР и СССР, после знаменитого разоблачения культа Сталина, именно по его приказу она вернулась в СССР, легкомысленно и малодушно оставив мужа. То, что у бабушки появился потусторонний друг, ни у кого из родных не вызвало удивления, Борис просто отмахнулся, а после и вовсе забыл. Римме, невестке Авроры Максимовны, было вообще все равно, никаких особых отношений у нее со свекровью и не было. А внуки, Антон и Катя, даже как-то этому факту обрадовались, ибо верили как дети в магическое, потустороннее, и потом, если человек одинок, твердо считали они, то он имеет право на любого друга, здесь уж, что называется, не до жиру, видимого для всех или невидимого, реального или призрака, земного ли, потустороннего, не важно, ибо все в этом мире, а в их семье тем более, были одиноки.

Борис, например, в вечных своих стараниях быть везде и всегда первым, вообще никогда не полагался на чье-либо плечо, да и какие друзья могли быть, допустим, в спорте, где все друг с другом соревновались; или в литературе, занятии по определению одиночном, которым он неожиданно увлекся, стал писать, уже будучи чемпионом во всевозможных для себя видах спорта, затем поступил, дипломированный физик, проработавший по специальности несколько лет, ко всеобщему удивлению, в Литературный институт, на семинар прозы, и был просто счастлив. К тому времени он как раз встретил Римму, чистую, наивную девушку, как водится, романтичную, даже чем-то напуганную, как тогда ему показалось, легко влюбился, качаясь на волнах своей поэзии, и через год родился Антон.

Борис был полон самых выдающихся творческих планов — написать роман о любви, о дружбе и предательстве, обо всех этих важных вещах, которые познал за время своей вполне уже зрелой жизни, о Корее, в которой родился, о России и Казахстане, в которых учился и жил, и вообще о Родине, что она есть для него такое, — именно так, посредством литературы, которую неожиданно и счастливо обрел, он хотел опять же высвободиться из своих семейных инородческих обстоятельств, в которых оказался волею судьбы. Но была уже семья, рухнул Советский Союз, надо было буквально выживать и кормить родных, и все его грандиозные планы отодвигались на неопределенное время.

Тогда он подрабатывал в местной газете, отвечал за общественную и культурную жизнь города и однажды сделал интервью с одним удачливым коммерсантом, который его так очаровал, хотя, очевидно, был авантюристом и бандитом, что Борис выписал его в своем эссе мастерски; он вылепил из него такой бессмертный образ героя, которому любые тяготы времени нипочем, что интервью получилось и пользовалось огромным успехом, и перепечатывалось в других изданиях множество раз. Тогда Карманов, тот самый коммерсант, человек благодарный и азартный, на волне неожиданного успеха, предложил вложить деньги в его писательскую контору, в которой Борис, по его замыслу, будет производить, штамповать из простых смертных и, конечно, грешных людей, блистательных, доблестных — как это он сделал из него! — сынов вечной славы, которых так не хватает стране.

Борис взял время подумать, встретился с Реной, своей давней подругой, одноклассницей, когда-то влюбленной в него, светлой, доброй, снимавшей чудесное документальное кино про детей, они все обсудили, всем нужны были деньги, а здесь вот сами пришли, в общем, грех было отказываться, и они решили попробовать. Бизнесмен обрадовался, торопил с юридическим открытием предприятия, надо срочно его зарегистрировать, открыть банковский счет, ну и, конечно, как вы свою компанию назовете?

— Действительно, как мы наше дело назовем? — спросил Борис Рену, всегда дававшую умные советы.

— Значит, что мы будем делать? Штамповать героев современности? — нахмурив лоб, размышляла вслух Рена.

— Да! Только, пожалуйста, не «Новый Мир»! И не «Новое Человечество»! — нервно говорил Борис. — Видишь, только одна пошлость приходит на ум!

— А что ты сейчас читаешь? — вдруг спросила Рена, заметив книгу на его столе.

— «Голема»! Не читаю, а перечитываю!

— Вот! Так и назовем! — воскликнула Рена — всегда неожиданный парадоксальный ум. — Агентство «Голем»!

— Ты шутишь? — изумился Борис. — Ведь это прозвучит, как издевательство над клиентами! Мы ведь действительно будем делать из них големов — лжи, гордыни, чванства, тщеславия!

— Не, не так! — мрачно парировала Рена. — Они уже придут к нам големами — воровства, мздоимства, предательства, казнокрадства, чего там еще? Это зависит от того, как они заработали свои грязные деньги! А потом мы уже будем делать из них других големов — лжи, фальши, пошлости, безмерного восхищения.

— А по-другому, по-честному они большие деньги в наше время не могут заработать? — зачем-то риторически спросил Борис и после глупой паузы продолжил, приятно удивляясь неожиданному цинизму Рены. — А ты, однако, не так проста, как кажешься! Или время что-то с тобой сделало.

— Время со всеми нами что-то сделало! — также иронично ответила Рена. — И знаешь, что оно сделало?

Опять пауза. Борис ждал, когда она сама скажет.

— Оно как раз сделало из нас големов! Всех тех условий, правил, обстоятельств, унижений, кредитов, долгов, ипотек, среди которых мы все оказались. Так что не беспокойся, Борис, название емкое, оно не только про клиентов, но и про всех нас. А потом, ты думаешь, наши заказчики будут сильно задумываться над нашими символами? Ты слишком хорошего о них мнения! Так что, шеф, даешь добро?

— Ты — моя умница! Конечно! Пусть будет по-твоему! — одобрил Борис и поцеловал партнершу в щечку. — Как назовем, так и поедет!

И действительно, они назвали и поехали, начали с агентства «Голем». И поскольку, как и ожидалось, желающих создать себе прекрасный имидж оказалось великое множество, то агентство их укрупнялось, штат пополнялся, приходили новые молодые талантливые журналисты, писатели, художники, затем Рена открыла департамент кино, ближе к своей профессии, в котором по особым заказам снимались фильмы про тех же героев, про их семьи, про их друзей и любовниц. Дальше — больше, масть, что называется, пошла, агентство расширялось, умножало свои департаменты, переехало в более просторное помещение, открывало свои филиалы по всей стране. Казалось, что все состоятельные граждане этого государства хотели быть лучше, краше, выше, умнее, в общем, не такими, какими они были на самом деле, всех охватила лихорадка нарциссизма, как называл эту болезнь Борис, и уже приближался день, когда компания со своими наличными ресурсами и мощностями должна была превратиться в корпорацию. В успешную корпорацию «Голем»! Браво, Борис! Браво, Рена! Как ты назвала, так и поехали, мудрость твоя не имеет границ!

Но если быть еще точнее, то Борис сравнивал свою работу, свой бизнес, ни с чем иным, как с таксидермией. С чем-чем?! Да, именно с таксидермией. Он помнил, что в детстве рядом с его домом находился зоомагазин. В нем, в подвальном помещении, сидел такой ладный, ловкий мужичок по имени Михалыч, с неизменной папироской в углу губ, который изготавливал для магазина чучела разнообразных зверей. Борис любил заходить к нему, наблюдать за его работой, смот-

реть, как тот на безликий каркас натягивал шкуру медведя (что-то его в этом действии всегда завораживало), потом неспешно, старательно заполнял пустоту под шкурой ватой, паклей, всякой требухой, и вот — время пролетало незаметно! — перед ними стоял медведь. Чем не медведь? Настоящий медведь, просто замерший пред лицом Вечности.

Так и он, Борис, за пять минут разговора с клиентом, все про него понимал, какой образ тому нужен, чем его наполнить, какой требухой, где подбавить жару в построении образа, страсти, драматизма, а где охладить, какие пустоты оставить, а какие заполнить. Ему уже не нужно было писать самому, со временем он подобрал команду профессиональных, дерзких, хватких и хлестких писателей, которые понимали его без слов, по одному его взгляду на клиента; они исполняли, писали, редактировали, представляя собой одну могучую литературную машину его личного выражения, а он все чаще отходил в сторону, даже не следил за процессом, на каждом участке у него были заместители.

Между тем Борис все чаще вспоминал свои грандиозные планы, с которыми жил после окончания Литинститута, свое нестерпимое желание написать роман о любви и дружбе, о жизни и судьбе, об утратах, о Родине, но от того, что мысли, чувства и настрой были уже совсем другими, обратными и невозможными для чистого сочинительства, он приходил в отчаяние, замыкался и порой напивался прямо на работе, с тоской глядя в окно, из своего кабинета на девятом этаже, в далекие, по-прежнему неведомые ему и, вероятно, уже недостижимые синие дали.

Со временем в «Големе» образовалась четкая организация и структура. Если раньше, бывало, клиенты стояли в очереди, причем каждого принимал Борис, то теперь все пространство для приема было разделено на кабинки, в которые и заводили обратившихся граждан. Какое-то совсем небольшое время клиент проводил в ожидании, перед ним висело большое зеркальное стекло, то есть принимающий его редактор видел заказчика, а тот его нет, только свое драгоценное отражение. Такую форму общения придумал сам Борис, который стал уставать от клиентов, он вообще заметил, что желающий создать свой нетленный образ со временем качественно изменился.

Если раньше, в лихие, уже легендарные, 90-е, ему попадались все романтики, безумцы и анархисты, в общем, по сути своей художники, для которых деньги были всего лишь средством, чтобы вырваться из тех общественных узких рамок, в которых они оказались, и так воплотить свой духовный бунт, то ныне, в нулевые, к нему приходили какие-то моральные инвалиды, или сдавшие финполиции своих бывших друзей, начальников за изрядный куш, или родственники каких-то высоких чиновников, наворовавших за свою карьеру столько, что можно было уже ничего не бояться, никаких органов и спецслужб, которые легко покупались за деньги более меньшие. Причем на вид они были все как один, словно дебилы: медленно реагировали, отвечая на вопросы, иногда просто не понимали, о чем их спрашивают, или наоборот легко возбуждались, начинали кричать, брызжа слюной, размахивать руками, бить по стеклу, требуя начальника, то есть, Бориса, который, вызванный подчиненными, глядя на них с той своей невидимой стороны, все больше убеждался в том, что если человек постоянно ворует, предает и насилует, то он необратимо деградирует, превращаясь в какое-то нечеловеческое инфернальное существо, в сущности, в крысу, паука или таракана, и ему опять становилось стыдно за себя, что он занимается таким нечистым делом, то есть практически из зверей делает людей, точнее героев, цинично обманывая общество, а значит себя, жену, детей, мать, своих предков, свой род наконец, и этот непреложный факт невыносимо его мучил.

Именно в таком состоянии он и находился, когда разговаривал с Катей по телефону; ничего конкретного насчет брата она ему не сообщила, одни обманки, пус-

тые обещания, от Антона по-прежнему ни следа, надо ждать, папа, ждать и терпеть. Да-да, Катя, ладно, после поговорим... Он закончил разговор, и тут же в кабинет вошла Рена и его стала торопить, — сотрудники ждут. Ах да, он вспомнил, что сегодня праздник, его компания юридически переоформлялась в корпорацию. Вы слышите, коллеги? В корпорацию «Голем» со множеством филиалов по всей стране и даже за рубежом! Борис по этому поводу выпил утром, поскольку с самого утра его поздравляли партнеры, а после, в думах об Антоне, он про этот повод словно забыл.

И вот он вышел из кабинета вместе с Реной, своим заместителем, правой рукой, и пошел прямо к столу, за которым его ждали нарядные, довольные, подчеркнуто торжественные руководители подразделений, а рядовые сотрудники уже собирались в ресторане. И пока он шел к столу, на него напало вдруг игривое настроение, точнее, бунтарское, ему стало вдруг смешно, что они празднуют по такому мерзкому поводу. А именно, что они, големы фальшивых образов, под давлением других големов казнокрадства, воровства, мздоимства и бандитизма празднуют тот факт, что их, големов, как тараканов, становится все больше и больше. О, ужас! Вот издевка судьбы! О чем он, подойдя к столу, прямо и сказал: «За наше рабство, дорогие рабы!» Закончил свою неожиданную речь и на глазах у огорченных и подавленных сотрудников выпил прямо из бутылки виски. Тогда Рена стала знаками показывать всем подчиненным, чтобы те поскорей уходили, и все поспешно убежали, зная нервного шефа не понаслышке, сама же она пошла вслед за ними, зная, что в такие моменты его лучше оставить одного.

«Мы ждем тебя в ресторане!» — сухо сказала она на пороге, предполагая, что, возможно, он совсем не придет и вступительную речь перед гостями и сотрудниками ей придется держать самой. Впрочем, так было и прежде, все знали, что Борис стал уставать или стареть, как говорили молодые сотрудницы, или сходить с ума от такой работы, как говорили руководители подразделений, все-таки понимая специфику их дела, но строгая Рена всегда всех — смотрите, еще раз услышу! — незамедлительно затыкала. В общем, Боря, мы ждем, приходи!

— Приду, приду! — махнул ей Борис. — А может, не приду!

И наконец, оставшись один, стал ходить по залу, то и дело отпивая из бутылки, затем вошел в клиентскую кабинку, выпил, чокнувшись с собственным отражением, и замер на минуту-две; со стороны казалось, что заснул, но он просто сидел, пытаясь прислушаться к себе, так у него часто бывало, но к себе, не суетному и лживому, а настоящему, честному и тихому. Замер, точно впал в транс, точно увидел в себе внутренний фокус, точку притяжения, бесценный образ, который вдруг выплеснулся вовне.

— Кто здесь? — тихо выдохнул Борис, поднимая голову, обращаясь к собственному отражению.

— Это я! — тихо отозвалось за стеклом.

— Кто я? — Борису вдруг стало страшно. — Говорите!

— Это я, твой отец, Боря!

— Папа? Ты как? Откуда? Ты как здесь оказался? — Борис, отставив бутылку, вытирал вспотевшие руки.

— Да вот решил узнать, как ты... живешь?

— Хреново живу, отец! Не так, как хочу, а... согласно внешним обстоятельствам!

— Так плюнь ты на эти обстоятельства!

— Как плюнуть?! Вот в чем вопрос!

— Очень просто. Уезжай в деревню, на море и пиши свой роман!

— Так ты... ты все знаешь? — похолодел от ужаса Борис, хотя, быть может, надо было радоваться такому совету от всевидящего отца.

— Конечно, я же как отец слежу за тобой!

— Следишь? — смутился Борис, словно маленький мальчик. — Это хорошо, папа, что ты меня не забываешь... А можно на тебя посмотреть? — Встал даже, прикоснулся к стеклу. — Папа, почему ты молчишь? Ты слышишь? Так можно?

Но тот все молчал, и тогда Борис в точности, как его клиенты, которых он презирал и ненавидел, о, да, дебилы, дауны, олигофрены и шизофреники, стал размахивать руками, потом бить по стеклу. Но поскольку за стеклом стояло плотное молчание, полная тишина, он схватил бутылку и с размаху ударил по перегородке, с третьего раза разбил ее, крепкая, мать, оказалась, сам материал выбирал, и там, конечно, никого не оказалось. И от того, что никого, ни отца, ни даже его призрака, там не оказалось, он так расстроился, что стал крушить все подряд, долго, упорно, переходя из кабинки в кабинку, потом пошел в зал, разбивал компьютеры на рабочих столах, переворачивал столы... Поэтому, когда уборщица услышала шум и заглянула внутрь, то, охая и стеная, тут же побежала за охраной, ужас, ужас, те поднялись, увидели шефа, не знали, что с ним делать, догадались вызвать Рену, а когда та пришла, Борис уже, кажется, успокаивался, сидел за накрытым столом, подперев голову рукой, и отпивал из всех бутылок.

— Ну, что у тебя случилось? — риторически спросила Рена, хотя все поняла без слов.

— Я сейчас, Рена, там, в кабинке, видел... точнее, слышал своего отца! Или Господа Отца, не важно, — пьяно рассказывал Борис. — Словно он наш редактор, писатель, а я, значит, клиент. И вот он сказал, что мне... для обретения себя... надо все бросить, эту мерзкую работу, и ехать на море — писать роман. Что ты думаешь по этому поводу?! — И тут же продолжил, не давая ей вставить слово: — Но когда я захотел увидеть его, — я же имею право как сын? или как Божий сын? — там никого не оказалось, то есть кто-то издевался надо мной! Представляешь? Сволочи! Кто? Бес, дьявол или, может, это наш хитрый бухгалтер?.. Или моя старая знакомая, ее величество Пустота! Пойдем, посмотрим еще раз! А вдруг он там, оно, она, или они прячутся?

— Боря, да кто?!

— Я же сказал, отец, бог, бес, дьявол! Бухгалтер, на худой конец!

И вскочил и бросился вновь к кабинкам, а когда опять начал крушить перегородки, стекло, мебель и столы, тогда охрана, три здоровых лба с молчаливого согласия Рены поймали его, скрутили и повалили на пол. А Борис еще долго кричал, дрыгал ногами, взывал к Рене, к отцу, к Богу, и они не знали, что делать с ним: вызвать полицию, «скорую», или оставить все как есть.

ДЫРЯВОЕ НЕБО

Раз влюбился, женился и родил детей, то будь добр, корми семью и не сетуй на судьбу, а точнее, на жену, которая якобы изменила твое призвание, — так всегда отвечала Римма Борису в ответ на его претензии и вспоминала свою семью, в которой все было намного жестче, правда, она была уверена, что так и должно быть. А именно, когда ей было пять лет — она помнила это отчетливо, словно случилось вчера, — в тот злополучный вечер мать со своей сестрой, ее теткой, долго и горячо шептались на кухне, словно замышляли, ведьмы, что-то жуткое и пока не решались. Потом вышли в зал, где отец, как водится, пьяненький, лежал на диване и пялился в телевизор, молча взяли его под руки, подвели к наружной двери, накинули пальто, ведь стояла поздняя осень, и вот так, в тапочках, вытолкали его взашей. Правда, после мать выбросила ему в окно туфли и его кошелек с деньгами, а совсем после, уже ночью, Римма, прячась за шторой и выглядывая в окно, видела, как отец на детской площадке тихо раскачивался на качелях, чтобы те не скри-

пели, чтобы никого не разбудить, тихо попивал свою водочку из бутылки, которую успел купить в магазине, и глядел — нет, не выл! — на луну.

А потом, через несколько дней, когда мать была на работе, а Римма уже пришла со школы, в дверь позвонили, она открыла, и на пороге стоял отец; Римма, конечно, его пустила, отец, весь грязный, вонючий и больной, пошел в ванную отмываться, принял душ, потом съел на кухне то, что увидел, затем дополз до своего дивана и рухнул, а Римма, чуть ли не плача, все спрашивала отца, почему или за что мать выгнала его из дома. — А тебе разве не говорила? — удивился отец. Нет, только заикнешься, сразу крик, ор! — призналась дочь. — Вероятно, денег мало приносил, — подумав, сказал он; отец работал инженером, — вот маме и надоело. Разве за это выгоняют? — удивленно спросила Римма, но отец уже заснул, открыв рот и закинув голову. И дочка пошла делать уроки и все думала, что сегодня мать с отцом должны помириться, ведь не зря же он вернулся домой, вероятно, предварительно созвонились, поняли, что друг без друга не могут, мечтательно улыбалась Римма, скучают, а мало ли денег или много, не имеет никакого значения для родных людей. Но когда пришла мать и с порога увидела отца, сначала его грязные туфли, потом тело на диване, она так заорала, фурия, брызжа слюной: «Ты зачем его сюда впустила?! Он же, может, заразный!» Потом тигрицей бросилась в комнату, опять схватила бедного отца за шкирку, поволокла его к двери, как мешок, и вновь вытолкала вон, а Римму жестоко отругала, даже ударила по лицу, повторяя: чтобы больше не пускала домой бомжей, — и потом не пустила ее с девочками гулять.

После отец еще несколько раз звонил, стучался, подходил к окну, гукал, аукал, они жили на первом этаже, прилипая лицом к стеклу, делая ладони домиком, все пытался увидеть ее внутри, свято веря, что дочь-то не сможет предать отца. Но несчастная Римма, запомнив жестокий материнский урок, теперь пряталась мышью под кроватью, и однажды отец совсем пропал. Только слышала она от его знакомых и соседей, от матери самой, что он то ли живет с какой-то новой женщиной, то ли опять один, вон даже кто-то видел, как он копался в помойке. — Да кому он нужен, заразный такой! — злорадно восклицала мать. И однажды дочка не выдержала, подошла вплотную к ней, уже выше ростом ее, и спросила, пристально глядя в глаза: «Так в чем же его заразность, мам, объясни?!» — «В его бессмысленности! — тут же злобно ответила мать, чуть ли не выплюнула, работавшая главным бухгалтером, значит, знала, о чем говорит, и далее, уже обобщая:

— Все они, такие никчемные, как твой отец, заражают своей никчемностью! Никогда не водись с подобными людьми!» — «Так я же родилась от него, он же мне жизнь дал!» — пыталась дочь как-то оправдать отца. «Ну, разве что? — хмыкнула раздраженная женщина. — Памятник ему поставь! Дурацкое дело нехитрое!»

И с тех пор у Риммы, или в Римме, да, появилась дыра — где? — в памяти, в воображении, в голове и груди, в которой исчез ее отец, которого она все-таки любила, нежный, чуткий и никчемный, как считала мать, человек. И жила она со своей дырой в груди, которую, конечно, тщательно скрывала, но она то и дело давала о себе знать. Как? А вот так. Ухаживал за ней один парень, уже в седьмом классе учились, добрый, чистый, трогательный, все до дома провожал, разные истории рассказывал, грустные и веселые, так заразительно хохотал, и однажды Римма пригласила его домой. Чай попили, в разные игры поиграли, а потом мать пришла, нахмурилась, сразу ничего не сказала, к себе в комнату ушла, но после справки о нем навела, — отец в строительном тресте, оказывается, у них работал прорабом, мать продавщица, в общем, пьяница и халда, как ни поверни, и запретила ей с мальчиком встречаться. Он никчемный, повторила свой постулат, а Римма смолчала, даже не знала, как за него вступиться, что говорить, ведь она дей-

ствительно его, Лешу, хорошо не знала. И однажды Леша позвал ее на мотоцикле покататься, дядя подарил; Римма хотела было, но тут мать дома оказалась, без вопросов, какой тут разговор, нет и все, а после она узнала, что Леша ее разбился насмерть. Вот видишь? Что я тебе говорила! Боже, а если бы поехала с ним? Сейчас бы по кусочкам тебя собирала! О, ужас! Мать даже зарыдала, представив себе такое. А Римме, напротив, показалось, что это он из-за нее разбился, то есть сначала расстроился, а потом разбился, а если бы она с ним поехала, то все было бы у них хорошо. И появилась у нее другая новая дыра, в которой исчез Леша со своей лучезарной улыбкой, трогательный, но опять же никчемный, как считала мать: во тьме погас его свет.

А потом... О, Боже! Потом была у нее подруга, из соседнего класса, такая открытая, отзывчивая, что ни попросишь, во всем Римме поможет. И вот однажды Оля, так звали ее, впервые обратилась к ней за помощью, точнее, ей даже не помощь требовалась, а так, составить компанию, посетить больного отца, проживавшего отдельно, на другом конце города. Отца? — изумилась Римма, она никогда не посещала отца по понятным причинам, конечно, конечно, какой тут разговор, я с тобой поеду. В назначенный день собираться стала, и тут мать посреди рабочего дня неожиданно появилась, извините, как черт из табакерки: ты куда? Посетить отца с Олей! Посетить отца?! Прозвучало зловеще, с учетом всех их обстоятельств. С какой еще Олей? Ах, из того дома, с никчемными? Никуда не пойдешь, и точка! Сказала, как отрезала, и Римма опять, в который раз, ей подчинилась, а Оля, подруга, зайдя за ней, стояла на пороге, открыв рот от изумления, не понимая, почему та вдруг отказалась, а объяснить не могла, и стояла так пару минут, словно задыхалась, а потом, конечно, ушла. И после — опять же, что за черная мистика такая? — узнала она, что на Олю, выходившую из дома отца, поздно вечером напали хулиганы, неблагополучный район такой, утащили куда-то, измывались, надругались, потом она, быть может, от стыда переехала с родителями в другой город, в общем, больше они с ней не виделись. Никогда.

И появилась у Риммы еще одна дыра, так сказать, на память о подруге, и с тех пор в ее жизни, с каждым предательством, большим или маленьким, дыр становилось все больше и больше, и небо над ней было уже все дырявое, и в эти дыры, как пылесосом, уносило дорогих ее сердцу людей, но в то же время небо, оно ведь справедливое, сжалившись, посылало ей других добрых людей, давая так шанс на исправление, ей, Римме, девушке, в сущности, доброй, но просто малодушной, никак не способной противостоять своей матери, преодолеть ее злую волю, и потому не умевшей любить, боявшейся чувствовать. И шансов таких было у нее много! Например, Римма, уже когда училась в институте, встретила однажды на улице бомжа, которой потянулся было к ней, на что она, конечно, отпрянула, но, сделав несколько шагов, вспомнила его глаза и поняла, что это был ее отец... О, Боже, самое время вернуться, попросить прощения, встать на колени и плакать-плакать-плакать, пока не простит; она замерла, окаменела, и все-таки — неприлично, не положено, с грязными-заразными, кем бы они тебе ни приходились, ненавижу тебя, мать, твою мать, но ничего не могу с собой поделать, ибо ты давно поместила в моей душе камень, — и она пошла дальше.

Но все-таки небо изучало Римму, следило за ней, жалело ее, давая новый шанс на встречу с интересными, порядочными людьми, именно потому она и встретила Бориса, который тогда, отучившись и отработав несколько лет по первой инженерной специальности, вновь поступил в Литературный институт и уже вовсю учился и писал. Он был яркий, красивый и дерзкий, на первых свиданиях читал ей свои стихи, которые она запомнила навсегда:

Невыносим каприз души,
Когда в бессоннейшей прогулке
Твои шаги дробятся гулко
И ни одной вокруг души.

И неизбывна та печаль,
давно забытая, но где-то
вновь отозвавшаяся эхом
не претворившихся начал…

Конечно, в Бориса она влюбилась, он обещал ей всем своим видом и фактом существования на земле совсем другой — новый! — мир, совершенно не похожий на тот, с вечно низким потолком, в котором она жила вместе со своей вечно злобной матерью, и она, недолго думая, бросилась в его объятия. А потом была свадьба, беременность; обретя Бориса, она стала сильней, быть может, учась этому у мужа, уже на пушечный выстрел не подпуская мать к той квартире, которую молодожены поначалу снимали, и та, поняв, что дочь вышла-таки из-под ее подчинения, замкнулась, вышла на пенсию, стала опускаться, сама — вот вам издевка ее мрачной судьбы! — превращаясь в тех заразных, никчемных и бессмысленных тварей, которых всю жизнь ненавидела и сторонилась.

А жизнь молодых продолжалась. Римма родила прекрасного мальчика Антона. Борис, как бы ни ругался, что хочет заниматься свободным творчеством, тем не менее, открыл PR-агентство, приносившее деньги, а дальше все больше, и потому, поскольку все так благополучно складывалось, о, благодарю тебя, Небо, Римма полностью отдалась своему чудесному ребенку. Растила его, холила и лелеяла, оставаясь вдвоем с ним в доме. По мере того как Антон рос, играли в разные игры. Но больше, конечно, в прятки; иногда она пряталась, но он долго искал, поскольку маленький, поэтому чаще прятался он, а она искала, и это было счастье, такие моменты, когда она обнаруживала — о, сладкий мой, золотой! — его под кроватью, как и она в свое время пряталась от отца, такая вот мрачная ассоциация, ну да ладно, ведь у них все будет по-другому, — обнаруживала, значит, обнимала и целовала: Антош, ты смысл и счастье моей жизни!

Но время шло, мальчик рос, ему надо было общаться, поэтому отдали его в детский сад, сама же Римма вспомнила о работе; она закончила экономический и в школе, институте, по математике всегда была первая, поэтому, чего там выбирать, пошла в банк, куда позвали однокурсники, и стала быстро, поскольку способная, делать карьеру. При этом замечала странное: к примеру, она всегда думала, что в банке работают благополучные люди, но оказалось, это не так, а точнее, чем лучше она узнавала своих коллег, совсем не так. Например, у главного сын был наркоман, который тащил все деньги из дома, а у его зама, о, ужас, младший брат избивал их мать, и никто не знал, что с этим делать. А весь банк, в котором она работала, все больше напоминал ей батарею. Батарею? Да, именно, простую горячую чугунную батарею, ту, что вмонтирована в каждом подъезде, к которой они все, одноклассники, прижимались ногами, попами, согреваясь после зимнего похода в горы, где они катались на санках, просто на клеенках и промокали насквозь, поэтому любая батарея в любом подъезде по приезде в город их спасала, пока они доберутся до дома.

Мальчик рос не по годам, становился выше, крепче и шире в плечах, сильней и умнее, потом родилась Катя, но Катя, и это Римма поняла, была отцовской дочкой, отрадой, между ними сразу же установилось взаимопонимание и с годами оно только укреплялось. А значит, у меня и для меня есть только Антон, спокойно констатировала Римма, но Антон с годами все более выказывал свой трудный характер, и это тоже была данность, с которой приходилось мириться. Например, они с таким трудом устроили его в престижный институт международных отно-

шений, но спустя всего лишь год Антон бросил его, причем родители узнали об этом последними. И бросил-то он институт ради провинциальной театральной студии, ютившейся на окраине города, которой руководила какая-то безумная баба, актриса погорелого театра, почему-то возомнившая, что она может чему-то научить начинающих актеров. Узнав об этом, Римма замкнулась, перестала общаться с сыном, просто вычеркнула его из своей жизни, понятно, что она это хорошо умела, хорошо этому научилась у своей жестокой бездушной матери. А потому приглашение на два лица, которое робко положил ей на стол Антон, а именно, на премьеру детского спектакля, в котором он получил свою первую в жизни роль, она, только заметив открытку, немедленно выбросила в окно, и, соответственно, вечно занятой Борис никогда об этом не узнал. И тогда, увидев такое глухое непонимание со стороны взрослых, Антон ожесточился, как молодой незрелый человек запротестовал, перестал ночевать дома и связался с женщиной; Римма сразу это определила по его запаху, когда он неожиданно появлялся дома и между ними уже росла стена и вширь, и ввысь.

Потом банк для эффективной работы предложил Римме, как успешному топ-менеджеру, квартиру, и та, недолго думая, согласилась, этого ей как раз не хватало, отдельного места, как для работы, так и для отдыха. И поскольку в новом пространстве она была сама себе хозяйка, она вдруг после какого-то корпоратива привела к себе молодого сотрудника их банка, который ей давно нравился. Наутро, когда тот ушел, она всерьез задумалась, что же она делает, и поняла, что именно так она заслоняет свою новую дыру, в которой исчезал — или уже исчез, о, Небо? — ее дорогой сын Антон. И сколькими любовниками она должна была еще заслониться, чтобы заткнуть все свои дыры?

И вот теперь, когда сын пропал и уже как месяц никто его не видел, она ночью, лежа в новой квартире на широкой кровати и глядя в окно на мерцавшие звезды, вдруг взмолилась, обращаясь к своему дырявому небу, прося Его вернуть ей сына, дать ей последний шанс, и тогда она пообещает, что изменится, и уже не будет так, как было с отцом; не будет, я Тебе, Вам обещаю, она действительно оставит эту квартиру, забудет всех своих любовников и будет рядом с Антоном, примет его выбор: театр, кино, хоть цирк, — все, что скажешь, милый, и даже примет его женщин, какими бы они грязными, пошлыми ей ни казались, и так будет до конца ее жизни, о, да, лишь бы Антон, дорогой, любимый, золотой, единственный, был здоров и невредим!

БАБУШКА И ПОЛКОВНИК

А еще была бабушка, мама Бориса, такая ловкая, хитрая и мудрая, как казалось Кате, что в плотных потоках своих и чужих одиночеств, всегда бесконечно растянутых во времени, она одна сумела завести себе невидимого, вдобавок всегда невредимого, друга. Впрочем, лучше по порядку. Бабушка Аврора Максимовна родилась в 1932 году во Владивостоке, затем в годы депортации была перевезена вместе со всеми советскими корейцами, населявшими Дальний Восток, в Среднюю Азию. После чего мать ее, активная большевичка, получила направление возглавить швейную фабрику в Ростове-на-Дону, куда с дочкой и поехала. Но вскоре, примерно через год, как водится, по доносу, была арестована НКВД по подозрению в шпионаже в пользу японцев, причем чисто из-за внешней схожести, и маленькую пятилетнюю Аврору увезли в детский дом. Везли ее долго, она помнит какого-то чужого дядю, который все время молчал, только курил цигарки, обдавая ее дымом, и давал ей черный хлеб с водой. Они проезжали города, леса и реки — ехали, словно на другой конец земли. Наконец, привезли, передали в руки воспитательнице, поселили в большой светлой комнате на пятнадцать человек, дали

место у окна, и это хорошо было, ибо девочка Аврора видела окрест себя не кислые неумытые рожицы воспитанников детдома, а берег реки, на котором паслись лошади, а рядом на траве, Аврора не сразу это заметила, все время лежал человек, табунщик, который иногда поднимался и нетвердым шагом ходил за вином в магазин.

Аврора по природе была девочкой смирной, ходила вместе со всеми на завтрак и обед, выполняла положенные нехитрые работы, а в свободное время бродила по пустынным обшарпанным коридорам, поскольку на улицу выпускали редко, в отведенные часы. Она мечтала о том, как приедет за ней мама, которую, конечно же, арестовали по ошибке, возьмет ее за руку и повезет домой. Правда, где их дом, Аврора не знала, ибо жили они в Ростове на казенной, от фабрики, квартире, а в Казахстане временно в доме чабана, и во Владивостоке была та же история, в общем, если не решат они, куда ехать, значит, пойдут они просто на берег реки, к прекрасным лошадям, сядут рядом с табунщиком и будут рассказывать ему свои печальные, а порой и веселые истории, а когда вино его закончится, Аврора, чтобы он не прогнал, побежит за ним в магазин.

И вдруг случилось чудо, за ней действительно приехали, спустя полгода, но не мать, а... отец, о котором она не ведала и не мечтала, ибо мать о нем ничего никогда не рассказывала. Он крепко взял ее за руку и повел на выход, и даже если попыталась бы она со страху вырваться, ничего у нее не получилось бы, он был сильный, статный, с загорелым лицом, под нахмуренными бровями пронзительный взгляд, звали его Максим Степанович, а по-корейски Кан Хо Ын, и работал он как раз в том самом НКВД, куда и забрали ее несчастную мать. Вот парадокс судьбы, часто думала Аврора об этой встрече после: с одной стороны, мать-большевичка, несправедливо арестованная органами, с другой стороны, их сотрудник отец, с которым она рассталась много лет тому назад, — они были глупые, горячие, молодые, даже года вместе не прожили, — и который, в принципе, мог арестовать свою бывшую жену. В общем, повез отец дочку из Ростова в Алма-Ату на перекладных. Потихоньку знакомились, оба были друг другу интересны, и опять за окнами пролетали поля, леса, горы, реки и озера, и иногда маленькой Авроре или Роре, так ее мама ласково называла, казалось, так бы ехать и ехать вокруг земного шара и никогда не останавливаться, никогда не выходить на землю, на которой любого сошедшего ждет столько одиночества и горя.

Отец ехал в Алма-Ату, потому что получил туда назначение после школы КГБ, он прекрасно знал корейский язык, должен был возглавить корейский отдел, работать со своим соплеменниками, расселявшимися в этом регионе в достаточных количествах, а также время от времени ездить в Северную Корею, помогать идеологически и интеллектуально братской стране. И вот приехали, поселились в служебной квартире, просторной, из трех комнат, словно с прицелом на третьего члена семьи. Максим отдал дочку в школу. Когда не уезжал в командировки, следил за ней, отводил и приводил из школы, даже делал с ней уроки, и Аврора все отчетливей понимала, какой у нее чуткий, заботливый, изголодавшийся по любви и ласке, отец. И, кажется, счастье тихо засияло в глубине ее души!

Но однажды отец, проходя мимо, прочитал объявление о наборе в хореографическую школу: приехали прекрасные педагоги из Ленинграда, из Вагановского училища, и, конечно же, он повел дочку к ним. Встретился с балетмейстером, набиравшим группу, — она была высокая, стройная, рыжеволосая и зеленоглазая, прищуриваясь, пристально глядела в глаза и вдруг звонко хохотала, в общем, казалась абсолютно свободной, всегда стояла с прямой спиной и в первой позиции. И Максим Степанович после всех корейских женщин, которых встречал в своей жизни, ярких, привлекательных или не очень, но всегда предельно сдержанных, зачастую согбенных и закрытых, а на самом деле себе на уме, как-то

отчаянно в эту Людмилу влюбился. Потом ходил к ней в училище, встречал после работы, ухаживал, дарил цветы, возил ее в горы, приглашал на концерты, и Людмила, узнав его, наконец, дала согласие, так как обеспеченный, работник НКВД, ну и симпатии какие-то, наверное, были. Стали жить вместе в той же квартире, отец, дочь и мачеха, напрямую Людмила почему-то к Роре никогда не обращалась, только через Максима: милый, скажи дочке, чтобы за столом прямо держала спину, или напомни Роре всегда мыть посуду за собой, а в репетиционном зале, в училище — арабеск, аллегро, батман! — ничем ее среди других учениц не выделяла.

Отец был прав, надо было всегда чем-то занимать ребенка, тем более что Аврора была способной, училась легко и охотно, да и в танцах, если не первенствовала, то не отставала. А отношения между отцом и Людмилой, ее мачехой, проходили как-то краем ее сознания, они непременно обращались друг к другу на «вы», после ужина с неизменным обсуждением событий прошедшего дня расходились в разные комнаты и спали ли они вместе, вспоминала спустя время Аврора, трудно было сказать. Создавалось только впечатление, что они танцевали друг с другом какой-то странный, сложный и противоречивый танец, точнее, она танцевала, а он, как вечный зритель, трубадур, или аплодировал или выжидал чего-то. Чего?

Затем подошло время окончания школы, и перед Авророй встал вопрос — куда ехать учиться, и тут взяла слово Людмила, в кои-то веки задумалась о судьбе падчерицы, беспрекословным тоном сказала: конечно, чтобы получить прекрасное образование, надо ехать только в ее родной Ленинград! И Рора, выбирая между химией и физикой, в которых всегда преуспевала, поехала поступать в Ленинградский университет на химфак. И к гордости отца легко поступила и поселилась в комнате с тремя девочками, стала привыкать к общежитию, к питерской погоде, к холоду и мраку, солнца нет, только, бывало, выглянет на полчаса между десятью утра и половиной одиннадцатого, привыкала к незатейливому быту, туалет общий в конце коридора, общий душ в подвале, на восемь кабинок, если успеешь, то повезет и будешь чистой. Но зато был Невский, разводные мосты, Эрмитаж, Дворцовая площадь, прогулки белыми ночами и, главное, люди, люди, люди, прекрасные беззаветные друзья и подруги, опекавшие советскую иностранку Рору Кан, приехавшую к ним, казалось, из какой-то далекой азиатской страны.

И Рора с благодарностью все эти ленинградские радости принимала, и училась опять же легко, профессора отмечали ее быстрый ум, хорошую память, тут же ее запомнили, и она уже ходила по коридорам факультета отличницей, уверенным шагом, занималась научной работой, ей доверяли, и однажды встретила в одной из лабораторий студента Кима из Пхеньяна. Вот чего она не ожидала никогда! Ким Кен Иль, так звали его, был на год старше ее, красив, высок и статен, чем-то напоминал ей отца, и она влюбилась, точнее, сначала подружилась на почве общих научных интересов, а потом уже в сердце свое впустила, учила русскому языку, а он корейскому, но, правда, у нее плохо получалось, зато у него была явная способность к языкам. В конце концов, он так преуспел, что однажды признался ей в любви, почти на чистом русском, потом на английском, а потом на корейском, чтобы наверняка. Она была растрогана и поняла, что надо сообщать отцу; долго готовилась к разговору, зная его строгость, потом все-таки позвонила. Максим Степанович все понял, немедленно взял командировку, сделав все дела в Москве, приехал «Красной стрелой» в Питер, утром же как деловой человек встретился с Кимом, долго говорили на родном языке. Рора ничего не понимала, только глядела то на одного, то на другого, пытаясь понять, как они друг другу понравились. Или совсем нет?

Когда разговор был окончен, они, расставшись со студентом, пошли к отцу в гостиницу, и в номере он, раздевшись, налил себе коньяку и, наконец, дал добро.

Перед отъездом оставил денег на свадьбу, которую праздновали спустя месяц в просторной комнате для занятий, на первом этаже; набилось человек пятьдесят, друзей, подруг с ее и его курса, пили, ели, гуляли и танцевали до утра. А спустя неделю переехали в семейное общежитие, и опять учились, оба очень старались, продолжая научную работу на кафедрах, в свободное время изучали Ленинград, теперь это была их любовь на всю жизнь, город, в котором они встретились. Потом Ким защитил диплом и стал ждать ее, подрабатывал на химическом заводе, и вот защита ее прошла успешно, дипломы оба с отличием, и опять праздновали окончание учебы всем потоком и прощались с сокурсниками уже навсегда. Никогда не говори навсегда! — говорили друг другу и плакали.

И Ким повез ее к себе домой, в Пхеньян, об этом они тоже с отцом договорились, к тому времени Рора была уже беременна, а Кен Иль немедленно вышел на работу, чтобы кормить семью, чтобы его любимая ни в чем себе не отказывала. И вот в ноябре она родила Бориса. Тогда жили уже в новой квартире на берегу реки Тэдонган. Прогуливаясь с коляской по набережной, Аврора почему-то вспоминала давнее: свой детский дом под Ростовом, большую комнату с соседями, чудесный вид из окна, берег реки, на котором паслись сказочные лошади, а потом, как она мечтала уехать оттуда, свой невероятный план: если никто за ней не придет, то сядет в лодку табунщика, привязанную к причалу, пока он, пьяный, спит, и на ней поплывет по реке. И вот словно она плыла, плыла много лет и пристала к новому пятиэтажному дому на берегу реки Тэдонган. Почему? Потому что все реки — река, сказочная река, причем в пространстве и времени, и в коляске у нее уже лежал маленький сказочный Борис, а на работе работал ее сказочный муж, который о ней непрестанно заботился.

Но потом случилось невообразимое. В России сменилась власть, коммунистическую партию возглавил Хрущев, и началось знаменитое разоблачение культа Сталина, отношения между Пхеньяном и Москвой испортились, корейцы стали настороженно относиться ко всем, кто приехал или приезжал из СССР. Но и этого, быть может, Рора не заметила бы, так как ей уже было о ком заботиться, и вообще у нее уже была своя сказка, непреложная, всегда содержательная, не зависевшая от того, что творилось за окном. Но тут словно взбесился отец, словно жил себе, жил, и вот взрыв в мозгах, стал писать ей, телеграфировать, вызывать на телефонные переговоры, во время которых говорил ей: послушай, политическая ситуация в Пхеньяне настолько осложнилась, что тебе небезопасно там оставаться. Ты слышишь, дочка, меня? И действительно, отец не сходил с ума, он же был профессиональный разведчик и знал многое, о чем не знали простые люди. Выйдя вдруг из своей сказки, Рора стала замечать, как ее подруги, советские кореянки, а также русские, немки, польки, чешки, словачки, все, кто вышли замуж за корейцев, стали неуклонно покидать страну, уезжать с детьми, как бы на время, погостить, но неизвестно было, вернутся ли они обратно. А мужей, конечно же, с ними не отпускали. И отец опять во время очередного разговора требовал, чтобы Рора немедленно вернулась. «Но как, папа, как!? Кима же со мной не пустят!» — наивно цеплялась она за последние доводы. «А кто тебе говорит о Киме! — вдруг цинично и яростно закричал отец. — Ты должна вернуться только с ребенком! В противном случае, — заключал Максим Степанович, — я за ваши жизни не ручаюсь!»

— Папа, ты убиваешь без ножа! — зарыдала в трубку Рора и присела от боли где-то в животе, словно ее уже зарезали. После этого разговора отец прислал ей билеты на поезд через посольство, оставалось несколько дней, которые Аврора решила провести с мужем, сказала, что плохо себя чувствует, что не мог бы он отпроситься с работы всего лишь на несколько дней. Ким так и сделал, и они были дома или гуляли, или ходили по кафе, в театр, куда угодно, лишь бы быть вместе:

она, он, их чудесный ребенок. Аврора была необычно тиха, только слушала и молчала, пристально смотрела на мужа — сбоку, сзади, в лицо, пытаясь запомнить его черты, его образ. А тот, что-то чувствуя, все же не понимал, что происходит и спрашивал, не больна ли она. Наконец, в назначенный день отъезда Ким пошел на работу, как они и договаривались. Рора его проводила, приготовила завтрак, была особенно чутка с ним и нежна. После ухода — а он обещал вернуться пораньше, договорились навестить их общих друзей — она упала на кровать и долго-долго плакала, просто рыдала. Потом все-таки встала, смахнула слезы, походила по квартире, прощаясь с домом, в котором была так счастлива, и поехала с ребенком на вокзал.

Когда приехала в Алма-Ату, узнала, что Максим Степанович и Людмила вот уже полгода как расстались, что рыжеволосая пассия отца, влюбившись в молодого танцовщика, выступавшего здесь на гастролях, вернулась с ним в Ленинград. И стало быть, отец, оставшись один, захандрил и, не умея жить в одиночестве, стал звонить, писать письма, телеграфировать дочке, чтоб та поскорей вернулась. А политические обстоятельства, о которых он так живо ей говорил, это было просто сопутствующее. — Значит, это правда? — пораженно глядела Аврора на отца. — Значит, ты вызвал нас только потому, что не хотел оставаться один? — И что бы тот ни говорил, прочтя истинный ответ по его глазам, она зарыдала так горько, что вслед за ней заревел малыш, потом тихо заплакал отец. Быть может, вернуться обратно? — вспыхнула у нее мысль, но, глядя на низвергнутого старика, собиравшегося выходить на пенсию, на ползавшего по нему малыша, почуявшего в нем родного дедушку, она смиренно решила остаться с ним.

И стали жить-поживать; Максим Степанович старался, как мог, стать отцом для Бориса, который, по мере того как рос, все чаще задавался вопросом, а где мой отец и кто он. И если это отец, то почему он такой старый, не унимался мальчик, ведь этот вопрос задают мне в детском садике, когда дедушка за ним приходит. А полковник все молчал, просто скажет, что его отец в командировке, а где, на сколько и когда вернется, он, конечно, не говорил и все больше замыкался в себе, чувствуя свою вину, все более неподъемную, в лице внука, уже не любого, а раздражавшего, маячившего перед глазами, и значит, следовало заливать глаза, чтоб никого окрест себя не видеть. И так дедушка стал выпивать, и Аврора ничего не могла с этим поделать, а, однажды придя с работы, она увидела такую картину: дедушка спал лицом в стол, в лужах вина, на столе початая бутылка, в ногах внук, завязывал там что-то... Рора пригляделась, проволокой ноги заматывал, ужас, словно вот, наконец, поймал преступника, тогда опять взглянула на отцовское лицо, на котором такая слабая, даже глупая улыбка еще просвечивала, словно вот отмучился. И дочь вдруг поняла, что он не спит... Не знала, плакать ли ей или врачей вызывать, после, конечно, зарыдала, на пол села, рядом с сыном. — Перестань! — замахала руками. — Развяжи его! А он, как взрослый мужчина, мол, не плачь, мам, мы справимся, я сам буду за тобой ухаживать.

Но вместо того, чтобы за ней ухаживать, Борис — да, это дух отца в него вселился! она знала, что спустя пять лет, после ее предательского отъезда, муж ее, добрый и нежный, скончался, сердце разлуки не выдержало! — все чаще стал на нее набрасываться. Почему ты отца бросила? Почему ты его предала? Послушала этого маразматика, у которого руки в крови! Гореть вам с ним в аду!! «Не смей так говорить о своем дедушке!»

А потом Борис замкнулся, ведь невозможно все время кричать, ее укорять, у него появились свои дела, школа, спортивные секции, потом институт, друзья, прочие увлечения, и Аврора вроде бы успокоилась, они просто перестали друг с другом общаться, совсем, даже не здоровались по утрам, сообщаясь только по необходимости.

Потом Борис вообще стал заниматься творчеством, неожиданно для всех, кто его знал, начал писать прозу, стихи и эссе, и в этом Рора тоже видела свою вину или заслугу, это, как посмотреть, ибо писатель по определению существо закрытое, герметичное, не нуждается в людях, в окружающем мире, а только в себе, в своем опыте и собственных силах. И наконец, очевидно, для полного завершения этой повести о семейном отчуждении Борис привел в дом Римму, которая всегда обращалась к будущей — и здесь все возвращалось, как в дурном сне! — свекрови только через Бориса, как ее мачеха, балетмейстер Людмила, через отца: Борис, передай, пожалуйста, маме, что я сама приготовлю тебе завтрак, и вообще двум женщинам, как известно, на одной кухне делать абсолютно нечего! А потом, когда появились дети, общение между ними, поскольку посредников стало больше, совсем прекратилось, зато были Антон и Катя, и если Антон все время куда-то рвался, бежал, как мальчику и положено, то Катя всегда была рядом с бабушкой, была ей верной подругой и в счастье, и в горести, но даже от нее у Авроры были свои секреты.

Это случилось, когда Кате было всего семь лет, то есть еще до появления девочки Гогена, правда, уже тогда она обладала даром видеть невидимое, или даром — как бы это сказать? — не довольствоваться всем земным, зримым и непреложным, который она, конечно, переняла от бабушки, и сейчас станет ясно, почему именно от нее. Итак, Катя ходила по пустому коридору, в плохом настроении, туда-сюда, то ли родители поругались, заперлись в своих комнатах, то ли разбежались, не важно, она помнит, что была совершенно одна. Потом вдруг услышала странные тихие голоса за бабушкиной дверью, постояла, послушала и без стука вошла. И увидела Аврору, сидевшую на кресле, а напротив нее, на другом кресле, сидел незнакомый ей старик с прямой спиной, аккуратно держа руки на коленях. Причем она ведь помнила, никто из гостей к ним сегодня не приходил.

— Бабушка, это кто? — Катя открыла рот от удивления.

Бабушка даже не удивилась этому вопросу, она знала, что однажды ее спросит тот, кто умеет видеть невидимое, или, как уже было сказано, не умеет довольствоваться земным и непреложным, и таким человеком оказалась именно внучка, все правильно, через поколение, значит, ее дар переняла. Бабушка Аврора Максимовна в своем отчуждении с сыном была так одинока и так часто думала о родных ушедших, каковым у нее был только отец, каким бы эгоистом он многим ее подругам ни казался, ибо мать свою она вообще не помнила, ее забрал НКВД, когда Роре было всего четыре года, — итак, она столь часто думала об отце и даже с ним, бывало, разговаривала, что однажды он появился в ее жизни, оставаясь с ней уже навсегда. О, Боже! Появился и больше никуда не исчезал, разве что на несколько дней, когда они ссорились, ведь все равно они, как это странно, земная женщина и потусторонний старик, продолжали ссориться. Поэтому когда появилась Катя, она не спешила ей отвечать, а обратилась к отцу.

— Папа, познакомься, это твоя правнучка Катя, которая, к нашему счастью, *видит*.

Старик кивнул и сдержанно улыбнулся.

— А что, ты сказала, я *вижу*? — спросила цепкая Катя.

— Его, своего прадедушку! Ведь если бы *видящим* оказался твой отец или мать, ничего хорошего из этого не вышло бы, — мрачно сообщила Аврора.

— Ну да, — согласилась с ней Катя, зная, как отец относился к деду, а матери вообще было все равно, а потом, подумав, добавила: — Но они в своем эгоизме вряд ли что-то вообще увидят!

— Слава Богу, что ты не такая! Видишь, значит, любишь! Ну, познакомься, наконец! — счастливо улыбнулась Аврора. — Катя, это твой прадедушка Максим Степанович Кан. По-корейски зовут Кан Хо Ын, в прошлом полковник КГБ.

— Здравствуйте! — улыбнулась старику Катя, не зная, стоит ли подходить к призраку, обнимать его по-русски, как бы не вышел конфуз, и осталась стоять на месте, с поклоном, значит, по-корейски. И поскольку Хо, так для краткости его близкие называли, был молчалив, Катя, спрашивая его о чем-то, обращалась всегда к бабушке. Увы, такая, значит, со временем образовалась в этой семье треугольная традиция... Тем не менее, она с прадедушкой Хо крепко подружилась, и все вместе, с Авророй, они теперь представляли банду заговорщиков. То есть, появляясь перед родителями с бабушкой как бы вдвоем, они всегда делали вид, что никакого третьего рядом с ними нет. Но время от времени друг другу заговорщически улыбались и подмигивали. Однажды Борис заметил эти их переглядки и даже спросил: чего это вы все подмигиваете? На что Катя, растерявшись, не знала, как и ответить, и только прыснула, потому что именно в этот момент за отцом появился Хо, с таким хитрым-прехитрым лицом, приставляя палец к губам, мол, смотри-ка, меня не выдай! А иногда, когда мать и отец ходили по комнате туда-сюда, спорили и ругались или просто оживленно разговаривали, соответственно занимая много места, Хо залезал прямо на стену, — представляете? — даже бабушка таким его потусторонним упражнениям удивлялась, и сидел там, на белой стене, этаким огромным кафкианским тараканом, внимательно слушая их, а потом слезал, когда те, наконец, уходили из зала.

Но больше всего они любили сидеть в бабушкиной комнате и играть в семью. Это как? Полковник Хо стоял посередине комнаты, а Катя с Авророй давали ему задание: изобразить кого-либо из членов их семьи. Призрак действительно оказался очень артистичным. Обладал ли Максим Степанович такими талантами в жизни, бабушка затруднялась ответить. Например, Катя его просила: а не изобразите ли вы, дорогой Хо, моего папу?

И полковник тут же на месте превращался в этакого нервного, подозрительного, вечно на всех оглядывающегося, мужчину с искаженным от раздражения лицом, никак не способного справиться со своими руками, которые делали то размашистые движения, словно на бегу, то лезли в карманы, что-то вечно ища, то ощупывали свое тело, очевидно, проверяя, на месте ли у него его внутренние органы. И Кате, глядевшей на это изображение, становилось грустно. — А Римму? — просила далее бабушка, конечно, не забывая о невестке. И полковник мгновенно превращался в фифу, которая то и дело поправляла себе прическу, заглядывая в зеркальце, или обводила всех окрест томным зовущим взглядом или вдруг, отбрасывая все свои ужимки, каменела, погружаясь в глубокую депрессию. — Хорошо, — оставалась довольна увиденным бабушка, — а что у нас с Катей? И Хо изображал из себя серьезную, немного насупленную девушку, которая так сосредоточенно глядела в точку, словно пыталась увидеть в пустоте нечто чудесное и, наверное, более прекрасное, чем то, что окружало ее вокруг. Затем, словно вспоминая, кто и где она, приходя в себя, растерянно, с извиняющейся улыбкой, осматривалась вокруг. Надо сказать, что этот призрак прадедушки Кати, отца Авроры, был пугающе, по-дьявольски наблюдательным. — И наконец, у нас остается Антон! — подытоживала игру Катя. И они с бабушкой сразу же видели перед собой Антона, возвышенного, восторженного, взмахивавшего руками, готового поклоняться кому-то или чему-то; самое главное — найти этого Некто или Нечто, присевшего на колено перед невидимым объектом своего обожания. И это изображение происходило именно тогда, когда Антон еще учился в престижном институте, еще не ушел в театральную студию, не поссорился из-за этого с родителями, то есть призрак прадедушки Хо все предвидел и предсказывал, но сделать выводы из этого предсказания даже черт не смог бы.

Наконец, когда родители уходили на работу и квартира становилась свободна, когда было где разгуляться, Катя предлагала бабушке и полковнику сыграть в

какую-нибудь игру всех времен и народов, например, в прятки. И Хо великодушно оставался считать, а Катя и бабушка разбегались в разные углы просторной квартиры. Но вскоре выяснилось, что потусторонние существа, каковым был, напомним, призрак полковника КГБ Максима Степановича Кима, легко переходили, а точнее перетекали из одного мира в другой, поэтому они видели все сквозь стены. Поэтому, когда бабушка с Катей окончательно прятались, Хо, прекращая счет, сразу же узнавал, где они, и даже если бы они прятались на улице, за пределами дома, результат был бы ровно тот же. Хотя, конечно, поначалу Хо притворялся, что ищет их, не зная, где искать, но его обман вскоре был обнаружен. А когда Хо прятался сам, то, конечно, никто не мог его найти, опять же по тем же самым причинам. В общем, силы были неравные, и тогда игра их видоизменилась, стала похожа на первую, игру в семью, но все равно называлась игрой в прятки, только на расстоянии.

А именно: Хо сидел на полу в центре комнаты с закрытыми глазами, как йог, как шаман, визионер, а бабушка с Катей задавали ему вопросы. Например: скажите, многоуважаемый Хо, а где сейчас находится мой папа Борис? И Хо со своим удивительным зрением-видением, говорил, он там-то и там-то, на переговорах, на интервью, или в кафе, обедает, едет в машине, разговаривает по телефону. А иногда он молчал, говорил, что ничего не видит, хотя такого в его случае просто не могло быть в принципе, потому что он видел Бориса в постели с Реной, его заместителем, они давно жили вместе как муж и жена, и потому зачем об этом было говорить бабушке или Кате, они бы расстроились. То же самое он рассказывал и про Римму, где она и что делает, и умалчивал в тех же самых случаях; но если Борис был всегда с одной и той же женщиной, то Римма — с разными мужчинами, преимущественно моложе ее, и об этом тем более ему надо было молчать. — А Антон? — не унималась Катя. К тому времени, когда они начали играть в эту новую игру, в прятки на расстоянии, Антон уже бросил институт, пришел в театральную студию, поссорился с родителями из-за этого, уже счастливо репетировал на сцене, нашел новых друзей, о чем полковник им исправно и сообщал. А в последний месяц, когда Антон совсем пропал, Хо перестал о нем что-либо сообщать, и когда бабушка с Катей его настойчиво просили, умоляли, даже кричали на него, потрясая кулаками, Максим Степанович только в бессилии мотал головой, он действительно ничего не видел: один глухой сплошной безымянный объем, в котором не было ни одного просвета.

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ТЕЛО

А потом был звонок, точнее, Кате казалось, это она его наколдовала, согласно законам потустороннего мира, в который она, значит, вступила, с одобрения бабушки, хотя, как позже выяснилось, лучше бы она вообще его не получала, оставаясь в неведении насчет брата. В общем, позвонила некая Мария, руководительница студии, куда и ходил последнее время Антон, назначила встречу, и они, конечно же, встретились. Златокудрая и вся словно разобранная, она долго извинялась по поводу своего отсутствия, оказалось, месяц была на гастролях, по стране, не могла ее принять, чтобы поговорить об Антоне. Она стала водить ее по театру, по коридорам и комнатам, по гримерным, костюмерным, бутафорским, параллельно рассказывая ей о том, что их театр собой представляет. Открылись мы относительно недавно, семь лет тому назад, полные новых посылов, с желанием сказать и сделать нечто новое. Вы спросите, что? Я отвечу, говорила она скорей сама с собой, чем с Катей, мы хотели пересмотреть, если хотите, перетрясти всю мировую классику, но не с целью ниспровергнуть ее, низложить, как это делают тысячи наших коллег, причем самым бездарным образом, а с целью обрести новые цен-

ности… Вы обратили внимание, как называется наш театр? Нет, покраснела Катя, действительно даже не удосужилась, хотя приходила сюда не первый раз, но до этого ли ей было?

— Наш театр называется «Утиная охота»! — торжественно объявила Мария. — Вы понимаете почему? Да потому что великий Александр Валентинович Вампилов создал, предвосхитил в своей шедевральной пьесе героя XXI века, который всем своим существом говорит, уже без всяких иллюзий, что люди всегда слабы, пусты, поверхностны, неверны, суетливы и потому бессмысленны, и жизнь их соответственно выеденного яйца не стоит. И есть у них, у нас, у всех, одна Утиная Охота — как некая запредельная волшебная страна, метафизическая реальность, о которой мыслящий человек, вслед за героем Зиловым только и думает, по которой томится и мучается, и у каждого, конечно же, своя! И только поэтому он терпит свое и чужое дерьмо, сиречь, окружающую его канализацию. Вы понимаете, какая это безжалостная мысль, не оставляющая никаких надежд на светлое будущее? — заглянула Мария в глаза Кате своим зелеными глазами, махнула рыжей копной волос, и Кате вдруг показалось, что где-то она ее уже видела, то ли в своей жизни, то ли в чьей-то чужой, а может, в чьих-то рассказах, наверное, бабушкиных, больше никто так о себе проникновенно ей не рассказывал, и вдруг все вспомнила: девочка Аврора держит за руку отца, который ведет дочку на первый в ее жизни урок классического танца, где встретит златокудрую и зеленоглазую красавицу, в которую безнадежно, как покажет время, влюбится. О, Боже! И теперь эта… как ее, кстати, зовут? И что бы это вообще значило!?

— Вы меня слушаете? — почувствовала Катя чье-то прикосновение, пришла в себя и вновь увидела перед собой Марию. Они находились уже в кабинете. — Присаживайтесь, — предложила та, сама села за стол напротив. — Итак, я продолжаю свой рассказ, на чем я остановилась? Да, на пошлости нашей жизни! Все — дерьмо, и есть лишь одна метафизика! Далекая, высокая, звенящая, манящая, которая и выстраивает Вертикаль Небесного Смысла в нашей убогой, такой загаженной жизни. Именно с этого ракурса мы и обратились к классике, к «Отелло», в частности, чуть изменили великого Шекспира, прости нас, Господи, назвав нашу версию «Тайна Дездемоны». И вот в этом спектакле как раз и участвовал ваш брат…

И Катя тут же вздрогнула, наконец, услышав о брате, уже вся внимание, и слушала, слушала все, что говорила ей златокудрая Мария. — В «Тайне Дездемоны» мы с актерами и авторами, — говорила она, — изменяя оригинал, задавались вопросом: а так ли была верна Дездемона Отелло, а может быть, пока он ходил в свои славные походы, воевал с врагами, она позволила себе изменить ему только потому, что вокруг рутина и тоска, самые страшные наши враги. В общем, по нашей версии, у нее появился-таки любовник, да, да, тот самый лейтенант Кассио, чего далеко искать, которого и играл ваш брат. Ранее мы занимали его только в детских спектаклях. Причем у него успешно прошли уже две премьеры, на которые никто из родственников, кстати, — вдруг строго посмотрела она на Катю, — не пришел. А он так вас ждал! Скажите, почему?

— Да-да, я помню, я действительно болела! А вот родители… — задумалась на секунду Катя, ведь их он, собственно, и звал, чтоб доказать им, что не зря он бросил институт, что он ищет себя, что если ему не хватает эмоций дома, в учебе, то он найдет их на сцене, и что у него на сцене действительно получается, вот посмотрите, дорогие папа и мама, я дерзок, я талантлив, но они в очередной раз проигнорировали или просто забыли, как мы бездарно живем, подумала Катя. — Да, они не пришли без видимых причин.

— О, это так ужасно! Я помню, как он все выглядывал перед началом из-за занавеса в зал, все искал глазами своих родных и никого не нашел. Тогда я поняла,

что у него в семье большие проблемы… Тогда на сцене у него был такой растерянный вид, и он являл собой такого грустного-грустного человека в костюме Буратино! И в тот же момент я поняла, что именно ему надо отдать роль Кассио, ибо Кассио, по нашей версии, по жизни растерян, и Дездемона наша растеряна, и, в сущности, Отелло, и прочие, потому что никто не знает, как и ради чего, собственно, жить… Мы стали репетировать денно и нощно, и в театре, и дома у меня, в конце концов, мы выпустили спектакль, в котором Отелло, измученный ревностью, набросившись было на прекрасную Дездемону, отводит в последний момент от нее руки, жалея. И убивает Кассио, вот так же душит его, оказавшегося в постели неверной жены.

— Как это душит?! — испуганно вздрогнула Катя. — Я никогда еще не слышала, чтобы Отелло убивал в финале не Дездемону, а кого-то другого.

— Вот именно! И в этом наша находка, если хотите! И я надеюсь, что великий Шекспир простит нам нашу вольность! Ибо мы преследовали одну высокую цель или являли собой, своим спектаклем одну великую философию, заимствованную нами у Вампилова. А именно, если в мире все дерьмо, все тленно, ржаво, непрочно и несовершенно, а любовь, вера, человеческие отношения и все главное, ценное, вечное заключается только в наших неземных посылах, то брутальный Отелло, убивая любовника, так убивает свою земную любовь к Дездемоне и вообще ко всему человечеству, в тот же момент начиная верить во все неземное. То есть в неземных Дездемону, помощника Кассио, все человечество, вы понимаете?

— А земная Дездемона? — ничего не понимала Катя.

— А земная Дездемона превращается для него просто в куклу, в самодвигающееся женское тело. И в этом ее ничтожество, что она остается жить, и великодушие Отелло, что он ее без всякого насилия оставляет.

— Так это ж не великодушие, а холодное высокомерие! — вдруг горячо возразила Катя. — Значит, он совсем не любил Дездемону! Я бы на месте Отелло убила бы все-таки ее, как, собственно, есть у Шекспира.

— Замучились бы убивать! — как-то грубо хмыкнула Маша.

— Что-что? Не поняла?

— Ну, если бы у вас было много несчастных любовей, вы бы не стали убивать каждого. Не правда ли? Просто плюнули бы на них, вычеркнули бы из своей жизни. Вы после поймете, вы еще маленькая, — мягко возразила ей матерая, стало быть, Мария и продолжила: — В общем, мы выпустили спектакль, был успех, аншлаг, приглашения за границу, но дело не в этом… Дело в том, что, пока мы репетировали, Катя… мы с Антоном влюбились друг в друга!

— Что-о?

— Да, вероятно, с этого и надо было начинать мой рассказ, но вы бы тогда ничего не поняли, всего смысла произошедшего… Итак, мы влюбились, и нас даже не смущало то, что я была старше него на 12 лет… И мы, влюбленные, окрыленные, давали премьеры, которые всегда проходили на ура. После одной из них мы поехали ко мне, поужинали, что-то обсудили, о чем-то спорили, затем провели ночь, полную любви, заснули, а наутро… наутро… — вдруг замерла Мария.

— Что наутро? Говорите же скорей! — торопила ее Катя, уже чувствуя что-то неладное.

— Сейчас, сейчас… Только не перебивайте меня, пожалуйста. — продолжала Мария. — Я все объясню. По порядку. У меня есть муж Миша. Такой добрый простой честный муж, который никакого отношения к театру не имеет. Мы знакомы с ним еще со школы, я уже тогда была в самодеятельности, а он всегда мной восхищался. Миша участвовал в чеченской войне, вернулся с ранениями, потом пришел в милицию, проработал там несколько лет, но не выдержал… Ну, знаете, крыши, наезды, взятки, воровство, мздоимство… Бесконечное! Я же говорю, он слиш-

ком честный для этой жизни, а для ментовской тем более. Так вот, остался без работы, потом взяли его охранником в фирму по знакомству, ну и работал себе там, никому не мешал. У меня тогда уже появилась студия, первые спектакли, первый успех. Я арендовала себе от студии квартиру побольше, где мы могли бы с актерами встречаться, репетировать, этакий штаб, в театре охрана все-таки, ходила, подсматривала, ушли или нет, над душой стояли, а здесь играй хоть всю ночь!... А Миша по утрам приходил, убирался, бардак, богема, я не возражала, все-таки порядок необходим, он поначалу постоянно ворчал, такой занудный, знаете, вот накурили, насорили, а это что, опять бутылки, ужас! В общем, нудил, нудил, а кругом люди спят, актеры, только под утро легли, ну и я сама. Однажды я не выдержала, встала, подошла к нему и говорю: Миша, заткнись! Я ненавижу твой голос!! Слышишь? Если еще раз слово скажешь, я с тобой расстанусь! Но он забывал, опять ворчал, тогда я ему такой скандал устроила, насчет его мерзкого, скрипучего голоса, что он испугался даже. И с тех пор он стал делать все молча: молча приходил, молча убирал, молча поднимал сонных актеров, молча тычки им давал, домой прогоняя — все молча...

И вот тогда, после премьеры, мы заснули, счастливые и влюбленные, утром я встала, пошла варить кофе, потом стала будить Антона, что-то заспался он... И... И увидела, что он не дышит, понимаете, пульса нет, вдобавок синий весь стал лицом... Боже! Я так заорала! Потом стала осматривать и увидела синяки на шее, на руках, значит, борьба была, но ни звука я ночью не услышала... Так же не может быть! Тем более я сплю чутко. А потом все в одночасье поняла. О, ужас! Это он, мой бедный несчастный безумный муж! Я же сказала ему, чтобы все делал в моем доме без этого ненавистного мне голоса! И вот он сделал. Без голоса, без шума, верно, их в Чечне всему этому учили. И еще я хотела спросить его, если кто-то переспал с твоей женщиной, то надо ли его за это убивать?

Катя сидела, вся белая, без дыхания, оцепеневшая.

— Я ему позвонила, что-то кричала, спрашивала. Не помню, что он мне отвечал, скорее всего, молчал. Помню только, он сказал, что к ночи придет. За телом. Я ушла из дома, до ночи еще была куча времени. Ходила по городу, как бы гуляла, в театр не заходила, мне казалось, они сразу все поймут, наши чуткие актеры, просто по тем местам ходила, где мы с вашим братом гулять любили, садилась на наши скамейки, и все плакала. Потом в кафе заходила, что-то пила. И опять гуляла. Вечером вернулась, когда темнеть стало, осторожно так в спальню заглянула, думала, а вдруг он проснулся, а вдруг это просто игра такая, в ужастики? Но нет-нет-нет, он никак не просыпался. И я на кухне все сидела, коньяк допивала. Потом муж пришел, я хотела было все выяснить, почему, за что... Но какая-то апатия напала, все тело свинцовое, я просто на кухне сидела, смотрела в окно, как люди в доме напротив живут. Потом Миша меня позвал, я вошла и увидела, как он тело в одеяло заворачивал, после крепко связал веревкой, а потом, выключив свет, мы потащили его, вашего брата, моего возлюбленного, вон из квартиры, на парковку, что под домом, на цокольном этаже. По дороге останавливались, и он все камеры заклеивал. Сказал, чтобы на обратном пути наклейки сняла. Спустились в лифте, дотащили до машины, в багажник погрузили, захлопнули. Все, он уехал, а я домой пошла. На следующее утро мне позвонили, надо было на гастроли собираться, я и забыла, все спрашивали, не видела ли я Антона Кана, нет, нет, сказала я, если его не найдете, то замену для него подберите, на «Тайну Дездемоны», или Турунтаева или Юкониса... А потом вечером мы поехали, и я все пыталась забыть, там, за игрой, о случившемся, но разве такое забудешь? Наоборот, роль свою забывала, слова, меня, в конце концов, подменили, я просто одна в номере лежала, как будто больная, но я и была больная, а ночью, представьте себе, ко мне сам Антон пришел, причем вместе с Мишей...

Катя с ужасом смотрела на Марию, она действительно, вся растрепанная, была похожа на безумную.

— Представляете, ужас какой: вдвоем?! И я во сне ему — ну, Антон, что ж ты умер, погиб, дурачок ты этакий, я так на тебя надеялась и любила! А он все за шею хватался, мол, не могу говорить, и я заметила, что горло у него в бинтах. Тогда я к Мише. Гневно. Ну а ты что молчишь? Идиот!! Мерзавец! Дебил! За что ты его? А он палец к губам, а потом на меня направлял, мол, нельзя мне говорить, ты же сама запретила. Издевался, в общем! Я еще тогда решила, что по приезде сразу же вам сообщу, невозможно такое в себе носить! Вот все вам и сообщила... Ох! А теперь вызывайте полицию!

И буквально через час в театр приехала полиция, чуть позже — отец и мать, бабушку оставили дома, хотя им не положено было быть во время следствия, но попробуй им докажи, особенно матери, которая, казалось, вот-вот взорвется, если столько времени тянули, ленивые тупые менты, то теперь никто не имеет права им говорить, где им надо быть, в связи с пропажей их дорогого мальчика. В общем, все вместе поехали к мужу Марии Михаилу, взяли его, тот и не сопротивлялся, видимо, давно ждал расплаты, весь окаменевший от содеянного. Затем повезли в полицию, устроили допрос, Катя осталась в коридоре, поодаль от нее Мария, а мама с отцом в комнате с зеркальным стеклом, откуда видно и слышно было, как проходил допрос. Михаил сообщил, что, приходя по утрам в квартиру Марии убираться, не в первый раз обнаруживал Антона в постели со своей женой. Кому это, скажите, понравится!? Он раз предупредил парня, так нельзя, два, сказал, что третьего раза не будет. А тот то молчал, то дерзил, и все равно делал по-своему, влюбленный мальчишка, совсем потерявший голову. На третий раз, как и обещал, Михаил подошел прямо к парню, разбудил его, показал ему, сонному, на пальцах цифру 3, — все по-честному! — взял подушку и стал душить, крепко держа того за руки, навалившись на него всей своей тяжестью. Затем вышел из комнаты, вот так же без единого звука, потому что жена запретила по утрам шуметь... Потому что жена запретила шуметь? — переспросил удивленно следователь, не понимая, то ли преступник издевался над ним, то ли он не в себе. А Римма, все время стоявшая, потеряв сознание, вдруг стала валиться наземь, вовремя ее поймали, а то бы головой ударилась. — И что вы с ним после сделали? — спросил лейтенант. — Отвез в лес и закопал, — тихим спокойным голосом сообщил Михаил, как человек с чистой совестью, выполнивший долг мужа, получалось, Отелло, по версии Марии.

И после все поехали в лес, вот приехали, пошли по лесу, осеннему, солнечному, в желтой, багряной листве, под синим-синим небом. Катя поневоле замечала, как печально, что такие ужасные события происходят в такой красоте! Наконец, Михаил показал место, стали копать, пока копали, все страшно нервничали, Борис ходил туда-сюда, все смотрел на часы, словно спешил куда-то, а куда ему было теперь спешить? Все, можно сказать, конечная остановка. Римма же смотрела на яму, словно боялась пропустить тот самый момент, когда появится из земли ее сын, рукой, ногой, хотя бы пальчиком, а может, это будет не он, а какой-то другой парень, почему в ее жизни не может быть чуда, и тогда она возрадуется, но, конечно, про себя, ведь нельзя же на людях, просто облегченно вздохнет и опять будет ждать, ждать, ждать своего дорогого любимого Антона. Катя же стояла поодаль под присмотром полицейского, вплотную к могиле ее не подпускали, и потому Катя только по лицам родителей, Михаила и Марии, по их голосам могла догадываться, что там происходит. И вот с очередным стуком лопаты в земле появилась кисть руки, потом палец с кольцом, и тут же Мария решительно произнесла «это он», отбрасывая всякие иллюзии в сторону.

— Именно это кольцо я подарила ему на память!

— На память? — вдруг со странным оскалом переспросила Римма, и тут случилось невообразимое. Она бросилась к Марии, на ходу расталкивая полицейских, схватила ее за шею, повалила наземь, навалилась всем телом, стала душить, та отбивалась, хрипела, тогда Римма стала царапать ей лицо, выдавливать глаза, с криками: «Сука! Убила моего мальчика!» Так они катались по земле, пока их не разняли. А после, когда выкопали тело, завернули и поместили его в специальную машину, все поехали в город.

Отец попрощался с родными, повез тело сына дальше в морг, сказал, что оно будет лежать там, пока он не найдет место на кладбище, постарается справиться с этим быстро. Мать повезли к ней на квартиру ее банковские сотрудники, у нее совсем не было сил, она даже не могла разговаривать, не видела никого и ничего окрест себя. А Катя, вернувшись в свой дом, рассказала все бабушке, которая тут же слегла, только опустила сцену безобразной драки матери с Марией, потом пошла к себе спать. Скоро заснула, хотя стоял вечер, и увидела во сне — может, для этого и заснула? — как из темной глубины коридора вышел Антон, подошел к постели Кати и замер.

— Ну что ты наделал, дурачок? — спросила его Катя.

А он только разводил руками, в точности, как в рассказанном сне Марии, показывал на перевязанное горло, мол, не могу говорить.

На следующий день Антона похоронили, были только родственники, после все разъехались в разные стороны, словно не было больше семьи. Катя довезла бабушку до дома, опять уложила ее в постель, дала лекарства, хотела выйти-уйти куда-нибудь, и тут ей позвонили.

Звонила Мария, долго извинялась за беспокойство, сказала, что у нее остались вещи Антона, пусть заедет, когда сможет. — Да прямо сейчас! — сказала Катя и поехала к ней. В ту квартиру, где погиб ее брат. Вошла, походила по комнатам, прошла круг, два, заглянула в спальню, потом присела за кухонный стол. — Вот, пожалуйста, тут майка, джинсы, сигареты, — показала ей сумку Мария, книга, роман какой-то, увидела, Вирджинии Вулф… — Ну, что? Может, присядем? — Катя присела. — Вы знаете, — тихо сказала Мария, сев напротив, — у меня мать умерла, когда мне было пять лет, и помню тогда священник сказал, успокаивая меня: «Сильно не скорби, деточка. Это всего лишь тело!» И вот я жила с этим, с памятью о маме, ее образом, она мне действительно помогала в самые трудные минуты. Я и вам этого желаю, чтобы у вас так с братом было. — Катя кивнула. — И еще передайте мои самые искренние сожаления и извинения вашей матушке! Я понимаю, она думает, какая-то старая развратная баба совратила ее чистого мальчика. Но…

И наступила пауза.

— Знаете, когда мама умерла, — продолжила Маша, — через какое-то время отец женился. И я стала жить с мачехой. Мачехи бывают разные, но мне особенно повезло. У меня мачеха была, как в самой страшной сказке. Ни в чем мне спуску не давала, унижала, даже била, издевалась. А отец всегда молчал, тряпка, как он позволял ей глумиться надо мной? До сих пор не пойму, я же ему родная была! Ну, так вот, я хотела поскорей уйти из семьи, под любым предлогом, и когда я встретила Мишу, я все решила. Тем более Миша добрый был, сильный, вы же видели… И вот когда я замуж за него выходила, знаете, что мне мачеха на свадьбу подарила? Как вы думаете, что может подарить тебе человек, который патологически тебя ненавидит? — Катя внимательно смотрела на Марию, а та на нее. — Сейчас покажу! И она достала из сумочки какой-то темный пузырек с белым порошком внутри. На стол поставила перед Катей.

— Что это?

— Яд. Цианистый калий. Представляете? Моя дорогая мачеха подарила мне

на свадьбу цианистый калий, сказала еще, хохоча, что очень мне пригодится, или лично мне, если жизнь настолько мне опостылеет, или моему дорогому муженьку... И вот я с этим пузырьком все эти годы и жила. Даже научилась с ним разговаривать, в трудные минуты думала, открыть его или нет. Но не открыла, все любви своей ждала. И вот когда встретила вашего брата, просто с головой в любовь нашу бросилась. Может, это как-то оправдает меня в глазах вашей матери?..

— А теперь давайте помянем Антона! — сказала она и достала из шкафа бутылку виски. Но после вдруг замерла, подумав, что, может, Катя не захочет пить с фактически убийцей ее брата. Какая же она дура! Внимательно взглянула на нее, а Катя на нее, с некоторым сочувствием, та сразу же поняла ее взгляд и опять стала говорить, быстро, себя оправдывая: — Знаете, как только это случилось, в смысле, когда полиция приехала в театр, со следующего дня многие актеры стали покидать мою студию. Представляете? Один за другим. И вот я чувствую, что скоро останусь совсем одна... Что оказывается, если человек жаждет любви с самого детства и никак ее не получает, соответственно совершает ошибки с другими людьми, а потом вдруг ему везет — да! — и он влюбляется, а тот, в кого он влюблен, влюбляется в него, то есть это взаимно, это счастье, то однажды какие-то третьи силы, будь это муж или чья-то жена, мачеха, соседи, коллеги, не важно, все равно третья сила разобьет эту пару, уничтожит одного, потом другого!.. Знаете, если вы не хотите со мной сейчас сидеть, то лучше уходите немедленно, — сказал она и, как-то сгорбившись, обреченно присела за стол, так и держа в руке бутылку. — Вы меня слышите?

— Слышу, слышу. Давайте наливайте, — тихо сказала ей Катя. — Я, правда, не особо пью, но составлю вам компанию.

— Серьезно? Вы действительно этого хотите? — заулыбалась Мария сквозь слезы, поставила бутылку на стол и стала радостно хлопотать, то и дело заговорщически поглядывая на гостью.

КАТЯ И ПРИЗРАКИ

Катя не помнила, как добралась до дома — то ли Мария вызвала ей такси, то ли она ее провожала, шли неровными улицами, по ухабам, падали, хохотали, обе пьяные, то ли как-то еще, то ли просто Катя зажмурилась и сразу же оказалась дома. Зато Катя помнила другое, как весь вечер, помянув брата Антона, они бурно разговаривали о жизни, каждая о своей, при этом отбирая друг у друга яд, пузырек с цианистым калием, грозились в сердцах отравиться. И это происходило так долго и навязчиво, что превратилось в игру, причем пьяную игру: сначала Мария как хозяйка этого яда пыталась вылить его в воду, виски, вино, во все что пила, приговаривая, что жизнь ее без любви не имела смысла, и вот, наконец она влюбилась, это случилось, и — на тебе! — утром мертвый возлюбленный, это просто чертовщина какая-то, хохот дьявола, что ты думаешь по этому поводу, Катя? Катя же, отбирая у нее опасную емкость, говорила, конечно, о своем, о родителях, превратившихся в роботов, големов карьеры, наживы, потребления, общественного соответствия, об одиночестве, которое, как кожа, срослось с ней, стало ее плотью, о том, что нет друзей, что люди, а молодые в особенности, не умеют элементарно слушать и понимать друг друга, даже и не пытаются, то ли от страха, то ли от глупости, вновь растворяясь в собственном одиночестве, как в кислоте! Да ты, девчонка, даже не знаешь, что такое одиночество! — перебивала ее Мария, отбирала яд, и все шло по кругу.

Так что, когда Катя проснулась, дома, в одежде, целая, невредимая, правда, со страшной головной болью, то сразу же стала нащупывать в карманах этот зловещий инфернальный пузырек, и вот нашла, слава Богу, а то мало ли что могло слу-

читься с Марией! Она тут же запрятала его в тумбочку, в самый дальний угол, и пошла умываться. В доме не было никого, стояла полная тишина, бабушка, наверное, пошла за молоком, за чем-то еще, у нее всегда такой моцион по утрам. Катя, приведя себя в порядок, посмотрела на настенные часы: 9.00. Самое время идти в институт, на пары, там ее всегда ждала подруга Катя-2, с которой они подружились, как только поступили в Институт Искусств. Катя-2 занималась акварелью, и сама была, как акварель, прозрачная и призрачная, вдобавок, в отличие от первой Кати, у нее вообще не было родителей, и жила она с бабушкой, то есть, конечно, ее родители были живы и даже жили в том же городе, что и Катя, но, родив Катю, они тут же разбежались, чтобы больше никогда не видеться, то есть мать, родив Катю, конечно, ее видела, маленькой, красной и сморщенной, а отец — вовсе нет.

И Катя, конечно же, жалела акварельную Катю, потому что той было еще хуже, чем ей, и вдобавок у нее не было девочки Гогена, и когда она рассказывала подруге, как ей этот призрак увидеть, как ей его, драгоценного, себе завести, то младшая Катя, которая была младше ее на год, никак не понимала, как это можно увидеть потустороннюю девочку, сошедшую с чужого, пусть и любимого, полотна. «Но ты же художница! — раздражалась тогда Катя. — А каждый художник легко видит все невидимое, потустороннее, равно как и земное, посюстороннее, надо только сосредоточиться и представить». — Ладно, ты только не злись. Я очень постараюсь! — обещала ей Катя-2. «Вот и хорошо, — принимала ее обещания Катя. — И пойми, тебе самой это нужно, жизненно важно, завести невидимого друга, подругу в этом холодном поганом мире, где все по одному! Вдобавок любимый образ из любимой картины... Я же не могу тебя все время опекать! Увидишь, как тогда заживешь!» И сияющая Катя-2, уже верующая в то, как она скоро счастливо заживет, полная благодарности, нежно обнимала свою заботливую подругу.

Но на этот раз они встретились в коридоре перед нужной им аудиторией, крепко обнялись, словно давно не виделись, Катя-2 выразила свои соболезнования, она все знала, а Катя опять всплакнула. «А у тебя какие новости?» Катя-2 сообщила, что много сидела в интернете, и это понятно, раз с живыми людьми не получалось, изобретала какие-то новые социальные сети, в которых — ты только представь себе! — тебя будут окружать только приятные тебе люди! А если тебя все-таки не устроит их содержание, то под те же фотографии, с помощью специальных программ, можно будет подставить другой характер, более отзывчивый, добрый и чуткий. «Так это же совсем фантастика!» — воскликнула Катя. — А что делать? — резонно возразила ей подруга. — Приходится фантазировать, раз мир у нас такой невменяемый. «Да, это точно, что невменяемый», — согласилась с ней Катя, и они вошли в аудиторию, стали слушать профессора, рассказывавшего о зарождении экспрессионизма в Европе, кстати говоря, это был ее любимый педагог, лекция была интересная, но что-то постоянно ее отвлекало, тянуло домой, словно там происходило нечто важное, что-то такое, в чем она просто не могла не участвовать. И тогда, совсем неожиданно, еле дождавшись перерыва, она попрощалась с Катей-2, сказала, что ей надо срочно домой, та лишь удивленно на нее посмотрела, ведь она только появилась в институте, но Катя ничего не могла с собой поделать. Договорились встретиться после обеда, куда-нибудь сходить, в общем, милая, дорогая, созвонимся, не грусти.

И, незаметно выскользнув из аудитории, Катя побежала. Странная она вообще была девушка; если она покидала какое-либо место, то спустя совсем небольшое время начинала думать об оставленном, словно там, после ее ухода, самым неожиданным образом вырастали какие-то волшебные грибы, величиной с человека, или диковинные деревья с невиданными доселе зверьми, птицами и цветами, или люди, наконец, прямо из-под земли, вылетали, как ракеты, в общем, *там*

всегда случалось некое чудо. И вот Катя, за какие-то мгновения преодолев расстояние, уже вбегала в свой дом и действительно прямо с порога услышала бабушку, которая предупредительным тоном, словно у нее нежданные гости, спросила: — Катя, ты сейчас зрячая? Что — у них уже был свой пароль! — подразумевало, что она сейчас в компании невидимых никому, но только им, призраков. — Еще какая зрячая! — с готовностью откликнулась Катя и, не останавливаясь, прямо с разбегу, влетела в комнату и увидела там бабушку, напротив полковника Хо, а рядом с ним — Боже, кого бы, вы думали? — самого Антона. Значит, не зря она так спешила!

— Чудеса! Значит, ты так скоро к нам вернулся!

— Как видишь, заскучал по нам, наверное! — подмигнула бабушка Кате, но потом с серьезным видом продолжила: — Но у нас здесь одна проблема. Наш вернувшийся Антон совсем с нами не говорит, все показывает на шею, там, где у него повязка. Словно его так задушили, что отняли дар речи.

— И что? Теперь он будет все время молчать? — изумилась Катя.

— Так мы тебя потому и ждем. Может, разговоришь брата? А то, может, он моего папу стесняется? Он ведь ни разу своего прадедушку не видел.

— Ну ладно, я попробую. — присела Катя напротив брата.

— А мы пока за пенсией сходим. Да, Хо? И скоро вернемся!

Сказала она, и вместе с полковником, держась за руки, они пошли на выход.

«Интересно, а какая я буду в старости? И с кем я буду за ручку ходить?» — подумала она, глядя им вслед, потом взглянула на Антона.

— Ну, что, мой родной, допрыгался? — строго взглянула на него. — Наигрался в любовничков?.. Ну, что ты молчишь? — она потянулась было рукой к его шее, снять повязку, но он сам сдернул ее. И Катя увидела чистую кожу, без шрамов и синяков.

— Антон, не молчи! Я знаю, как все это у вас случилось! Я вчера была у Марии, мы тебя поминали.

Антон тут же взглянул на Катю, с тревогой, и, наконец, произнес:

— И как она?

— Хреново! Хотела покончить с собой!

— Вот черт!!

— Но я отобрала у нее яд, так что не беспокойся. Итак, рассказывай, зачем ты все это сделал? С самого начала!

— Понимаешь, дорогая моя сестра, — опустил глаза Антон, а потом опять поднял. — Я всю свою недолгую жизнь хотел и искал любви. Большой, всепоглощающей! Но для любви всегда нужны расстояния…

— Расстояния? Это как?

— Ну, вот, например, в нашей семье все друг друга любили. Мама, папа, бабушка, ты и я… Но потом, поскольку было тесно, все вместе в квартире, выживание, быт, то любовь потихоньку уходила, угасала, улетучивалась, превращалась в привычку, в раздражение, в эгоизм разделения и обладания, мое, твое, наше, их… И я всегда мечтал уйти, убежать от этой тесноты! Я не хотел быть големом семьи!

— Големом семьи? Как странно ты сказал… И поэтому ты убежал в театр?

— Да, в театр, который всегда есть расстояние. Между зрителем и исполнителем, замыслом и исполнением, между автором, режиссером и актерами и так далее. А потом я влюбился…

— В Марию?

— Да. Во-первых, потому что она — потрясающая. А во-вторых, потому что она была старше меня на 12 лет…

— ?

— Которые всегда расстояние, непреодолимое — 12 лет! — и от того, что оно непреодолимое, чувство мое пылало все больше и больше. Таким неукротимым, негасимым пламенем. Понимаешь? Это было так здорово!

Катя молчала, она пыталась понять брата.

— И так сложилось, что в театре стали репетировать «Отелло». То есть «Тайну Дездемоны». И я очень хотел сыграть Отелло, я просто мечтал об этой роли, еще давно, когда читал и перечитывал пьесу, потому что между Отелло и Дездемоной всегда было расстояние. Родовое и расовое, опять же непреодолимое... Понимаешь? Великий, мудрый, хитрый Шекспир! И потому Отелло любил ее страстно, и потому я так хотел его сыграть. Но мне дали из-за возраста Кассио...

— Которого, по вашей дурацкой версии, задушил в финале Отелло.

— Да. Тебе Мария все рассказала?

— В результате тебя задушил реальный Отелло. Марии муж. И теперь ты здесь, то есть там, на таком от всех расстоянии, что можешь любить всех, сколько угодно!

— Катя, ты смеешься надо мной?

— Нет, я оплакиваю твой нелепый уход, трубадур ты хренов! — сказала сквозь слезы Катя и потянулась к нему, хотела было обнять его, опять забывая, что это невозможно. И тут же вошла бабушка, внимательно на них посмотрела, и полковник выглянул из-за ее спины.

— Ну и как ваши дела, внучки и правнучки?

— Наконец разговорила брата. Будем считать, что он вас стеснялся, потому и молчал.

— Не стеснялся, а чувствовал себя виноватым. — поправил ее Антон с тихой улыбкой. — За свой действительно нелепый уход.

— Вот и здорово, что наконец разговорились! Тогда давайте будем пить чай! Мы здесь с папой баранок и свежих булочек купили. Для нас с тобой, Катя, конечно! Ведь призраки не едят. Но, тем не менее, устроим сейчас чаепитие с ушедшими близкими!

— Как, как ты сказала? — встрепенулась вдруг Катя. — Чаепитие с ушедшими близкими?.. Нет, это просто гениально! Бабушка, да ты молодец! — Катя даже вскочила, обняла ее, расцеловала.

— Что? Что случилось? Не пойму.

— Однажды я нарисую картину, — задумчиво говорила Катя, — под названием «Натюрморт с ушедшими близкими», где изображу родных. Обыкновенно люди изображают близких и родных при жизни, пишут портрет. А я уже не смогу из-за смерти Антона. Значит, изображу после смерти. Ведь от этого наша любовь нисколько не убавится. Правда, бабушка? А наоборот, становится все сильней и сильней. Сквозь годы и расстояния. Вот только возникает один вопрос, — задумалась Катя.

— Какой? Давай я тебе помогу... Уже как ушедший, — не без иронии предложил Антон.

— Как вас рисовать? Есть два варианта. Первый, всегда мрачный, зато истинный. Я изображаю вас в момент смерти. Тебя, Антон, в постели, как было, прости меня, задушенным. А вас, дорогой Максим Степанович? Бабушка, я не помню, ты говорила, как наш полковник ушел?

— Говорила, да не то, — сдержанно сказала Аврора Максимовна. — Я всегда говорила, что отец заснул однажды и не проснулся, умер в своей постели во сне. А на самом деле...

Максим Степанович внимательно посмотрел на дочку, хотел было ей что-то сказать, но только вздохнул и промолчал.

— А на самом деле, в последнее время папа стал попивать, выпьет бутылку и заснет там, где пил, и вот я однажды пришла с работы и обнаружила его на кухне.

Он спал за столом, лицом в салате, а точнее в лужах водки, а в ногах у него сидел маленький Борис и связывал его ноги проволокой. Боже, делал из него пленника... Может, он так мстил за отца? До сих пор не знаю, а спросить Бориса всегда боялась. В общем, после сказали, сердечный приступ. Такая вот, если хочешь знать, неприглядная картина.

— Да, грустно всегда люди уходят, — сказала Катя. — Захлебываясь своим одиночеством. Значит, первый вариант натюрморта у нас такой. Антон в постели, а Хо — в винных лужах, за столом. Не очень красиво, конечно, зато правдиво. Значит, так вас обнимала смерть...

— А второй вариант? — спросил Антон, меняя неприятную тему.

— А второй вариант радостный, легкий. Изображу вас в виде — вот как сейчас! — потусторонних призраков, которые смеются, иронизируют над собой, над собственными ошибками, проходят, так сказать, свое чистилище, освобождаясь от грехов. И они, то есть вы, всегда веселы, легки и свободны. Ведь правда, дорогие родственники?

И те дружно закивали, старательно улыбаясь, являя свой бодрый вид. А бабушка даже засмеялась, верно, призраки напомнили ей нашкодивших детей, посмеялась и стала хлопотать над чаем. И тут же зазвонил телефон, это была Катя-2. Катя вспомнила, что договорилась встретиться с подругой после обеда. И ей нельзя было отказывать, она была такая хрупкая и ранимая, что Катя извинилась перед родными и близкими, ведь они никуда теперь от нее не денутся, какое же это счастье, а та уже ждет, и они ее отпустили.

Катя-2 позвала Катю на выставку. В городе проходила грандиозная выставка под громким названием «Новое изобразительное искусство XXI века», и девушки, конечно, поехали, и когда они добрались и вошли в огромный демонстрационный зал, первое, что увидела Катя, это была надпись на плакате «натюрморт XXI века. Новое слово Таира Ту...», а дальше не было видно. — Нам туда, — немедленно потащила Катя за собой подругу, ведь все, что было связано с натюрмортом, ее в первую очередь интересовало, тем более в связи с новым замыслом, связанным с ушедшими близкими, который так замечательно подсказала ей бабушка.

Они подошли к огромной картине с интригующим названием «Натюрморт с убитыми ворами, насильниками, казнокрадами, взяточниками и прочей нечистью», на которой была изображена центральная площадь их города, а на площади лежали окровавленные тела, великое множество. Одни лежали ниц, другие на боку, скрючившись, третьи лицом к небу, с гримасами ужаса, страха, безысходной тоски, просто безумия, четвертые вообще в каких-то неестественных позах — все, словно после беспощадной кровавой битвы. И надо всем этим скопищем поверженных тел гордо вставало утреннее красное солнце. Перед картиной стоял, в окружении праздных болельщиков, очевидно, сам автор — Таир, значит, Ту.., а напротив него критик, искусствовед, они о чем-то живо спорили. Катя, держа за руку Катю-2, чтобы не потерять свою сестренку, подошла к стоявшим и стала внимательно слушать. Искусствовед говорил:

— Глядя на вашу картину, я никак не могу утвердиться с жанром вашего исполнения. Глядя на разбросанные окровавленные тела, вполне можно сказать, что это батальная сцена: просто живые ушли, мертвые же остались. С другой стороны, перед нами, чем не коллективный посмертный портрет? А с третьей...

— Так я же вам говорю, — нетерпеливо возражал ему художник Таир Ту, — это не что иное, как натюрморт! Я честно и прямо изобразил мертвых людей уже как часть натюрморта. Натюрморта не с какими-то предметами, как мы привыкли, а именно с людьми, бывшими людьми, мертвыми людьми, потому что Смерть всегда честнее, именно это привлекает меня в данном жанре!

— При этом вы не забыли подвести социалку, мол, преступники, казнокрады, поэтому им можно быть мертвыми! Не правда ли? — едко заметил критик. — В любом случае, натюрморт с мертвыми людьми — это уж слишком!

— Да почему слишком! — вдруг вмешалась в разговор Катя, сама удивляясь своей храбрости. — Существуют натюрморты с мертвыми животными. Чем же вам мертвые люди не подошли?

— Простите, а вы кто такая?! — удивился критик.

— Не важно, кто! А важно то, — говорила увлеченно Катя, выходя на свою любимую тему, — что, по моему убеждению, натюрморты существуют как раз для того, чтобы по жизни вещей, по, напомню вам, тихой жизни вещей, мы можем судить или догадываться о жизни людей, то есть их хозяев, живших в то или иное время. А по жизни мертвых людей, мы можем судить о том, как к ним относился Бог или Дьявол, или то, что мы называем Судьбой, ибо... люди в руках Бога как те же предметы в руках людей.

— Как замечательно вы сказали! — воскликнул вдруг художник Таир. — Я тоже часто об этом думал, только таких слов подобрать не мог! Какая вы умница! Вы кто? — приобнял он ее за плечо, уже не обращая никакого внимания на искусствоведа.

— Да это девочка Гогена! — крикнул кто-то из толпы.

— Ах, я о вас слышал, — сказал Таир. — А как вас на самом деле зовут?

— Катя К.

— К? Это такая фамилия?

— Да, в честь любимого литературного героя!

— Не буду выяснять, какого!.. Давайте пойдем! — сказал художник, куда-то ее уводя. — Вон там как раз начинается банкет по поводу моей презентации.

— Но я не одна! — предупредила Катя и опять взяла за руку подругу.

Они вошли в кафе, в котором было шумно и людно. Был накрыт фуршет, Таир стал за девушками ухаживать, а Катя продолжала говорить, вся от любимой темы возбужденная. — Знаете, почему я вообще в свое время заинтересовалась темой натюрморта? Потому что слишком рано поняла, что люди по своей природе так поверхностны, мелки и суетливы, что поневоле, глядя на них, начнешь завидовать неживым предметам, окружающим нас, их покою и величию... Вы понимаете меня?

— Да-да, безусловно! Говорите! Это так интересно! — Таир и слушал, и подносил им еду и напитки.

— Таир, да хватит бегать! Нам всего более чем достаточно! — повелительно сказала Катя, и художник, наконец, успокоился.

— Видите, и вас я спасаю от суеты! — улыбнулась Катя. — Итак, на чем мы остановились? Да, люди так поверхностны и суетливы, что пробегают мимо главного, даже о нем не думая... Вот моя подруга Катя, например. Ни разу не видела своих родителей, которые живут в нашем же городе. Точнее, они ее ни разу не попытались увидеть. С тех пор как родили. Вы представляете?

— Катя, перестань! — взмолилась подруга.

— Нет, не перестану! Это очень серьезно! Вспомните, как родители про детей говорят! Лучший ребенок, когда он спит. Так вот, сколько раз я ловила себя на мысли, что вот ты любишь человека, обожаешь его, но в следующий момент, ты знаешь, он изменится, ты изменишься, ваши чувства изменятся, все изменится, и потому тебе хочется его убить... Понимаете? В тот самый момент, и самой умереть, потому что потом такого счастья уже не будет. Никогда! Опять одна ужасная, убивающая все живое, суета!

Таир, как заколдованный, кивал ей головой, с восхищенным горящим взглядом.

— А пока они живут, — грустно продолжала Катя, глядя на подругу, — они, даже твои близкие, родные, по крови, по положению, тебе не подвластны, они вечно от тебя убегают, они тебя не слушают, не умеют слушать, они для тебя вечно чужие. А если даже ты находишь кого-то, то это так скоротечно и хрупко! Вот в чем наша человеческая трагедия! И зачем тогда люди друг другу нужны?

— Да-да, я с вами абсолютно согласен, — наконец заговорил Таир. — И я рад, что мой натюрморт дал вам повод поразмышлять на такую глубокую тему. Послушайте! — вдруг взмахнул он руками. — А поехали ко мне в студию. Там продолжим. Я вам свои картины покажу.

— А поехали! — легко согласилась Катя, и они пошли к выходу, но на выходе другая, тихая Катя стала неожиданно прощаться.

— Ты чего, обиделась, что ли? — спросила ее Катя.

— Нет, наоборот, я тебе очень благодарна! — сказала, улыбаясь, Катя-2. — Я вдруг, после твоих слов, поняла, что я действительно буду искать родителей. Если они такие трусливые, глупые, тогда я, мужественная и мудрая, сделаю им навстречу первый шаг.

— Вот и здорово! Умница! Я тебе давно говорила. А сейчас что? Не пойдешь?

— Нет, прямо сейчас и начну искать через интернет. Приеду домой и сяду за компьютер.

— Ну, ладно тогда, увидимся. Удачи тебе! — сказала Катя, поцеловала ее в щечку и поехала с Таиром в студию.

Когда приехали, Таир сразу стал показывать ей свои картины, видимо, уже высоко ценил ее мнение. И что-то нравилось Кате, — твердая рука, техника исполнения, — а что-то не очень. И после просмотра десятка картин она уже понимала, что во всех его работах присутствовал некий общественный пафос, как в том натюрморте, который их познакомил. Если он показывал мертвых, то действительно «заслуженно» мертвых, как едко заметил критик, — преступников, казнокрадов, и в этом заключалась его художническая проблема. И глядя на следующие работы, Катя все больше отмалчивалась, и чуткий Таир это сразу почувствовал и сказал:

— Вы знаете, меня часто обвиняют в конъюнктуре, в том, что я пишу на заказ, открыто или скрыто, и потому меня называют мертвым художником. Представляете?

— Мертвым художником? — поразилась Катя, ей даже стало жалко его, такого статного, стройного, талантливого, обаятельного с виду.

— Мне друзья говорят, что надо поскорей отойти от любой социальщины и нырнуть в глубокий колодец личной экзистенции. И тогда я стану живым! Что вы на это скажете?

— Вы сами должны решить, как вам будет лучше — чище, светлее. Одно могу сказать, если вы чувствуете в своей жизни некую мертвечину, то поскорей кончайте с ней.

— Правильно! И я постараюсь! Вот и тема нашего вечера сама напрашивается: живые и мертвые. Давайте напьемся и будем играть. В живых и мертвых!

— Это как?

— Сейчас вам покажу! — сказал он, достал бутылки с вином, водкой, виски, потом закуску, потом разлил, они выпили за тему вечера, потом он стал ей что-то рассказывать, какой-то смешной случай из жизни, анекдот, помнится, она звонко смеялась, потом еще выпили, он был хорош, остроумен, дерзил, искрил, все очень точно подмечал, а потом как-то совсем незаметно она оказалась в его страстных объятиях, и он уже целовал ее, срывал с нее одежду, сам раздевался, они упали в постель, и вот, он предупредил, это игра, они уже играют в живых и мертвых, сейчас мы живые, такие живые, поскольку так много в нас желания, огня, шеп-

тал он, целовал ее всю, с головы до пят, потом ворвался в нее, отдавая ей всю свою энергию, и вот взрыв, пламя, все горит, пожары, высвобождение, и после они стали умирать, угасать, сливаться с ночью, растворяться в ней, значит, мертвые, но потом он опять объявил игру в живых, всем своим существом и движением, и вновь, полный сил, звездной энергии, в нее врывался, вновь взрыв, пламя, пожары, и она растворялась в нем, а он в ней... А потом в своих сновидениях, по его мирному сопению она поняла, что он уже спит, молодой живой мертвый художник, так искавший себя. А она лежала и глядела в ночь, в огромные окна на пятнадцатом этаже, и звезды были так близки, мерцали, падали, загадывай, не загадывай желание, все равно она знала, что этим огромным одеялом ночи она будет накрываться одна, даже если кто-то будет рядом, не важно, в сущности, кто, призрак, ушел, пришел, всегда внешний, из социума, не способный нырнуть в темный колодец ее одиночества, и потому она тихо плакала, всегда одна, как звезда, сквозь пространство и время, летела, но поскольку стояла ночь и было холодно, она, все-таки человек, попыталась пролезть под теплое одеяло, которым укрылся горячий призрак по имени Таир Ту, чтоб плакать уже под одеялом, уже зарывалась в пуховую нору, пряталась в ней, и вдруг услышала голос над головой, тихий, спокойный, пугающий и потусторонний.

— Катя! Катя!

Катя вскочила. — Кто здесь?

В темном углу стоял Антон, то есть призрак его, весь залитый лунным светом, прямой, как струна.

— Ты чего здесь делаешь? Ты так меня напугал!

— Я за тобой. Бабушка попросила найти.

— Что случилось? Только не говори что-то страшное! — Катя уже торопливо одевалась.

— Плохая новость. Наши родители решили расстаться. Окончательно и бесповоротно.

— О, Боже, как я этого боялась! — Катя плюхнулась обратно на кровать, чувствуя острую боль в сердце, как будто кто-то всадил в нее нож да провернул еще с хрустом, сидела так, без дыхания и движения, словно — вот опять тема вечера! — жила, жила, а сейчас умрет.

В ГЛУБИНЕ

Однажды Борис праздновал с коллективом очередной юбилей с момента образования агентства, тогда еще не корпорации, и, выпив все, что было в офисе, они пошли в ресторан, посидели и выпили там, а после молодые сотрудники, которых была большая часть, бросили, как водится, клич «по бабам!» И поехали, причем захватили с собой начальника, поскольку тот был еще молод, всего 40 лет, да дело было и не в возрасте, а в стати его и крепости. Итак, поехали они в трубу, как они называли ее, или в сеть только открывшихся увеселительных заведений под неожиданно философским названием «В глубине». Как раз туда, где Катя много позже искала Антона. Борис никогда там прежде не был, стал осматриваться. Труба была проста по конструкции и представляла собой коридор с номерами, разврат в которых нарастал по мере погружения в глубину до самых неожиданных форм и числа партнеров. Если первые комнаты населяли традиционные парочки мужчин и женщин по заказу, то далее переходили в любовные трио, квартеты, квинтеты, секстеты, многочисленные группы в самых разных сочетаниях и составах, а в конце этого бархатного коридора любви желающие экзотики могли встречаться с разнообразными существами и тварями, на самом деле, конечно, актерами, их изображавшими, а именно, с Кинг-Конгом, Годзиллой, Бэтменом, Големом,

Шогготом, прочей нечистью, в общем, со всеми персонажами из масс-культуры. И судя по душераздирающим неподдельным крикам, раздававшимся оттуда, из глубины, любовные встречи эти проходили отнюдь не безопасно для здоровья клиентов. Борис, в конце концов, покинул эту веселую компанию, пожелав коллегам остаться целыми, невредимыми и, конечно, вовремя прийти на работу в понедельник. Но мысль об этой сети в него запала, он должным образом оценил эффективную работу авторов этого, как показало время, успешного проекта, которые использовали простую базовую идею о человеческой глубине — сознания, подсознания, физики, психики, чувств и рефлексов, инстинктов, наконец, для большего привлечения клиентов. Ибо все мы — люди со своими затаенными комплексами, фобиями, травмами, психическими расстройствами и болезнями, если отбросить в сторону быт, материю, повседневное, только об этой сокрытой глубине своей и думаем. Не правда ли?

И если вспоминать, то Борис все сознательное детство только о своем отце и думал. Тогда они жили с матерью в огромной коммуналке, и, приходя из детского сада, с улицы, со школы, он всегда представлял себе, как в дальней комнате, в глубине этой огромной коммунальной квартиры, его ждет отец, бодрый, здоровый, улыбчивый и счастливый, который уже тянет руки ему навстречу, чтобы обнять его, поднять ввысь, к потолку, а точнее, к самому небу. Со счастливым возгласом: здравствуй, сын, я наконец с тобой! Но как бы Борис ни мечтал об этом, никакого чуда не происходило, все было ожидаемо, рутинно, сегодня как вчера, завтра как послезавтра, и тогда он опять злился на мать, по чьей вине, был он уверен, этого чуда не происходило, и замыкался, уже ничего не ожидая от внешнего мира, и со временем эта внешняя глубина перед его глазами, ее ощущение за ненадобностью ушли вовнутрь него, и уже там, глубоко в себе, Борис выстраивал свою коммуналку, бесконечно длинный коридор, в конце которого его обязательно ждал счастливый отец.

Соответственно к людям Борис относился, всегда чувствуя их глубину. Например, в матери своей, в ее глубине, он всегда видел совершенное ею предательство отца: якобы на время оставить его, но больше не вернуться, пусть сделанное по приказу ее отца, ради его, сына Бориса, светлого будущего, это нисколько ее не оправдывало. А когда он встретил Римму, то сразу же почувствовал в ней ее глубину, как говорится, рыбак — рыбака, или дыру, в которой исчез ее несчастный отец, а вслед за ним обманутые ею друзья — не дыра, а просто дырявое небо! И кто бы мог подумать, что однажды, в одной из ее дыр, исчезнет их любимый сын?

Клиенты его, известные в обществе, заработавшие много денег, по определению, были дырявыми, пустыми и полыми, чучелами, големами, как он сам их называл, но у них тоже была своя глубина, зачастую кровавая, предательская, греховная, понятно, образовывавшаяся по мере их продвижения к успеху. Единственный человек, который смущал его и, стало быть, поражал своей светлой целостностью или внутренним здоровьем, была Рена Сушицкая, его зам, правая рука, боевая подруга, которая одна и поддерживала его в самые трудные минуты, например, когда они создавали агентство «Голем», сама киношница, документалист, снимавшая прекрасные фильмы про детей. В ней он сокрытой темной глубины совсем не чувствовал, и, с одной стороны, это было так здорово: она порядочный человек, никогда не подведет, вдобавок умный, чуткий, нежный, а с другой — или он был уже так испорчен? — как раз гнильцы порока ему в ней порою не хватало. Тем не менее, создавая бизнес шаг за шагом, они так были друг другу благодарны, они так друг с другом сблизились, что Рена уже любила Бориса, умного, талантливого, дерзкого, прозорливого, чуткого, тонкого, который и раньше, до общего дела, ей очень нравился, а Борис, как бывает в таких случаях, не мешал ей себя любить. И жили они уже давно в ее просторной квартире, Борис

редко появлялся у себя дома. Римма жила отдельно, в квартире, выделенной ей банком. Соответственно дома жили Катя, Антон и бабушка, а потом, после всего случившегося, только Катя и бабушка, и так бы, верно, все и длилось, никто друг другу не мешал, если бы однажды не случилось неожиданное.

Как-то ночью Борис проснулся, вышел из спальни, Рена уже мирно посапывала, пошел на кухню попить воды и спросонья, от неожиданности даже взмахнув руками, обнаружил там девушку, тонкую, стройную, с карей челкой и голубыми глазами, которая сидела за столом и просто рыдала. — Ты кто? — наконец пришел в себя Борис. — Здравствуйте, я Настя, дочь Рены, — попыталась сквозь слезы улыбнуться она. И Борис тут же вспомнил, как Рена ему говорила, что вот вернулась дочь из Лондона, где учила язык, живет сейчас с парнем, бойфрендом еще со школы, будет теперь жить и учиться дома, и надо будет ей помочь с выбором профессии. — Какая неожиданная встреча! — обрадовался Борис, присел к ней за стол, чтобы ее успокоить, он пока не знал, отчего она плачет, и, глядя на нее вблизи, на ее заплаканные глаза под челкой, в тот же момент влюбился.

Теперь он любил оставаться дома, у Рены, чтобы чаще видеть Настю, которая после ссоры с парнем вернулась домой, он умел с ней доверительно разговаривать, вскоре выяснилось, что Настя пишет стихи, эссе, рассказы, он посмотрел ее тексты, должным образом оценил и решил, что Настя будет поступать на журналистику. Дальше — больше, Борис стал готовить ее к поступлению, после чего Настя легко поступила, Рена была просто на небесах от счастья, ведь у девочки никогда не было отца, муж Рены, отец Насти, погиб в лихие 90-е при невыясненных обстоятельствах, когда дочь была еще совсем маленькой, поэтому мужская забота была ей просто необходима. А тот бойфренд, от которого она ушла, оказался, как водится, инфантильным, сидел на шее у родителей и вообще — вон из моей жизни! — пора забыть о нем навсегда.

Теперь в просторной четырехкомнатной квартире они жили втроем, у каждого была своя комната, в общей гостиной встречались, общались, также и на кухне, где вместе ужинали, по утрам пили чай, иногда обедали, в общем, жили дружно, ничего друг от друга не тая. И частенько Борис, идя ночью к себе по коридору, останавливался у двери в комнату падчерицы и прислушивался, что там у нее творится. А если говорить совсем откровенно, то теперь Настя и была его, Бориса, глубиной, тайной или, если быть еще точнее, она укрывалась в его глубине, ее образ, причем именно в тесной связи с Реной. Понимаете? То есть, влюбившись в девушку, он все больше, сильней любил саму Рену, ее природу, породу, стать. А заключая мать в свои объятия, он пытался дотянуться втайне до самой дочери, — интересно, чувствовала ли она, что эти объятия принадлежали не только ей? И все это вместе, мать и дочь, он называл для себя метафизической женщиной. Ибо отныне, считай, как закон, любя Рену, он любил ее дочь, а если бы он обнимал Настю, если бы это случилось однажды самым непредвидимым и чудесным для него образом, он, конечно, любил бы в ней Рену. Так ему, по крайней мере, казалось. И открыто любя их обеих, живя с ними в едином пространстве, он испытывал бы такую полноту жизни, такое счастье, какого не испытывал прежде никогда, какие бы гадости не говорили про него, про них образцовые обыватели. Конечно, он не осмеливался размышлять об этом вслух, даже намекать ни Насте, ни тем более Рене, ибо законы положенного существования, общежития, висели над ним как дамоклов меч, он только и мог что, будя по утрам сонную Рену, видеть в ней ту белолицую девушку с тонкими чертами. И от этой мучительной невозможности соединить два любимых образа в один у него болело сердце.

В день похорон Антона, после погребения, Борис вернулся домой, к Рене, с од-

ной неоспоримой, как ему казалось, мыслью, которая зародилась в нем еще во время следствия, когда стало ясно, что сына своего он больше никогда не увидит. Он вдруг подумал, что если Бог или Провидение, или обстоятельства забрали у него сына, причем просто так, ни за что, безо всякой явной причины, тем более, они, родители, никогда ничего плохого никому не делали, то, значит, в этом диком мире все позволено, все возможно. Рены в доме не было, она уехала встречать очередных важных клиентов в аэропорт, подменяя Бориса, после, как водится, их ждал деловой ужин в ресторане с обсуждением общих дел: им требовалась какая-то сногсшибательная реклама, в общем, она обещала вернуться поздно. Борис, пришедши, принял душ, словно хотел смыть все, что видел там, с чем соприкасался за пределами дома, а потом немедленно заснул и видел страшный сон, словно сына Антона закапывают без гроба, и он все выплескивается из земли, как из воды, его опять засыпают, а он опять выплескивается. Причем Борис никак не мог понять, живой ли он и потому выплескивается, или *это* происходит *само*? Наконец, он не выдержал этой ужасной картины и проснулся с криком, со слезами на глазах.

Он встал и пошел на кухню, чтобы чего-нибудь выпить, и увидел там Настю, о которой в своем горе совсем забыл. Она словно ждала его, очевидно, чтоб высказать свои соболезнования. Но он, рукой останавливая ее обращение, достал бутылку, налил и залпом выпил целый бокал вина. Потом присел, а она оставалась стоять, словно собиралась на выход, и вдруг спросила: «Чем я могу вам помочь, Борис Максимович?» И тут Борис без слов, вместо ответа, ибо отныне — вы слышите? — все позволено, встал, крепко обнял ее и поцеловал в губы. Затем поднял на руки, она даже от неожиданности вскрикнула, и понес в спальню. И там, все так же без слов, раздел ее, разделся сам, и вот наступил тот момент, о котором он так долго затаенно думал, мечтал, ибо понимал, что никогда на это не решится, а Настя тем более, и так он умрет, казалось, с этим острым невоплощенным желанием. А теперь, когда все в одночасье изменилось, когда все перевернулось с ног на голову, теперь он будет жить по-другому, как он хочет, как он всегда хотел. И он, полный слез, полный горя и счастья, наконец вошел в нее, нет, ворвался, становясь ее неотъемлемой частью, а она его. После они долго, любуясь, глядели друг на друга, нежно обводили руками линии тел, словно рисовали друг друга после сотворения мира заново, ибо действительно был мир до, а теперь есть мир после, и сейчас они лежали как раз на границе этих миров. Борис — полный спокойствия, а Настю, верно, что-то волновало. Потому она и спросила его:

— Что же мы будем теперь с вами делать?

— Жить. А Рене я сообщу со временем.

— И что тогда будет? — ужас исказил ее лицо.

— Не беспокойся, я ей все объясню, — спокойным тоном говорил Борис, действительно абсолютно уверенный в своей новой правде. — Я объясню ей, что, любя тебя, я люблю ее как твое начало. А любя ее, я люблю тебя как ее продолжение. Понимаешь? Вы для меня едины как одна прекрасная абсолютная женщина! Сейчас, — задумчиво говорил Борис, — я обретаю новую семью. Да здравствуют ты, Рена и я!

— А та, старая семья?

— Там есть только Катя, моя любимая дочь, которую я никогда не брошу. И есть моя мать, которая всегда мать, как бы я к ней ни относился. И больше ничего, в памяти — одни осколки… Ну что, принимаете меня в свою семью?

— Безусловно! — захохотала Настя и крепко обняла его, полная нового желания.

* * *

Пока Борис обретал новую семью после похорон сына, Римма в полном обмороке, не понимая, где она, для чего, в каком мире живет, который день, не вставая, лежала в постели, в собственной квартире. Все, чего она так боялась, произошло по ее вине, по причине ее глупой материнской гордыни. Если бы она вовремя протянула руку Антону, ничего бы этого не случилось, сейчас бы обнимала своего дорогого сыночка, а если ему надо было по делам, то всегда бы с ним находилась на связи. Как со своим прошлым, настоящим и будущим. А теперь времени нет, время скомкалось, скукожилось, обессмыслилось! Например, сколько времени она здесь лежит, вдруг задумалась она и открыла глаза, вот так, не вставая с постели, день, два, три, а может, неделю; она огляделась по сторонам, телефон отключен, на часах какое-то время, но какого дня и какого года? Она встала и увидела открытое настежь окно, она выглянула и увидела, как странно, каких-то бодрых, шумных, оживленных людей, которые что-то искали, какой-то адрес и которые так не соответствовали ее состоянию. Она зачем-то пригнулась, лохматая, чтобы те ее не заметили, и сидела так на коленях — теперь всегда на коленях! — под окном, не зная, что делать дальше. И вдруг в дверь позвонили, она вздрогнула, о, Боже, это еще кто, и поползла, поползла, то ли под стол, то ли под кровать, после опомнилась, дура, встала на ноги, надела халат, поправила волосы и пошла открывать. И открыла, на пороге стояли те самые люди, которых она увидела за окном, такие же возбужденные, трое мужчин и две женщины.

— Римма, привет! Ты нас узнаешь?

Римма силилась понять, кто они и что им от нее нужно.

— Да мы же твои одноклассники! Я — Лена. Она — Жанна. А это Миша, Андас и Ермек.

— Да-да, проходите, пожалуйста! — вряд ли она их узнала, но лица знакомые, раз так говорят. — У меня, правда, не убрано… — хотела что-то еще сказать, какую-то глупость, но вдруг разрыдалась. И женщины тут же бросились ее успокаивать, принесли воды, обнимали, вот чего ей не хватало, простых человеческих объятий, а мужчины стали в комнате прибирать, уносили грязную посуду, даже мыли ее там, а другие собирали мусор, бумаги, бутылки, расставляли столы и стулья.

После выяснилось, что про ее беду узнали через банк, в котором она служила. А конкретно Андас, — вот посмотри и вспомни, это Андас! — занимаясь системами информационной безопасности, обслуживал своей компанией их банк и давно заметил Римму, которую много лет не видел, но подойти к ней почему-то стеснялся, а потом, когда случились эти горестные события, он, через коллег узнав, сообщил одноклассникам, и вот они к ней нагрянули. И правильно, что нагрянули, а то я совсем распустилась и опустилась, после при встречах говорила она, а Андаса вспомнила, еще как вспомнила. Это был тот самый мальчик, который за ней в школе ухаживал, непонятной национальности, черный, кудрявый, с массивным носом, сначала молчал, все ходил за ней по пятам, после вдруг разговорился и все рассказывал ей про две крови, которые текли в его жилах, казахскую и еврейскую, такие разные. И что? — спрашивала тогда Римма. — Как что? — удивлялся в свою очередь Андас. — Это значит, две крови, две жизни, две судьбы, придется выбирать. А что он выбрал, Римме было неизвестно, ибо жизнь разлучила их на много лет, и вот судьба свела неожиданно, они опять встретились.

Значит, встретились и после, когда Римма стала приходить в себя, продолжили встречаться. Ходили в кино, в театр, на выставки, подолгу сидели в кафе, где Андас ей рассказывал про свой выбор, это ей было особенно интересно, что после института он женился на еврейской женщине, уехал с ней в Израиль, родили там

сына, но что-то у них не сложилось: нравы, характеры, темпераменты, и он вернулся в Казахстан. Открыл здесь фирму по информационным технологиям и вот преуспел, и все это время, пока они не виделись, он никогда о ней не забывал. Прямо уж никогда? — кокетливо улыбнулась Римма, и он чистосердечно подтвердил. Ей, конечно, приятно было это слышать, что кто-то думал о ней, пока она сражалась со своими дырами. Это вообще было удивительно, что кому-то, оказывается, она была нужна, когда, казалось, она сама себе не была нужна, дырявая, себя не любившая, совсем не уважавшая, предавшая стольких, даже сына и отца. И вдруг какой-то большеголовый мальчик, мужчина, возникший из прошлого, там, в глубине ее прошлого, до поры до времени находившийся, у которого, как она чувствовала, ничего кроме работы и не было, оказывается, любил ее столько лет так преданно и беззаветно. Как истинный трубадур, на расстоянии. Это не могло не поражать. Да, это так трогало!

— А как твоя компания называется?

— Лаборатория Андриевского.

— Так ты же Мерзабеков, кажется, или нет!

— Да, правильно, только Мы...рзабеков. Я назвал лабораторию фамилией матери. Лаборатория Мерза... Бекова, то есть мерзавца Бекова как-то не очень звучит. Не правда ли?

Римма расхохоталась, действительно, две крови, две фамилии, две судьбы, одна осталась в Израиле, другая здесь, в Казахстане, и этот его дуализм или двойственность ее почему-то еще больше трогала, словно этот странный парень, с виду чистый ботаник, все время убегал от своей истинной судьбы, в точности, как она, не умевшая смотреть в глаза своей правде. И то, что сейчас они были вместе, втайне надеясь обрести счастье друг в друге, словно доказывало близость и схожесть их путей.

И тогда, в следующий раз, она пригласила его к себе домой, туда, где они впервые и встретились, после чаепития внимательно посмотрела ему в глаза и стала раздеваться, и он, весь кипя и как бы возгораясь, набросился на нее, совершая много ненужных звуков и телодвижений. Потом также быстро отвалил, точнее, отвалился, причем так неожиданно, что она не успела ничего, о, боже, почувствовать. И ушел без слов на балкон курить, словно ему требовалось тщательно обдумать содеянное. Как какую-то новую информационную задачу. А она лежала в постели и думала, что не стоит, вероятно, ей, гонимой несчастным, почти разрушенным прошлым, так спешить, что, во-первых, они не подходят друг другу, а, во-вторых, чужая душа потемки, и что он может выкинуть со своим двукровием, дуализмом, двойственностью, одному Богу известно. И она перестала ему звонить, не отвечала на его СМС-ки, так прошел месяц, и вдруг однажды вечером раздался требовательный звонок в дверь. Она открыла, Андас вошел без разрешения. Возбужденный. Сел на кресло и стал говорить яростно, искренне, пылко.

— Знаешь, я помню, тогда в школе за тобой ухаживал один красавчик, такой высокий статный брюнет, большие глаза, брови вразлет. Тимур его звали, кажется. Ты помнишь, верно? И вот однажды он провожал тебя после школьного вечера, было уже темно, и ты знаешь, я плелся за вами, меня тянуло к тебе, словно магнитом, шел долго, до самого твоего дома, причем, все время прячась от вас. Потом вы сели на скамейку перед домом, он что-то рассказывал, ты хохотала, потом вы стали целоваться, а я прятался уже за густым деревом. И вот, прячась там, я заплакал — а что мне оставалось делать? — так безутешно и безнадежно. Видишь, я до сих пор это помню!.. Послушай, Рим! Давай дадим мне шанс! Я знаю, вероятно, я не очень подхожу тебе, физически, эстетически, как-то еще. Но давай попробуем, и я окружу тебя заботой, лаской, достатком. Всецело! Тебе не надо будет работать, ты станешь акционером моей компании, все что угодно, только дай мне такую возмож-

ность. Дай, Римма! Ибо опять стоять за деревом и рыдать безутешно… я этого снова не вынесу, не перенесу. Я просто покончу с собой!.. Так ты дашь мне этот шанс? — воскликнул он в возбуждении и даже вскочил с кресла.

— А что мне остается делать? Иначе ты покончишь с собой, — ответила она, улыбаясь, растроганная столь неожиданным признанием, подошла и обняла Андаса, сама от себя не ожидая такой нежности, стала гладить его, успокаивать, целовать, понимая, что вот судьба сейчас, опять благосклонная, стучится в ее дверь. И почему бы ей не открыть человеку, так долго таившемуся в глубине ее прошлого и вдруг вышедшему к ней на свет?

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Когда Борис сообщил бабушке о разводе с Риммой, твердо и безусловно, Аврора Максимовна, положив телефонную трубку, стала медленно проваливаться глубоко вовнутрь себя; окрест мелькали фрагменты из ее жизни: бракосочетание в Ждановском ЗАГСе города Ленинграда, приезд в Пхеньян, родился Борис, по-корейски отец назвал его Кен Илем, научное открытие мужа, радость, ликование, в результате новая квартира на берегу реки Тэдонган, полученная от государства, потом газеты с сообщениями о разоблачении культа Сталина в СССР, тревожные звонки Максима Степановича: оставаться жить в Корее советским гражданам небезопасно, билет на отъезд из Пхеньяна, мужу сообщи, что поехала домой на время погостить, и далее долгий переезд, и после совсем другая жизнь, тяжелый быт, меланхолия отца, и нараставшее раздражение, даже ненависть, к ней — а где мой отец? — со стороны сына.

Вот провалилась и лежала на самом своем донышке неизвестно сколько времени, но воспрянула, вылезла сама из себя, как из колодца, огляделась: стояла уже ночь, два часа. Аврора прошлась по квартире, Катя, чертовка, еще не пришла, загуляла, паршивка, но сейчас не об этом… Что же ей делать? Тогда она подошла к телефону и позвонила своей мудрой подруге, к которой обращалась только по очень важным поводам. Долго извинялась за столь поздний звонок, затем рассказала о случившемся, та сказала, что, во-первых, утро вечера мудренее, во-вторых, как проснешься, поедешь к невестке, преодолевая себя, будешь ее просить, чтобы она изменила ситуацию с разводом, что это, быть может, импульсивное решение Бориса, он же у тебя псих, и вообще разрушать не строить, хорошенько подумайте, Риммочка, это ты скажешь, я вас прошу… Аврора горячо поблагодарила подругу, и с этой обнадеживающей, теплой, как грелка, мыслью заснула, точнее, прикорнула и, кажется, тут же встала, было уже 7 часов утра, пошла умываться, по дороге заглянула к внучке, слава Богу, та пришла целая и невредимая, надо будет ее отчитать, но это после, затем собралась, попила чаю и поехала к невестке на другой конец города.

Приехала, несколько раз сверяла адрес, потом поднялась на этаж, стала звонить, долго не открывали, затем все-таки открыла взлохмаченная Римма в халате, уставилась на свекровь в изумлении: Аврора Максимовна?! Что случилось? Ну, проходите! В это время из комнаты выглянул какой-то молодой накаченный парень, обнаженный, завернутый в простыню, и Аврора тут же очнулась, наконец, выходя из оцепенения, охватившего ее прошлым вечером, после сообщения Бориса, она вдруг поняла, что очень поздно спохватилась, что у каждого из родителей Кати своя личная жизнь, свой избранник, избранница, а у Риммы вот такой, гламурный качок, будто с обложки глянцевого журнала, недоуменно пялившийся сейчас на нее, сгорбленную старуху. Нет, спасибо, я лучше пойду, — растерянно сказала бабушка и пошла обратно вниз по ступенькам, чтоб не ждать лифта, тогда Римме придется стоять с открытой дверью, ведь не захлопнет же она ее

перед свекровью, хоть и бывшей, чертовы приличия, а Римма не стала ее останавливать, проводила взглядом и тихо закрыла дверь. Аврора же, выйдя из подъезда, села на лавочку и опять впала в прострацию или — упала в себя, сидела так неподвижно, как мумия, много времени, все думала, что Борис, очевидно, знает о существовании таких молодых любовников, необходимых зрелым женщинам для здоровья, но как он к этому относился, ей было неизвестно, вдруг ему будет больно, если она сообщит. Она набрала номер сына, точнее, пальцы сами набрали, и он довольно быстро ответил, на что она ему сказала, намеренно искажая правду, что сейчас сидит у подъезда Риммы, она только что к ней поднималась, стучала, звонила, но дверь осталась закрыта, хотя были слышны голоса. Тебе, сын, надо срочно с ней поговорить, чтобы вернуть прежние любовь и уважение. Пока не поздно! Затем была пауза, а после такой яростный крик, какого она не слышала от сына никогда.

— Мама, давно уже поздно! — кричал он. — Ты сама закрыла дверь пред отцом, от него уходя! И с тех пор все двери закрыты. Понимаешь? Тем более для тебя, однажды закрывшей самую важную дверь, если не в своей, то моей жизни точно. Но, заметь, я остался в той давней комнате с отцом, потому что я всегда — с униженными и оскорбленными! Такая вот тебе от меня фигура речи! Так что не надо мне жаловаться на утрату любви и уважения, ты сама первая в нашей семье эти чувства и растоптала!

Все, конец связи. А бабушка опять огорчилась, задумалась над словами сына, как это понимать: двери закрыты, и закрыла глаза, и сидела так, без малейшего движения, словно пыталась узреть внутри себя некий свет, некую истину, что ей делать дальше. И вот неужели пришло?!.. Она вдруг поняла смысл всего происходящего, она поняла, что если все двери закрыты, то надо их просто открыть всем, кому это нужно, срочно, настежь, назло всем и всяким обстоятельствам. Люди, вы слышите, откройте в себе свои двери! И не закрывайте их перед близкими или ближними никогда! О, да! И с этой счастливой гениальной мыслью она открыла глаза, осиянная, встала и пошла. Куда? Конечно, к отцу, на кладбище, уже три дня ее не посещавшему, потому что он, верно, чувствовал, что у нее происходит что-то неладное, тем более под грузом своей вины, ведь это он, тиран, как неустанно повторял малодушный Борис, заставил ее, молодую и глупую, бросить мужа, его отца.

Итак, я объявляю сегодня День Открытых Дверей! — воскликнула бабушка и даже захохотала от света обретенной истины и пошла по улице, улыбаясь встречным прохожим, а они, конечно, улыбались ей, причем, поскольку она открывалась им навстречу, они безоглядно открывались ей, уже излучая свой внутренний свет, у кого ярче, у кого тише, но все равно с легкой руки Авроры, богини утренней зари, между прочим, все друг другу радовались, восторгались, открывали свои внутренние двери, срывали с них свои ржавые замки на улице, на остановках, даже в автобусе, куда она села, чтоб доехать до кладбища. Братья и Сестры, сегодня у нас День Открытых Дверей! Откройте свои внутренние врата! — воскликнула она, стоя посреди автобуса, взмахивая руками, и люди братались, обнимались, целовались, делясь на кружки, на группы, пели песни по интересам, благодать снисходила к людям, и так бы Аврора и ехала бы с ними до конца своей жизни, но ей надо было выходить на остановке «Кладбище», увы-увы, что она, попрощавшись со всеми сердечно, с поклоном, и сделала.

Но только она вошла на территорию кладбища, как сразу же обнаружила, что и на кладбище был День Открытых Дверей. А именно, все могилы были раскрыты, разверсты, и из них изливался свет, где ярче, где тише, а также доносились голоса, мужские, женские, высокие, низкие, торопливые, вальяжные, тихие и громкие. Причем Аврора, проходя мимо, поневоле слышала, как они, голоса, го-

ворили себе и друг другу всякое разное. Вот, например... Смотри-ка, а мой сынок опять не пришел, могила запущена, везде грязь и окурки, бутылки, бомжи собираются, устраивают здесь черт-те что, содом и гоморру, и зачем я только его растила, поганца этакого! Не говори, вторила ей соседняя могила, а мои-то дети вообще за границу уехали, брат и сестра, года три здесь не появлялись, потому на могиле моей кучи мусора, все сюда свое говно скидывают, а мне каково, ох, как стыдно перед людьми, даже не знаю, стоило ли их растить, гаденышей, чтобы прийти к такому упадку и забвению... На что третья могила им злорадно выкрикивала: а мои родные лучше всех, и братья, и сестры, и дети, и внуки, каждый месяц приходят, собираются, поминают, камень мой протирают, особенно надпись на нем, затем участок прибирают, заборы красят, даже траву подстригают. А, каково? — Ну и что ты хочешь сказать, хвастунья ты неуместная? — хором выкрикивали две первые могилы. — А то, что воспитывать надо правильно, умом и сердцем, а не хвостом вилять перед мужиками разными, когда дети ваши не кормленные в пустом доме сидят и от голода воют! — Да заткнись ты, сволочь!.. — Сами вы суки позорные!..

Как услышала эту ругань Аврора, подбежала к могилам и опять взмахнула руками, словно дирижер. «Я прошу вас, милые вы мои, ушедшие близкие, да не ругайте вы родных своих, живых еще, ибо сегодня, напомню вам, День Открытых Дверей! Это значит, что все вы, и люди живые, и ушедшие близкие, открывают навстречу друг другу свои внутренние двери, врата! Разве не видите вы, что можете сейчас общаться, как с небом, так и друг с другом? И можете говорить ближнему своему светлое, доброе, вечное, а родным, если они далеко, любовь свою посылать! Так не оскверняйте эту счастливую возможность земной бранью и руганью! Я вас очень прошу!»

«Чего-чего?! Что за хрень сейчас была? А это еще кто такая?! — вдруг завопили три могилы уже вместе, хором, словно не было между ними ссоры, словно они заодно. Значит, ты подслушивала наши разговоры, кляча старая? Ах ты, мразь! А может, она еще воровала яблочки, конфетки, печеньки с наших могил! А ну-ка, пошла отсюда! Гони ее! Ату!» И понеслось по могилам, которые даже не разобрались, в чем дело. Гони ее, гони! И побежала бедная Аврора по кладбищу, отбиваясь от могильных ветвей, хватавших и цеплявших ее, пытавшихся разодрать, бежала к могиле отца, как к своему спасению, как сквозь липкую ночь и тьму, к маяку, продиралась, спотыкалась и падала. Папа! Папа! Спаси и помоги! Вот, наконец, добежала, дыхание перевела, открыла калитку и, упав на колени пред камнем, заплакала: «Папа! Беда случилась у нас! Борис и Римма разводятся! Семья разрушена! И Борис опять во всем винит тебя и меня! За то, что я отца его бросила! Папа! — возвела руки к небу. — Что же нам делать? Скажи!..»

Тем временем Катя проснулась, пошла умываться, заглянула в комнаты, бабушки не было. Тогда позвонила отцу, он не отвечал, потом матери, то же самое, тогда она подумала, что, может, с разводом все понарошку, потому что и раньше мама и папа ругались, после чего она пыталась их помирить, звонила, как сейчас, а они не брали трубки, но потом со временем все само разрешалось, так что, вдруг решила для себя Катя, все будет хорошо и на этот раз. Успокоившись, она стала собираться в институт, как раз успеет на вторую пару, встретит там свою любимую подругу Катю, да, это была одна из причин, почему она всегда охотно ездила в свой Институт Искусств, плюс бывали интересные лекции, которые она охотно посещала.

И действительно, только войдя в здание, она увидела вдалеке одинокую фигурку Кати-2, бродившей по коридорам, в ожидании лекции, она окликнула, та обрадовалась. «Ну, как прошел вчерашний день?» — тут же незамедлительно спросила Катя-2. «Да ничего, художник был забавный, Таир Ту... тьфу, фамилию пол-

ностью так и не знаю. А как твои успехи с родителями?» — «Начала искать», — сообщила Катя-2 и опять стала рассказывать ей про свою новую сеть, которую собиралась открыть, где тебя, ее, любого, окружали бы только открытые, отзывчивые, доброжелательные люди. И родителей своих она поставит на первое место в ближнем кругу. «А если ты их не найдешь, или в смысле... они не захотят с тобой встретиться?» — забеспокоилась Катя. «Все равно, — вдруг спокойно сказала Катя-2, — у меня есть их фотографии, я открою им профили, а их характеры мы запрограммируем с помощью специальных программ». — «То есть, отвечать и спрашивать, и вообще участвовать в беседе они будут по вашей подсказке?» — не понимала Катя. «Не по подсказке, а согласно алгоритму, который мы сейчас как раз изобретаем с моими единомышленниками, у которых те же проблемы с коммуникацией среди людей. И потому реакция «друзей» будет более сложной и неоднозначной. Понимаешь?» — «Пытаюсь понять, — сказала Катя. — В общем, как ты меня и предупреждала, ты изобретаешь новое человечество! Не так ли?» И они пошли на лекцию.

А на лекции рассказывали о творчестве культового кинорежиссера Джорджа Ромеро, который своим революционным фильмом «Ночь живых мертвецов» совершил переворот в жанре фильмов ужасов и открыл новое направление кино про зомби. «Но дело даже не в этом! — вдруг воскликнул профессор за кафедрой, которого Катя очень любила слушать, потому что, говоря о своем предмете, он всегда был живой, увлеченный и страстный. — А в том, что Ромеро, продолжая традиции великого Брэма Стокера, но намеренно снижая его инфернальный пафос, создал новую для того времени кинометафору людей. В образах живых, ходячих мертвецов, которые что-то говорят, куда-то ходят, с кем-то встречаются, но при этом абсолютно пусты внутри и потому бессмысленны. А теперь скажите, друзья, разве вы не видите таких «людей» в повседневной жизни?» — «Видим! Еще как видим!» — вдруг воскликнула Катя, сама от себя такой бурной реакции не ожидая, представив себе многих людей, которых она знала или просто видела, измученных рутиной повседневной жизни, причем это совсем не зависело от уровня их благосостояния, которые каждый день делали одно и то же, как роботы, давно превратившись действительно в живых мертвецов, и родители ее, кстати, потерявшие в своих «важных делах» сына, а когда-нибудь и дочь, были в первых рядах.

Вспомнив о них, она тут же вспомнила и о бабушке, которая как раз так не хотела превращения родителей в ходячих мертвецов и, как могла, этому сопротивлялась. И дождавшись перерыва, Катя позвонила ей на сотовый, Господи, надо было раньше ей это сделать, и как только та ответила, чуть ли не закричала в трубку: «Бабушка, ты где? Я по тебе так соскучилась! Слышишь?» — «Я на кладбище, — как-то спокойно, даже умиротворенно, ответила бабушка, — разговариваю со своим отцом». Пауза. «Ты знаешь, Катя, — продолжила она, — сейчас, всего лишь несколько минут назад, случилось удивительное!» — «Что? Что, бабушка?» — забеспокоилась Катя. «Мой отец, твой прадедушка, полковник КГБ в отставке Максим Степанович Кан, или по-корейски Кан Хо Ын, впервые в своей жизни, что до, что после смерти, попросил у меня прощения. Представляешь?» — «За что? За что?» — опять заторопилась Катя. «Как за что? Ты как будто не знаешь... За эгоизм свой... И еще он зовет меня к себе». — «Куда к себе? — испугалась Катя. — Бабушка, ты на кладбище? Возле могилы прадедушки? Я сейчас приеду! Никуда не уходи!»

И она побежала, на ходу прощаясь с Катей-2, которая опять в изумлении глядела на подругу, но не останавливала, не задавала ей лишних вопросов, понимая, что у нее что-то происходит, что-то очень важное, серьезное, нельзя сказать, что счастливое, быть может, наоборот, какой-то распад еще с момента пропажи Антона, и как это остановить, одному Богу было известно. Катя стала ловить машину

на улице, так отчаянно махала, махала, вот поймала, села, сказала: на кладбище, водитель хотел пошутить, но, увидев ее лицо, осекся, просто молча вез, а она вспоминала весь разговор, бабушка была очень странная, не в себе, да, но она приедет и вернет ее в себя, все наладится. Вот приехала, расплатилась и побежала, вошла на территорию, стала искать могилу, она так давно здесь не была, позвонила бабушке, но у нее почему-то было отключено. Боже, как стыдно и горько! Как же она найдет могилу?! Она ходила по аллеям, смотрела номера, участки, тем временем тучи на небе вдруг стали сгущаться, солнце исчезло, стало совсем темно, и ветер уже завывал, словно кто-то издевался над ней, не найдешь ты могилу, сейчас еще дождь пущу и вообще кирдык тебе. И так она ходила, искала, звонила, переходя с участка на участок, и вдруг увидела издалека — Катя, ты сегодня зрячая? Зрячая! Зрячая! — как в воздух взмывает ракетой кто-то или некто, Катя пригляделась, Боже, это был полковник Хо, ее прадедушка, руки по швам, как памятник Гагарину в Москве, вверх летел, взлетал метров на 30, потом руки воздевал к небу, лицо закидывал, парил так несколько секунд и обратно вниз, в той же позе, приземлялся... Катя бросилась туда сквозь кусты и камни, могилы чужие, оградки, чуть ли не падала, одежду цепляла, рвала, и вот увидела, наконец, бабушку возле надгробия, которая как-то растерянно улыбалась отцу, приземлившемуся и стоявшему поодаль.

— Бабушка, бабушка! Что вы делаете?

— Как — что? Сегодня День Открытых Дверей! Папа природу открывает!

— Как это «открывает»?

— Ну, видишь, взлетает вот, шаманит там, заклинает, тучи нагнетает, чтобы взрыв был, буря, чтобы природа открылась человеку, ничего от него не скрывала, в своем истинном отношении к нему!

— Ладно, ладно, ты сама-то как? — ничего не поняла Катя из ее рассказа.

— Я прекрасно! Мы с отцом обо всем договорились, во всем с ним поладили.

— Так в чем?

Но тут полковник опять взлетел с вихрем, бабушка с Катей даже присели от пыли и ветра прямо в глаза, следом дождь пошел, все сильней и сильней, и совсем темно стало, тогда Катя сняла плащ и бабушку и себя накрыла, присели там же, возле могилки, под кустарником, сидели, прижавшись, холодно стало, ветер и дождь, Катя хотела заговорить, дальше спрашивать, но такой гром стоял, что бесполезно было. Только вспышки молнии, и Катя стала о семье опять думать, о папе, о маме, о бабушке, как все дальше будет у них. И вдруг очередная вспышка молнии, и она увидела с ужасом, словно природа сама над ней издевалась, мол, ты о папе подумала, вот тебе папа, она увидела в яркой вспышке отца, как лежал он в постели с какой-то совсем юной девушкой. Катя пригляделась, это дочка была Рены, его подруги, жены гражданской, однажды встречались, о, Боже, что за ужас такой пред глазами стоит! Потом опять вспышка, и уже мать перед ней, тоже нагая, распущенная, никогда такой ее не видела, тоже в постели лежит с каким-то молодым любовником, скорей ровесником Кати. И опять загрохотало, опять вспышка молнии, и она увидела себя в объятиях какого-то чудовища, то ли Кинг-Конга, то ли, незнамо, кого, о, ужас, ужас!..

Тогда она зажмурилась, выждала немного, потом опять открыла глаза, и вновь вспышка, словно хитрая коварная молния ждала, когда она откроет глаза, и она увидела прямо перед собой: бабушка лежала в гробу, вся бледная, синие круги под глазами, как-то странно улыбалась, словно вот отмучилась, и покой пришел. «Бабушка! Бабушка!» — закричала в ужасе Катя, повернулась к ней и увидела, что та сидит рядом, только с закрытыми глазами, синими кругами, как и там, в магической темноте. Стала трясти ее, пульс щупать, кричать, а она молчит, потом телефон стала искать, руки тряслись, вот позвонила в «скорую», дозвонилась,

позвала отчаянно, уже в трубку плакала, ревела и все обнимала бабушку, крепко-крепко, никому не отдам, тем более Смерти, у которой нет никаких объятий, только холод, мрак, пустота, как сейчас вокруг нас, что бы там тебе хитрый прадедушка, наивная несчастная Аврора, ни рассказывал!

В ОБЪЯТИЯХ ОТЕЛЛО

Бабушку похоронили спустя месяц с небольшим после похорон Антона, и эта скорость ухода близких просто поразила Катю, словно предвещала, что впереди ее ждут события еще страшнее и печальнее. Хотя, казалось бы, куда еще больше? И тогда Катя, чтобы не разрушиться, не распасться на куски, собралась с собой, уже к приезду скорой помощи на кладбище; санитары, осмотрев тело, пошутили с черным юмором, и зачем мы, мол, сюда приехали? Надо сразу ее здесь хоронить! Но Катя резко их пресекла и с этого момента, вплоть до похорон, вела себя как взрослая, мужественная, полная скорби женщина, сама организовала похороны, ни разу более не позвонив родителям, которые, между прочим, узнали о смерти от соседей, вот стыд и позор, не обменялась с ними во время похорон ни единым словом, мрачная, к ним враждебная, лишь посетившая поминальный обед, все-таки устроенный отцом, сыном ушедшей, и вскоре уехавшая домой.

Там, дома, в пустых комнатах, она наконец расслабилась, сняла с себя одежды, скинула маску суровой хранительницы семейного очага и стала просто ходить по комнатам, туда-сюда, заходила в первую, вторую, третью, на кухню, в ванную, туалет, как бы ища бабушку, пытаясь вернуть те счастливые времена, когда всей семьей они играли в прятки с маленькой Катей, где Катя гукала и аукала, размахивала ручками, пытаясь хоть кого-нибудь поймать. Она, теперь уже взрослая Катя, вдруг остановилась посреди бабушкиной комнаты и зарыдала, и упала на пол, и плакала, плакала, а потом от усталости, отчаяния, невыносимости горя заснула.

И во сне опять ходила по комнатам, ища бабушку, туда-сюда, и вот вошла к Авроре Максимовне, а до этого все не решалась, чего-то боялась, прошлась по комнате, и вдруг — о, ужас! — заметила какого-то человека, сидевшего к ней спиной, прямо на бабушкиной кровати. Этот человек, темнокожий, араб, кажется, молился, уткнувшись в угол. Катя, превозмогая ужас, подошла к нему, тихо дотронулась до его плеча и спросила: «Простите, что вы здесь делаете? Вы… слышите меня?»

Человек наконец оторвался от своей глубокой молитвы, повернулся к ней, встал во весь рост, оказавшись, судя по одежде, рыцарем средних веков, внимательно посмотрел на Катю и с легкой улыбкой продекламировал:

Не полюби я нежно Дездемону,
Я бы свою бездомную свободу,
Не утеснил за все богатства моря…[1]

И Катя тут же поняла, что это Отелло, и почему-то сразу же успокоилась, а тот, выдержав паузу, изменив лицо, мрачно продолжал:

Что знал я про часы ее разврата?
Не видел их, не чуял, не страдал,
Спокойно спал, был весел и доволен;
Не целовал следы лобзаний Кассио.
Кто не заметил, что он обокраден,
Тот не утратил ровно ничего.

---

[1] Здесь и далее перевод М. Лозинского

И опять замер, теперь уже, казалось бы, надолго, словно всем своим вызывающим видом вынуждая Катю спросить, кто он такой и что он здесь делает. И Катя наконец спросила:

— Если вы Отелло, то как вы здесь оказались? И что вы здесь, простите, делаете?

— Да не Отелло я! — нервно ответил ей Отелло уже без всякой театральной позы. — Неужели не узнала? Миша я, Михаил! Тот самый, муж Марии, который задушил твоего брата!

— Что?! — воскликнула испуганно Катя, прижала руки к груди, почувствовав боль в сердце, и стала пятиться. — Что вы хотите от меня? От нашего дома?!

— Не ори, дурочка! — спокойно сказал убийца. — Я пришел выразить тебе свое соболезнование в связи с неожиданным уходом твоей почтенной бабушки... И еще важное. Отсидев в тюрьме полтора месяца, я хочу сказать, что я очень сожалею, что убил твоего брата...

— Только сейчас стали сожалеть? — с болью выдавила из себя Катя.

— Да, надо было обо всем подумать. И надо было убить Марию, как в этой знаменитой пьесе, а я — дурак, ну, просто дурак!

— А без убийств никак нельзя?

— Никак, — твердо сказал Михаил. — Вот я убил, опять повторю, твоего брата, и сразу любовь к Марии стала иссякать, словно смерть эта отравила мое чувство. Понимаешь? Иссякло чувство, осталось одно раздражение, или даже отвращение, как к опухоли, которую надо немедленно вырезать. Она действительно шлюха, возомнившая себя актрисой и режиссером. Вот что я теперь скажу!

— Да не такая уж она шлюха! — стала защищать Марию Катя, вдруг вспомнив ее слезы.

— А если бы я убил ее тогда, — не слыша Катю, задумчиво продолжал Михаил, — то я бы любил ее вечно! Или, как Шекспир говорил:

О, сладкий вздох, зовущий правосудье
Переломить свой меч! Еще, еще
Умри такой, тебя я буду, убив, любить!

Сказал он, и наконец взглянул на Катю, и в глазах его, к ее удивлению, потому что она думала, что он зверь и монстр, стояли слезы.

— Убить, чтобы любить? — повторила Катя, как завороженная, потом вдруг опомнилась. — А почему вы сейчас в таком наряде?

— Да у нас же там, в тюрьме, самодеятельность. И вот «Отелло» решили ставить. Смех и слезы! А кому, как не мне?

— А как вы здесь оказались-то, никак не пойму?

— Как-как? Через стены прошел. У нас это умеют, и меня научили... Если из тюрьмы не сбегать, тогда можно свободно гулять по потустороннему миру!

— Гулять по...? — опять удивленно повторила за ним Катя.

— Знаешь, у нас сейчас репетиция идет, — вдруг сказал Михаил-Отелло, — поэтому очень шумно, поэтому я к вам. Во-первых, соболезнования выразить, а, во-вторых, у вас тихо, уютно. Я здесь помолюсь. Ладно? Пора грехи замаливать! Потом сам уйду, так же тихо и незаметно.

— Да-да, пожалуйста, — сказала Катя и вышла. И тут же проснулась, потянулась, встала с пола, огляделась, — совершенно пустая комната, но она была уверена, Михаил-Отелло был здесь. Затем вышла в коридор и услышала знакомые заговорщические шептания. Значит, и во сне призраки, и наяву! Вот так, дожила!

Она уже знала, кого увидит на кухне, и пошла прямо туда. Встала в дверном проеме; перед ней сидели за кухонным столом Антон, полковник и понятно, бабушка, которая тут же при Катином взгляде опустила глаза. Катя вздохнула и с

некоторой деланной бодростью произнесла: «Ну вот, натюрморт с ушедшими близкими. Часть вторая».

— А когда была первая? — спросил Антон, он был легок и весел и даже игрив.

— Уже забыл? После твоих похорон, — сказала Катя и внимательно посмотрела на бабушку. — Так же, как и бабушку, Аврору Максимовну, я вижу сейчас впервые в новом образе после похорон. Что ж ты, ба, меня бросила так неожиданно? За что?

— Не за что, — тихо сказала бабушка. — Просто я устала, Катя. От всего. От всех утрат, человеческих, эмоциональных. А потом папа позвал...

— Папа, папа! У тебя что, ба, своей головы нет? Вот скажите, Максим Степанович, а то вы все молчите... Почему вы сохраняете власть над дочкой своей, моей бабушкой, даже после своей смерти? Неужели нельзя было ее оставить в покое?

— Именно потому, что ее все в свое время «оставили в покое», а некоторые, как сын Борис, даже проклинали, я и пришел к ней на помощь. Ибо, если человек не находит себе друга в пространстве, где он живет, значит, он найдет его в том времени, в каком бы хотел жить, — спокойным тоном ответил прадедушка, и Катя удивленно посмотрела на него, он никогда так много не говорил, значит, это было для него очень важно. И верно, для нее тоже, она еще не обдумала хорошенько все, сказанное им.

— Да я все понимаю! — сказала с чувством Катя. — Все мы одиноки. Но мы ведь, бабушка, с тобой дружили? А теперь, *что* мне делать? Как мне жить?

— Слушай, а давай к нам! — вдруг предложил Антон. — Или с помощью веревки, или вены, или, еще проще, из окна вниз головой... Пять минут ужаса, и ты с нами!

— Да что ты говоришь?! Паршивец ты этакий! — набросилась на него бабушка чуть ли не с кулаками.

— Послушайте, а у меня же кое-что есть! — воскликнула Катя и побежала к себе в комнату, достала из тумбочки бутылек с ядом и вернулась с ним обратно. — Вот посмотрите, что у меня есть!

— Что это? — все хором.

— Цианистый калий.

— Где взяла? — восхищенно спросил Антон, а полковник бросил на него неодобрительный взгляд.

— Неважно, — сказала Катя, решив не напоминать ему о Марии. — Так что у меня есть орудие, бабушка! Выпью, и все! И — в объятия к вам!

— Не смей! Нет ничего ценней жизни!

— Если б ты раньше сказала, я бы тебе поверила. А сейчас, когда ты там...

— Нет, ну, а как она будет жить без нас? — опять засомневался Антон.

— Война план покажет, — опять включился полковник. — Будет жить и поймет, что и как...

— Совершенно верно! — вторила ему Аврора. — Встретит парня, влюбится в него, заведут семью...

— Парень окажется инфантилом, наградит детенышем, убежит из семьи, и будет наша Катюшка, как и ты, бабушка, тащить свой семейный воз до скончания века...

— Да замолчи ты, паршивец! — опять закричала бабушка, потрясая кулаками, жалея, верно, что не может отхлестать внука по щекам.

— Хватит, мне все надоело! — остановила назревающую ссору Катя. — В общем, я так решила. Пусть эта бутылочка с ядом стоит на столе. А я пойду на весь день гулять. Встречусь с подругой, сходим куда-нибудь. И пока я буду гулять, я пойму, нужна ли я этому миру или нет. И он, такой мир, нужен ли мне? А вечером я вернусь. И в зависимости от своего решения, я последую совету Антона или...

— Только не Антона! Только не Антона! — опять запричитала бабушка.

— Все. Хватит причитать, ба! Раньше надо было советовать, пока жива была, теперь ты мне не указ, — сказала Катя и вышла из комнаты.

И действительно пошла, поехала в город, по ходу позвонила Кате, они встретились, та, уже зная о горе подруги, стала соболезновать, обнимала, заплакала было, но Катя вовремя ее остановила: «Все, хватит слезы лить! Давай лучше решим, что будем делать!» И сама же, не дожидаясь ее, вдруг сказала: «А давай сегодня устроим день добрых дел! Поехали, я тебя кое с кем познакомлю!»

И они поехали к художнику Таиру, приехали, поднялись на последний этаж, к нему в студию, стали звонить. Дверь открыл сам хозяин, за спиной раздавались голоса, звон бокалов, громкий смех. Катя с нескрываемым интересом смотрела на Таира, гадая, узнает ли он ее.

— Вам кого, девушки? — рассеянно посмотрел на них художник, отпивая из бокала вино. — Вы из газеты?

— Значит, не узнал меня! — нервно усмехнулась Катя. — Девочку Гогена.

— Ах, Катька! — сфокусировал зрение Таир. — Здесь же темно, ничего не видно. Заходите, у меня вечеринка. Я получил очередной грант на натюрморт, пардон, с… — Они прошли внутрь. — С задушенными проститутками и прочей нечистью… Располагайтесь, пейте, ешьте, гуляйте. Я к вам позже подойду.

И ушел, а они подошли к длинному столу, за которым стояло множество незнакомого народа, Катя начала ухаживать за Катей-2, поднесла ей еду, напитки, после стала говорить напутственные слова:

— Ты здесь ешь, пей, не стесняйся, здесь все равные, никто особо друг друга не знает, с Таиром познакомься, в принципе интересный человек…

— А ты что, Кать? Неужели уйти решила?

— Я так решила, пока мы сюда ехали. Если он сразу меня узнает, то я останусь. А если нет, то… Понимаешь, девичья гордость, мать ее! — с усмешкой сказала Катя.

— Да он же сказал, там темно было! А потом, когда тебя увидел, он же обрадовался!

— Все, Катя, закрыли тему! И вообще, я ради тебя сюда пришла. Хватит в углу сидеть! Здесь же художники, как раз найдешь себе собеседников по интересам. Ты же у нас умная, так и покажи миру себя! В общем, держи марку и будь на связи.

— Ну, Катя! — скуксилась Катя-2, даже капризно присела, сгибая колени, готовая, казалось, вот-вот заплакать. Но тут к ней подошел какой-то парень, завел беседу, и Катя, уже совершенно спокойная, пошла на выход.

Она вышла из дома и пошла по парку, решив прогуляться, кругом сосны, ели, лужайки, люди, лежа на траве, о чем-то мирно беседовали. Как раз она проходила мимо парней, которые сидели кругом, в центре их гуру или наставник в чем-то их живо убеждал или наставлял, и она поневоле услышала.

— …А если клиентки, тем более зрелого возраста, просят вас оказать им дополнительные услуги — сексуальные в том числе! — то вы просто не смеете им отказывать! Иначе я вас уволю!! Вот, пожалуйста, посмотрим на список требований нашей новой заказчицы, — читал он уже по бумажке. — Гари-фул-ли-ной Рим-мы Мар-ковны …

И тут Катя остановилась, ведь только что назвали по имени ее мать, она повернулась, вгляделась и с ужасом узнала в сидевших на поляне тех самых ребят, которые изображали из себя Антонов, семь Антонов разных мастей, под предводительством Васи Цо, который как раз сидел сейчас в центре круга. И тогда Катя с криком бросилась в их круг: «Ах, вот оно в чем дело! Значит, вы людей обманываете! Сволочи! Уроды! Поганцы! Семь Антонов, значит!» И стала бить их по головам сумкой, пинала, кричала, а Вася Цо, узнав клиентку, пытался оттащить ее в

сторону: «Ты что? Перестань, Катя!» Наконец, посадил на скамейку, пытался ее успокоить. Катя же рыдала, уже не сдерживаясь, ненавидя весь этот черствый, циничный, лицемерный и пошлый мир.

— Как вы могли!? Я ведь за помощью к вам в агентство обратилась! За помощью, понимаете, чтоб найти брата! А вы мне подмену сделали! А теперь еще за мою мать взялись?! Извращенцы!!

— Это за кого?

— За Римму Марковну, ты только что имя ее прочел!

— Ах, так, значит, это твоя мать?.. Пойми, мы просто выполняем заказы. Чтобы люди не теряли надежду. Понимаешь? Вот ты искала своего брата! А что мы должны были сделать? Сказать, что он давно в земле червей кормит? Извини! Поэтому мы подошли художественно, изобразили версии твоего брата. Или вот мать твоя... Она обратилась к нам за посильной помощью.

— Все! Ничего не хочу слушать про это! Одно ясно, что вы подлые и пошлые людишки, пытающиеся нажиться на чужом горе. Или на чужой болезни!

— Да ты не понимаешь! — вдруг с неподдельным возмущением воскликнул Вася Цо. — Люди живут в пустоте. Люди живут без любви. В одиночестве, в полном непонимании миром своего естества. И всем им нужно одно — хотя бы немного ласки, чуточку понимания. Да! Мы не можем дать им любовь, но мы даем им внимание!

— Значит, никто никому не может дать любовь? — вдруг заключила Катя, думая о чем-то своем.

— Если хочешь знать, то, по моим наблюдениям, — пылко продолжал Вася, задетый за живое, — а я в этом бизнесе много лет, люди вообще не умеют любить или думают, что умеют, на самом деле пытаясь заменить это чувство привычкой, страстью, похотью или всякими извращениями. Поэтому и стала так популярна эта сеть. Труба, в смысле. «В глубине». Познай свою глубину! И там, в своей глубине... Как там дальше их слоган? Больше не помню.

— И что же теперь делать? — вдруг спросила Катя, искренне распахнув свои большие глаза, полные тоски, скорби, печали, прямо на Васю. — Если нет любви, то, значит, нам остается похоть?

Вася пожал плечами, даже он не мог ничего сказать.

— А ты не можешь отвезти меня туда, в трубу? Ведь ты меня уже туда возил. Ты помнишь? Когда мы искали брата...

— А зачем тебе?

— Если честно, я хочу сегодня вымараться в грязи, в самых страшных извращениях и разврате!

— Да зачем тебе это? — усмехнулся Вася. — Тебе это не пойдет. Сама потом плеваться будешь!

— Я сегодня бабушку похоронила. Понимаешь? Которую очень любила. А теперь мне любить больше некого. Поэтому я готова к тому, что в этом мире осталось.

— Ну, если тебе это поможет...

— Пожалуйста! Я тебя очень прошу, Вася! Я больше никогда не буду вас называть извращенцами! Я поняла, что у каждого в этом мире своя работа.

— Хорошо, поехали, — сказал он, отошел к ребятам, дал какие-то указания, затем посадил Катю в машину и повез в трубу. По дороге высказал свои соболезнования, опять извинился за себя, за своих подчиненных, за свой бизнес, так сказать. Что делать, если «человеческая недолюбленность» давно стала товаром, а раньше они с друзьями хотели снимать кино про чистую любовь, даже пытались, но разорились, представляешь, Катя, как жизнь над нами смеется, нет, просто издевается, так что зла на нас не держи, ну, вот мы и приехали.

Они прошли в трубу снова без очереди, Вася лишь подмигнул охране, он посадил ее в баре, у входа, сам пошел договариваться. В баре было пусто, прохладно, играла приятная обволакивающая музыка, и Катя вдруг подумала, что именно в таком месте она хотела бы умереть, заказала бы воды, насыпала бы свой порошок, выпила бы и — все, конец ее мучениям; надо было взять с собой яду. Тут вошел бодрый Вася, присел к ней за стол.

— В общем, я обо всем договорился. Можешь прямо сейчас идти развратничать.

— Серьезно? А куда? К кому?

— У тебя встреча с Големом. Там, в конце коридора, будет лампочка мигать, не потеряешься.

— С Големом? Как странно! Так называется корпорация отца.

— Вот это знак! Значит, это у вас семейное...

— Что? Да ты шутишь, что ли?.. А дорого это стоит?

— Не беспокойся. Я уже за все заплатил.

— Нет, я сама!

— Послушай, будем считать, что это бонус от меня. За нанесенный моральный урон...

— Ладно, Вася. Скажи, а там страшно будет?

— Ну вот, ты уже струсила! Я выбрал Голема, потому что это не самый радикальный вариант. В меру жутковато, в меру интересно. Как раз для тебя, золотая середина. Чтобы испачкаться в пороках, но не совсем. Ну, что, идешь? А то, пока не поздно, давай все отменим!

— Нет, я пойду! Спасибо тебе за все! — сказала Катя, махнула ему на прощание и пошла по длинному темному коридору, подсвеченному красным светом. Слева и справа были полуотворены комнаты, из которых доносились сладострастные стоны, крики, плачи, даже визжания, а Катя шла и думала о том, что если никто в этом мире не умеет любить, как заявил со знанием дела Вася, а она была абсолютно с этим согласна, ибо в их семье ни папа, ни мама, ни даже она, хотя она как-то еще пыталась, никто в их семье не умел любить, иначе бы от них не ушел Антон, ибо от любящих никогда не уходят, а за ним не ушла бы бабушка, никому не нужная, заведшая себе от одиночества призрака-друга, — если все это так, то она должна стать как все: как ее, к примеру, отец, который спит с дочкой своей гражданской жены, или как мать, меняющая себе каждый день любовников, в общем, как те десятки, сотни тысяч, а может, миллионы людей, не нашедшие на земле любви, потому и рыщущие в поисках таких же несчастных, как они, изголодавшихся по человеческой ласке партнеров. «И потому я готова броситься в объятия Голему! — воскликнула Катя, словно сама себя подбадривая. — Пусть он делает со мной все, что захочет!» А после я с облегчением умру, вдруг подумала Катя, то есть покончу с собой, потому что не смогу жить, как живут мои родители!

Она дошла до двери, на которой мигала табличка с номером ее заказа, перекрестилась, хотя была некрещенная, и вошла внутрь. И оказалась в просторной темной комнате; не зная, что делать, присела было на кушетку, и вдруг из темноты, из самого, казалось, сердца тьмы, выплыла фигура человека в красной маске, в облегавшем трико телесного цвета, а между ног у него болтался то ли хобот, то ли хвост, очевидно, главное его украшение и оружие.

— Ну что, уважаемая, какие позы вы предпочитаете? — без промедления взялся за дело развязный Голем, очевидно, это был он. — Вы, девушка, раздевайтесь для начала! Чего так сидеть?!

Катя стояла как вкопанная, без движения, с ужасом глядя на то, что болталось у него между ног.

— Ах, вы хотите для начала поразвлечься! — поймав ее взгляд, сделал непра-

вильный вывод Голем. И нажал на какую-то кнопку на правом бедре, после чего его хобот, хвост, а точнее, фаллос, упруго выпрямившись, начал с тихим жужжанием вращаться вокруг своей оси — колотушкой? дубиной? антенной? — все быстрей и быстрей, при этом, о, ужас, непрерывно возрастая в размерах. Сам же Голем — на красной маске три черных прорези для глаз и рта — подходил к ней все ближе и ближе и непонятно, что он собирался делать, и пока он не прикоснулся к ней своими частями, Катя истерично заорала: «Перестаньте! Я вас умоляю! И уберите эту гадость!» Затем закрыла лицо руками и зарыдала: «Зачем я сюда пришла?!»

И тут Голем замер, окаменел, очевидно, внутри него бурлила какая-то мысль, потом снял с себя маску и оказался парнем с открытым добрым лицом, русыми волосами и серыми глазами. «Не плачьте!» — заботливо сказал он, подошел к Кате, присел было рядом, но тут увидел, что ему мешает этот самый хвост. Тогда он снял с себя пояс с этим постыдным приспособлением, с какой-то неимоверной радостью отбросил его в сторону и наконец сел рядом с Катей.

— Не плачьте! Я вдруг узнал вас! Вы были тогда в театре, брата искали!

— Да, — удивилась Катя, поднимая заплаканное лицо. — А вы кто?

— Я вообще-то актер, — улыбнулся вдруг Голем. — Как раз из той студии, «Утиная Охота» называется. А сейчас здесь подрабатываю, у меня семья, вечно денег не хватает. Вот…

— Да, оригинальная у вас подработка! — усмехнулась Катя, успокаиваясь, чувствуя, что ужас уже проходит. — А здесь, — вдруг встала она с дивана, — очевидно, все и происходит?

— Да, здесь. А что же делать, раз жизнь такая? Вы сядьте, сядьте! — оправдывался Голем. — Где требуется, там и работаем… Да и не интересно все это! Вы лучше о себе расскажите! Нашли вы брата?

— А вы разве не знаете?

— Нет, я давно в театре не был.

И она рассказала о себе, о брате, о бабушке, о родителях, все с начала до конца, пылко, порывисто, импульсивно, и о том, что сегодня решила покончить с собой, а перед этим вымазаться в грязи, в пороках, поэтому она здесь.

— О, Боже! Не делайте этого никогда! — взмолился вдруг Голем; она все забывала спросить, как его на самом деле зовут. — Вот, послушайте меня, я же здесь не только големов изображаю, но и всех других, и Кинг-Конга, и Тварь, и Чужого, и Червя, и так далее. Так вот, за время своей работы я здесь такого нагляделся, что лучше вам не рассказывать… Вы думаете, вон то приспособление, которое вас так ужасало, я по собственной инициативе ношу? Нет, это по просьбе клиенток! И много еще здесь такого мерзкого!.. Но я не об этом хочу вам сказать. Пока я здесь работаю, я забыл, что такое любовь! Иногда мне кажется, что, может, ее вообще не существует? Может, все это выдумки безумных романтиков человечества, чтобы не видеть все эти вагины, фаллосы, дыры, хвосты, хоботы, контакты, совокупления… И только когда я прихожу домой, к маме, сестре, своей маленькой племяннице, я потихоньку успокаиваюсь и отхожу. Вот в чем дело! Иначе я давно бы сошел с ума! Поэтому не убивайте себя, что за глупости, а боритесь за своих родителей, ведь они когда-то друг друга любили и любили вас с братом, детей своих, поэтому они вам, тебе родные. И надо их вернуть в мир любви немедленно!

— Но как? — теперь уже взмолилась Катя.

— Устройте им встречу. Сядьте втроем, вспомните все былое, хорошее, после вспомните ушедших, брата, бабушку… Разве это не жертвы во имя вашей семьи и любви? Разве этого уже недостаточно, чтоб вернуть семью?!

— А если не получится?

— Должно получиться!

— А если все-таки не получится? Я ведь знаю свих родителей, эгоистов!

— А если совсем не получится, то убейте их!

— Что?? Как это — убить?!

— Люди, предавшие свою любовь, не имеют права жить на этой земле! — вдруг тихо и твердо сказал Голем.

— Как странно! Сегодня утром я слышала в точности такие же слова от Отелло, ну от актера, игравшего Отелло. Он сказал, что если любовь прошла, то надо свою возлюбленную убить, чтоб ее после любить!

— Точно! — воскликнул Голем. — Ибо если не убьешь ушедшую от тебя любовь, то она, неверная, будет ходить по тому же миру, что и ты. И ты будешь то и дело встречать ее, как ходячий труп своей любви, и как объект уже чьего-то чужого чувства, и это невыносимо!

— Значит, у вас это было? — догадалась Катя, судя по его пылкому тону.

— Да, я встречаю ее время от времени, уже с другим, и очень жалею, что не смог ее убить. Да, очень жалею. Так что все мы — потенциальные Отелло. Но не все мы способны убить ради любви. И так, в своей немощи, мы себя и предаем.

И наступила пауза, и Катя смотрела на него, несостоявшегося Отелло, а он отводил глаза.

— А можно я вас обниму? — вдруг спросила растроганная Катя. — Ну, по-человечески!

— Конечно, а я вас! — грустно улыбнулся безымянный Голем, значит, Голем Утраченной Любви. — И пожалуйста, боритесь за своих родителей! Всегда есть надежда!

И они обнялись, нежно-нежно, а потом крепко-крепко, и сидели так долго-долго, положив лица друг другу на плечи, каждый думая о своем, о своей любви и утрате, и по лицу Кати текли уже слезы, она оплакивала всех в этом мире, кто потерял любовь, и по тому, как тихо вздрагивала его спина, она поняла, что он тоже плачет, а точнее оплакивает. А потом прозвенел звонок, означавший конец сеанса. Они встали, вытерли слезы, он проводил ее до двери и помахал рукой, и она пошла обратно по коридору, опять слыша чужие стоны и крики, но на тот раз они ее совсем не пугали, не отвращали. Ибо теперь она понимала, что люди просто не умеют любить, причем из века в век, никак не научатся, и потому себя мучают, предают, истязают, насилуют. И если Бог не научил их любить, верить в любовь, не предавать ее, то, значит, это плохой бог... И неужели все так печально? Мысли ее путались. Вот если говорить о лучшем, что все-таки создало человечество, думая о любви, то это, конечно, Отелло, который так любил, так-так, что убил, и, значит... — наконец заключила Катя, покидая трубу, — Отелло это и есть бог, а бог есть Отелло.

СЕМЕЙНЫЙ ИНКУБ

Катя пришла домой, привела себя в порядок, села на кухне за стол, на котором оставила бутылочку с ядом, цианистым калием, который вернул ее к вопросу, заданному ей сегодня утром, жить ей или не жить, подумала-подумала в связи с новыми обстоятельствами и посылами и убрала яд в шкафчик, висевший слева от плиты, опять села за стол и стала размышлять, как же ей вернуть своих родителей, таких дурных, импульсивных, эгоистичных, безумных, безответственных, хоть и взрослых. Машинально стала просматривать свой сотовый телефон и вдруг обнаружила звонок, — от папы! — посланный ей полчаса назад, как раз когда она шла по улицам шумного ночного города. Она тут же перезвонила, папа Борис, ответил, и, кажется, был возбужден, затараторив в свойственной себе нервной ма-

нере: «Катя, как я рад тебя слышать! Слушай, у нас новость с твоей мамой. Мы решили с ней воссоединиться! Ну их всех на фиг, этих сожителей! Вот! Ты слышишь меня?»

— Да, папа!

— Как ты к этому относишься?

— Нет слов... Да просто замечательно! Я об этом и мечтать не смела. А что с вами такое случилось?

— Ничего, просто пришло осознание. В общем, при встрече расскажу. Ну и где нам лучше встретиться, как ты думаешь?

— Что за вопрос? Конечно, здесь, у меня, у бабушки. Там, где наша семья прожила свои самые счастливые годы, — сказала Катя и отставила телефон, глядя в ночь за окном, вот-вот заплачет, дура сентиментальная.

— Правильно. Ты всегда говоришь все правильно! Дочь моя, умница! А когда?

— Да хоть завтра, папа! Чем скорей, тем лучше!

— Ладно, я посоветуюсь с мамой, мы перезвоним. Целую, пока!

Конец связи. Катя была поражена, возбуждена, в это поверить было невозможно: пока она думала, как соединить своих родителей, отец сам позвонил, нет, это было просто божественное вмешательство, и если бог это Отелло, то спасибо тебе, прекрасный мавр, за твою заботу, доброту и великодушие!.. Так что же все-таки случилось с моими родителями? — стала думать она, наливая себя свежезаваренный чай, а не яд, между прочим, уже пребывая в приподнятом настроении, готовая к самым неожиданным версиям, и стала думать, воображать и предполагать.

А на самом деле — не мучайся Катя, ты все скоро узнаешь! — с ее родителями случилось следующее. Начнем с отца. Итак, Борис завел себе любовницу Настю, умопомрачительную, сногсшибательную, молодую, как вечная весна: кожа — как шелк, пышные каштановые волосы, синие, как летнее небо, глаза, не губы, а просто бутончик розы, и приходил, конечно, к ней не каждую ночь, но через раз, все-таки опасаясь Рены, которая на его удивление как-то сладко спала, поскольку обыкновенно она ворочалась, просыпалась, ходила в туалет, пила воду, а теперь, как по заказу, и Борис, человек чуткий, давно заподозрил неладное. И это случилось, на вторую неделю его новой сладкой жизни в качестве мужа Рены, любовника ее дочери, и, так сказать, отца своего нового семейства. После очередных страстных объятий он задремал вслед за Настей, хотя надо было вернуться в свою постель, в общем, потерял бдительность, и проснулся от табачного дыма, казалось, кто-то курил ему прямо в лицо, открыл глаза и увидел перед собой Рену, в одной руке державшую сигаретку, в другой хрустальную пепельницу.

— Борис! — тихо сказала она. — Ну что мы теперь будем делать?

— В смысле, что? — встрепенулся Борис, посмотрел направо, на Настю, которая с виду крепко спала, мирно сопела. — Зачем ты здесь куришь? Вредно. Мешает спать!

— Так именно поэтому, — спокойно сказала Рена, — чтобы вас разбудить, преступников. Вы же преступники, я жертва! Ну, что ты скажешь?

— Что мне сказать?

— Ладно, я сама. Ты любишь мою дочь и через нее меня. А когда ты любишь меня, ты любишь ее как мое продолжение. Так, кажется? И еще. Наконец, ты обрел в своей жизни многослойную, глубокую, метафизическую жену! Так ты говорил Насте?

— Так она все тебе..!

— Да, ведь она моя дочь. Она мне все рассказала сразу после первой ночи. Но, заметь, как долго я терпела, целых две недели!

— И чего ж ты ждала?

— Как чего? Запрещать не было смысла, страсть — это ураган... Убивать тебя

пока еще рано, — усмехнулась она. — Значит, надо было внести в наши новые отношения некий порядок. Например, как мы теперь будем тебя называть? Кто ты нам теперь? Муж? Отец? Любовник? Или семейный инкуб?

— Семейный инкуб? Как смешно ты сказала! — оживился Борис. — Какая разница, как меня называть? Если ты имеешь в виду деньги, я буду зарабатывать еще больше. А потом, ты же знаешь, скоро Настя станет сотрудником нашей корпорации.

— Да, я знаю, но все это потом! — решительно отмахнулась Рена. — Надо менять все кардинально!

— Например? Может, подскажешь?

— Пожалуйста! Раз мы все теперь живем одной семьей, в нашем случае, в буквальном смысле слова, — говорила Рена, глядя прямо в глаза Борису, — то настала пора в нашей корпорации назвать все своими именами... Я становлюсь генеральным, чьи функции я собственно давно и выполняю. Катя, молодая, энергичная, талантливая, станет исполнительным, ты знаешь, она прекрасно с этим справится. А ты, конечно, почетным...

— Вот оно в чем дело! — изумился такому повороту Борис. — Значит, вы обо всем заранее условились?

— Кто — вы? Я с Настей?

— Получается, ты заранее все спланировала, — задумчиво продолжал он. — Подложила дочь под меня для решения глобальных задач.

— Что? Да как ты смеешь?!

— Сначала разрешила все женские проблемы. Снабдила дочь любовником, своим, проверенным, здоровым, не пришлым. А потом, хитрая, мудрая, просто стратег, задумалась о руководстве корпо...

И не успел Борис договорить, как тут же получил сокрушительный удар в висок, очевидно, пепельницей, после чего все потемнело у него в глазах, и он потерял сознание. А очнулся, когда за окном ярко светило солнце, а над ним хлопотали две знакомые ему женщины, да не просто знакомые, а родные, чужие, любимые, ненавистные, свирепые, ласковые, коварные, простодушные, желанные и отвратные, ангелы, бесы, менады, мойры, парки, и если он инкуб, то, значит, суккубы, — кто там еще? — в общем, Рена с Настей: голова у него уже была перевязана, и чувствовал он себя, конечно, не важно.

— Прости меня, милый! — то и дело приговаривала Рена, накладывая примочки ему на лицо. — Я девушка горячая, вот и не выдержала. Слишком обидные были слова! Тем более ты так плохо отозвался о Насте! — игриво закатывала она глаза.

— Боря, неужели это правда? — также игриво вторила ей Настя. — Немедленно расскажи, что ты обо мне сказал!

— Я... Я... — тянул Борис и от бессилия, физического и морального, которые он вдруг ощутил после удара, закрыл глаза.

— В общем, отлежишься, придешь в себя, — заключила Рена поставленным голосом, — потом возьмемся за бумаги, перепишем их на меня. Настя станет исполнительным, я генеральным, а ты, мой... милый-дорогой-любимый-единственный, станешь почетным. Почетным основателем легендарной корпорации «Голем»! Ура!

— Или, если проще, стану почетным големом! — тихо, сквозь зубы, сказал Борис, так и не открывая глаз, сложив руки на груди, словно он уже покойник.

— Ну, зачем ты так? — улыбнулась Рена и подмигнула Насте.

Ровно через неделю все так и сделали. Документы на фирму переписали на Рену, там же и заверили. Как раз в этот момент Борису и позвонила мать Аврора Максимовна, вышедшая от Риммы, искавшая у него помощи, смысла и подтверждения,

что ей надо жить на этой земле, а он был зол на все женское племя и человечество и так отчитал ее, что вот, не стало ее на земле. О, если б он знал тогда, какую совершал ошибку!

После переоформления документов Рена, Настя и Борис празднично отобедали в ресторане, затем женщины поехали на работу, а Борис пошел пешком домой. Теперь у тебя начинается новая счастливая жизнь, повторяла Рена в его голове, о которой ты всегда мечтал и даже тогда, когда только организовывал свою компанию! Ты только представь, сколько у тебя появилось свободного времени! Теперь ты займешься собой. А именно, бросишь курить, начнешь бегать по утрам, затем плавание, футбол по выходным, здоровая компания, охота, рыбалка, начнешь ездить по миру, путешествовать, о клиентах больше заботиться не надо: ну их в одно место! И наконец, Боренька дорогой, ты начнешь писать свои великие романы, посвятишь себя всецело творчеству! И свершится то, о чем ты так долго мечтал!

Да, это самое важное! — словно проснулся Борис, откликаясь на призывы Рены, сиречь Времени, выползая из своего долгого липкого вязкого сна, в котором пребывал много лет, так теперь все это воспринималось. И начал воплощать свои грандиозные планы в жизнь. Во-первых, он освободил письменный стол от разных деловых бумаг, положил на него пачку чистой бумаги, сверху ручку, которой любил писать, так начиналась работа над романом, правда, замысел пока был ему не совсем ясен. Но он знал главное, что будет писать о себе, о своей жизни, о том, как в лихие 90-е создавал свою корпорацию и что из этого вышло. И, конечно, он напишет о друзьях, подругах, о чиновниках, бандитах, просто злых и добрых людях, которых встречал на своем пути, о предательствах, об увлечениях и страстях, о настоящей мужской дружбе, он создаст целый мир, увлекательный, многоцветный и многослойный, под рабочим названием «Борис Кан: человек не Голем», и — да здравствует творчество!

Потом он купил себе необходимую экипировку для новой жизни: спортивную форму, несколько пар кроссовок, для бега и тенниса, одежду для охоты, рыбалки, конечно, удочки, ружья и прочие приспособления. Потом он созвонился со своими школьными и студенческим друзьями, узнал, кто, где и как и кто-то уже умер, увы-увы, а кто-то вовсю процветал. Так они стали потихоньку встречаться, играть по субботам в футбол, потом ездить на рыбалку, охоту, создавалась крепкая компания по общим интересам и, что важно, по общему прошлому. И уже спустя месяц Борис ликовал, он занимался только собой, душой и телом, бегал, плавал, качался, играл, обрел новых друзей, таких же здоровых позитивных парней, и как страшный сон вспоминал те далекие близкие времена, когда ему надо было каждый день здороваться за руку, а потом долго и муторно общаться с темными, потными, липкими и вообще всегда малоприятными клиентами.

Женщины же тем временем работали, вполне справлялись со своими обязанностями, Настя, как и ожидалось, легко влилась в коллектив, писала блистательные статьи для заказчиков и, начав управлять, управляла легко, ловко и мудро, несмотря на возраст, весьма прагматично, и мать была ею очень довольна. И тогда Борис, уже с легким сердцем оставляя дом, уезжал на несколько дней на охоту, на рыбалку, потом — дальше-больше — стал вообще путешествовать по всему миру, узнавая новые страны: Африку, сафари тур, Латинскую Америку, Перу, знаменитый Мачу-Пикчу, прочие чудесные диковинные места.

Однажды вернулся, кажется, с охоты, было поздно, женщины уже спали, он принял душ, поужинал, чуть посмотрел телевизор и потом, постояв, скорей ритуально, между двумя спальнями в коридоре, как ему в этом доме, верно, и положено, нырнул-таки к Насте, сладостно залез к ней под одеяло, обнимая ее совершенное тело.

— Ах, наш семейный инкуб вернулся… — пробормотала сонная Настя, повернулась на другой бок, к нему спиной, и захрапела.

А Борис, вдруг пораженный услышанным, изменился в лице, погрустнел, задумался, пошел обратно на кухню, налил себе коньяку и выпил. Так что же его так сильно расстроило? Конечно, Рена раньше уже называла его семейным инкубом, и это показалось смешным, даже остроумным, но сейчас, услышав такое из уст Насти, он воспринял как оскорбление. Получалось, это небезобидное сравнение превращало его, сильного, умного, энергичного, страстного, наконец, мужчину в этакого органического, электрического, или даже механического любовника, то есть в робота, голема со своей единственной, весьма заурядной функцией.

Ему стало так обидно, что он выпил всю бутылку до конца, до самого донышка, и с тех пор впал в тихое беспробудное пьянство. А именно, сказавшись больным, он запирался в своей комнате, выходил только тогда, когда женщины уходили на работу, всегда с головной болью, поэтому он срочно опохмелялся, после звонил друзьям, не тем бодрым, здоровым, которые занимались с ним спортом, а из другого лагеря, кто любил выпить, хотя, конечно, между ними бывали и перебежчики. Затем встречался, опять сидел с ними в баре, играл в преферанс, бильярд или боулинг, вечером непременно пирушка с дамами легкого поведения, но они его пока не интересовали. К ночи он приходил, притаскивался изрядно навеселе, шел качаясь по коридору, распевая фривольные песенки, ритуально останавливался там, где всегда, на своем посту, между женскими спальнями, и вдруг с вызовом восклицал: «Дамочки, ваш инкуб пришел! Или убейте, или используйте по назначению!» Женщины за дверьми молчали, поскольку не знали пока, что с этим делать, а Борис, ерничая, показывая им-себе-кому угодно неприличные жесты, шел дальше. И опять запирался в комнате, допивал, что принес с собой, читал наизусть любимые стихи, слушал музыку, мечтал о добрых прекрасных людях, в том числе и о женщинах, бросал взгляд на свой письменный стол с так и нетронутой пачкой чистой бумаги и плакал от творческого бессилия, даже рыдал. Он понимал, что по одному, даже большому желанию роман не напишешь, в литературу просто так не войдешь, тем более, если ты однажды из нее по каким-то причинам вышел, ибо она, великая женщина, никому измен не прощает, требуя от тебя одного служения. И потому Борис засыпал, а что ему еще оставалось делать, и видел сны, в которых, собственно, и жил, про свое прошлое, настоящее и будущее. И если с прошлым, настоящим все было более или менее понятно, то сон о будущем был у него только один, без вариантов, мрачный и, верно, пророческий, он всегда преследовал его как наваждение, и Борис ничего не мог с этим поделать.

А именно ему снилось, что вот настало время, и Настя забеременела. Конечно, вопрос: от кого? Не от тебя, успокаивала его Рена, а от студента-однокурсника, красив, высок и статен, но, как водится, дурак дураком. И вот Борис в очередной раз возвращается с охоты или рыбалки, из увлекательного путешествия, не важно, и встречает в доме счастливую Настю. «Ну что?» Что? «Где твой живот?» Как где, папочка? Я родила! «Кого?» Дочку! «Дочку?!» Борис замирает, он так и думал, что Настя родит именно девочку. Потом проходит еще какое-то время, и с годами, вот чудеса, Борис совсем не стареет, а все так же бодр, молод, вечный плейбой, все так же хорош собой, занимается спортом. А Рена, увы-увы, уже старая больная женщина, морщины и складки, в глазах скорбь и обида на него, на Настю, на весь мир. А он все путешествует, вечно в движении, вот панацея от всех бед, рыбалка, охота, сафари, грандиозные восхождения на Эверест или Мачу-Пикчу. Возвращается и видит перемены, нашу Аленушку, так ее, красавицу, назвали, как быстро она растет. Да кто она ему? — опять задается вопросом Борис, любуясь белокурой и синеглазой, — внучка или все-таки дочка? Господи, скажи! — Я же сказала, она не твоя, в который раз успокаивает его Рена, или Бог в лице

этой старухи, и Борис с тяжелым сердцем опять уезжает, а может, на самом деле от нее, внучки-дочки-и... он и убегает?

И вот однажды после очередного увлекательного путешествия он встречает девушку Алену, с прекрасными формами, 16 лет. Уже? Как быстро время пролетело! Издали ею любуется. И как-то вечером приходит домой, в доме пусто, все подозрительно разбежались по комнатам, он ужинает в одиночестве на кухне, потом идет по коридору к себе, и слышит, как за дверью Алены раздается хохот, какие-то звонкие шлепки. Он на мгновение замирает, что-то мучительное для себя решая, затем тихо отворяет дверь и видит Алену с подругой, они лежат на кровати, что-то вспоминая, хохочут, дрыгают ногами, щекочут друг друга, шлепают по телесам. Первой его замечает Алена. — Боренька, — так она его называла, — дорогой, родной, заходи! Вот познакомься, это Кристина, моя подружка! А это, — направляет на него ладонь Алена, — наш семейный инкуб! «Что? Как ты сказала?» Но Борис уже не обижается, он устал обижаться.

— А теперь иди к нам! — зовет его Алена, затягивает его на кровать, толкает, он падает. — Я так по тебе соскучилась! Начинает его щекотать, целовать, он сопротивляется, но ему приятно, терпит, терпит, себя, свою плоть укрощает, обуздывает, но все-таки она его соблазняет, о, ужас, значит, это случилось, и пока он не сбежал, на ее место ложится подруга, подбадриваемая Аленой. А потом, после всего с ним содеянного, они опять меняются местами. О, Боже, помоги! Откуда в этой юной головке столько порока? — Дурная наследственность! Вся в тебя! — говорит кто-то скрипучим Рениным голосом, словно кукушка выскочила из невидимых старинных часов и опять заткнулась. Ужас, надо сбегать отсюда, думает истерзанный Борис, вот попал я в самое логово!

И дождавшись, когда юные вакханки-менады-фиады наконец засыпают, он на цыпочках выходит из комнаты, добирается до своей, запирается на замок, плюхается в постель, засыпает с желанием никогда более не просыпаться. Но наутро ему надо отвезти, его заранее попросили, старуху Рену, свою бывшую жену, и Настю, свою падчерицу и бывшую любовницу, в оздоровительный санаторий на три дня. И он отвозит, при этом мало что в машине говорит, чтобы чем-то себя не выдать, свой грех, очередное кровосмешение, но им, женщинам, все равно, они даже его не видят, то есть смотрят, но как-то сквозь, говоря о чем-то своем, женском, верно, к нему совсем привыкли. Ну и ладно, даже с некоторой обидой думает Борис, возвращаясь домой, просто они уже старые. Приезжает и входит в дом, и вдруг видит молодых, о, ужас, выстроившихся в линию, в одном нижнем белье, Алену с Кристиной и еще пять очаровательных, длинноногих, разных мастей красоток.

«Папочка-дедушка, наконец, мы свободны! — торжественно объявляет Алена, взмахивая руками. — А это, познакомься, мои подружки, которые просто жаждут встречи с тобой, потому что у них никакого сексуального опыта еще не было! Ибо они слишком молоды. Но им же надо когда-то начинать, вот они меня и попросили. А я не стала им отказывать, зная, ты им тоже не откажешь! Не правда ли, наш любимый семейный инкуб? Итак, девочки, — повернулась она к подружкам лицом — у нас есть два дня вместе с этим, неполным, на встречи с Боренькой. Распределитесь, кто, когда и за кем! Боренька, ты куда?»

— Я сейчас, сейчас — забормотал Боренька. — Куплю сигареты и вернусь!

И побежал вниз по ступенькам, вон со двора, открыл калитку и вниз по улице, вымощенной булыжником, как бы ногу не подвернуть, а то ведь поймают, и действительно, они, тигрицы, точнее, пантерки, за ним уже бежали, группками, по две, по три, а он вниз, вниз, при этом охранительно и охренительно, извините, или волшебно сокращаясь в размерах, превращаясь в карлика, потом даже в колобка. Прыг-скок! Закатился в магазин, что на углу, и своим писклявым голосом:

«Помогите! Помогите!» Что случилось? — женщина за стойкой даже очки сняла, сразу не разглядела. «За мною гонятся! Вакханки, менады, бассариды!» Чего-чего? Ладно, закатывайтесь! И он закатился прямо под ноги доброй женщине и затих. И тут же в магазин вбежали, топот, топот кобылиц. «Вы не видели здесь мужчину? Ну такого мачо статного!» Ну, как видите, ни мачо, ни хреначо! — пугая пошлостью, хохотнула кассирша, и голос ее показался Борису очень знакомым. И опять топот, только на удаление. Все! — прошептала спасительница. — Вылезайте, точнее выкатывайтесь. И Борис выкатился и, вновь обретая достоинство, стал расти, возвращаясь в размерах, наконец выпрямился во весь рост, протянул руку порядочной женщине, взглянул впервые на нее и остолбенел.

— Римма, ты что здесь делаешь? Ты же в банке всегда работала?

— А теперь за кассой, — хохотнула Римма. — Это же одно и то же!

И на этом месте Борис всегда просыпался, в очередной раз думая, что бы это значило: появление в роли спасительницы Риммы? Вот всем вопросам вопрос. Думал, думал и однажды, преодолевая себя, собственную гордость, эгоизм, решил позвонить бывшей жене, пожелав с ней встретиться.

ДОМАШНЯЯ ГЕТЕРА

А Римма тем временем также переживала не самые лучшие свои времена. И если по порядку, то стала жить она со своим одноклассником Андасом Маутовичем Андриевским, а когда надо, для выгоды, Мырзабековым. Переехала к нему в дом, старалась во всем ему подчиняться как жена восточного человека, да, собственно, и сама была восточная, с татарской кровью, соблюдала чистоту и порядок в доме, правда, на это были служанки, ходила на работу, возвращалась, а он работал часто и дома, и это ее устраивало, никто друг другу не мешал. Но вот насчет супружеских обязанностей, это ее, признаться, утомляло, спать с нелюбимым телом было тяжело, мучительно и отвратительно, как бы она его ум и душу ни обожала, и потому, когда в доме потребовалась новая кандидатура начальника гаража, она предложила, ничтоже сумняшеся, своего старого любовника Антона.

То есть монотонной жизни с Андасом она не выдержала. Никто, конечно, в ответ на ее предложение не возражал. И тогда под видимой, формальной, увы, положенной для нее жизнью, как всегда учила ее ненавистная мать, недавно, полгода назад, кстати, почившая, появилась, как подо льдом вода, новая жизнь, вечно живая, которая текла, искрилась и бурлила. Каждую ночь, когда Андас, весь полный новых идей и проектов по улучшению информационной безопасности в мире, — и на кой она была нужна, иногда думала Римма, ведь главная информация в этом мире из века в век, только одна: «я люблю тебя! я тебя люблю!» — отходил ко сну, Римма под видом срочной ночной работы, она ведь тоже много работала, спускалась к себе, на первый этаж. А на самом деле в подвал, туда, где был гараж и где была обустроена комната для начальника гаража, небольшая, аккуратная и чистая, с огромной кроватью посередине, это она постаралась, и входила в это чудесное пристанище, лучшее место на земле для нее, и игривым голосом вопрошала: «О, где же Голем Моей Любви?» То ли по старой памяти так дразня мужа Бориса, для которого это слово, понятие, как известно, было очень важным, то ли над собой подтрунивая, над своим полым существованием, ведь кто она была, как не голем — социальных стандартов, соответствия, благополучия. А вот же я! — выскакивал из-под земли Антон, раб или голем ее любви, а точнее, из-под кровати, такая у них была игра, и наконец заключал ее в свои страстные объятия.

Так прошло два месяца ее новой жизни, точнее, новой и старой жизни со скучным интеллектуальным Андасом и не менее скучным, тупым и гламурным качком Антоном, который удовлетворял ее физически, из-за чего она его и терпела.

И вот однажды Римма, опять под видом срочной ночной работы, спустилась в подвал, вошла в комнату, произнесла положенное, и вдруг из-под земли вырос Андас — с пеной у рта, с выпученными азиатскими глазами и большим еврейским носом. И с криком «Вот ты какая, тварь!», набросился на нее, повалил на кровать и стал — что бы вы думали, делать? — конечно, душить. И душил он ее как-то страстно, вдохновенно, с упоением, как истинный — ты слышишь Катя? — Отелло, и Римма, из последних сил, хрипя, все же сильными ногами, в прошлом пловчихи, оттолкнула его таки к стене. И первое, что она спросила, держась за горло, приходя в себя, — что ты сделал с Антоном? А он, в свою очередь, отдышавшись, ведь сколько сил он потратил на нее, сначала любил, потом чуть не убил, сказал: «Ничего. Я просто его попросил. А вот мы с тобой должны сейчас все решить... Итак! Я все-таки азиат, пусть и наполовину. И потому я требую от тебя полного подчинения, ты должна стать настоящей восточной женой, ни в чем мне не перечить, во всем меня ублажать, ценить, хотя бы уважать, если полюбить не получится, и я отписываю тебе половину бизнеса, ты становишься учредителем нашей компании, в общем, тебе, Римма, все блага. А если нет, если ты, как волк в лес, все будешь смотреть налево, заводить себе любовников, то ничего у нас не получится, как ты понимаешь, так что хорошенько подумай!»

И Римма стала думать, пока вела себя прилично, ходила с Андасом в театр, на выставки, в кино, знакомилась с его очередными друзьями, а дома во всем его слушалась, подчинялась, но оказалось, что долго притворяться ей было мучительно, невыносимо, безобразно и вообще вредно для здоровья. И только Андас уехал в командировку на неделю, как она завернула в свою квартиру, давно там не была, чтобы прибраться, а когда прибралась, позвонила — сама того не хотела, пальцы сами набрали! — своему изгнанному любовнику. Они встретились, соединились, она даже почувствовала, что соскучилась по нему, и пока она нежилась в постели, он, бродя, нагой, по квартире, обнаружил в спальне Риммы, на трюмо, встроенную микрокамеру, и ужаснулся: «Смотри, Римма! Неужели это он!» У Риммы испортилось настроение и, когда Антон ушел, а точнее убежал, теперь над ними висела тень грозного мужа с подручными бандитами, она стала думать, как же ей жить дальше.

Затем, наконец, собравшись с силами, она позвонила Андасу, гневно сообщила ему, что при уборке в своей квартире она обнаружила тайную видеокамеру, понятно, чьих это рук дело, и если он так ей не доверяет, то к чему тогда весь их уговор, их отношения, в сущности, он подорвал своим дрянным поступком ее доверие, и теперь... многоуважаемый господин Мерза Беков, мне надо всерьез обо всем подумать, стоит ли продолжать наши отношения дальше, и потому я пока поживу дома. Он, — вот же хамелеон! — на этот раз тихий еврейский мальчик Андриевский, не возражал и молча отпустил ее. Затем она позвонила на работу, взяла отпуск на неделю по личным обстоятельствам, и вот, свободная, предоставленная сама себе, по этому поводу выпила виски из своего бара и с этого бокала — ты слышишь, Борис, муж и жена одна сатана! — впала в тихое пьянство. Ибо после пила и виски, и текилу, и джин с тоником, и просто водку, коньяк и даже дешевое вино, и поскольку реальность была коварна, неприглядна, отвратна и омерзительна, она все чаще погружалась в сон, — ты слышишь, Борис? — один фантастический сон, который преследовал ее как наваждение.

Ей снилось, как она, замужняя, приводит к себе в квартиру мужчину, сначала «а поговорить», ля-ля-фа-фа, затем все происходит, любовник уходит, и она начинает чувствовать на себе чей-то взгляд, причем по каким-то своим ощущениям она чувствовала его еще и раньше, когда был с ней рядом партнер. Тогда она начинает искать эти глаза, а точнее, этого соглядатая, везде, рыщет по всем углам, заглядывает за шкаф, под стол, под кровать, где измена, собственно, происходи-

ла, никого, опять ищет по всей квартире, тихо сходя с ума, на минутку присаживается на свою кровать и вдруг чувствует, что она, кровать, какая-то совсем другая, живая, что ли, вся дрожит, словно вот-вот взорвется. Она оглядывается по сторонам и вдруг видит, о, ужас, как на деревянной спинке кровати проявляется мужское лицо, причем выпукло, мужа, в данном случае Андаса, гневно обращенное к ней, а ножки кровати — это его руки и ноги, которые, вдруг вывернувшись наизнанку, хватают ее, заключают в свои тиски, уже четырьмя своими лапами, щупальцами, сжимают, душат, вцепляясь в шею, в общем, Отелло-кровать, и она умирает. И просыпается.

А был и другой сон, то есть начало и сюжет все те же, но тянет ее уже в поисках мужа-соглядатая именно к холодильнику, который дрожит, словно вот-вот взорвется. Наконец, отважившись, она открывает дверцу, и холодильник, а точнее муж-холодильник, втягивает ее пылесосом в себя, захлопывает дверцу, и вот она, бедная, издыхает, уже как замороженная курица. А была еще стиральная машина, понятно, с еще более ужасным исходом, и инфернальный шкаф как вход в потусторонний мир, и пляшущий балкон, сбрасывавший неверную с девятого этажа, и много еще самых разных ужастиков. Но все это было лишь преддверием, прологом к самому жуткому сну, которого Римма не терпела больше всего, и может, поэтому он ее все чаще и чаще преследовал. А именно в комнату неожиданно входит сам Андас Маутович, уже напрямик, не подглядывая, собственной персоной. Открывает настежь дверь, и вваливается куча народа, с гитарами, ящиками с шампанским, в общем, весь праздничный набор. Андас просит слова и торжественно говорит, показывая на Римму, только вставшую с постели, ибо утро еще. — Вот, познакомьтесь, это моя в прошлом жена, говорит он, а сейчас она, судя по моим наблюдениям, надомная проститутка! «Что? Да как ты смеешь так меня называть!» — возмущается Римма, сидя перед всеми в одном халатике на голое тело. — Ну хорошо, — смягчается муж, — тогда ты будешь домашней гетерой! «Ну, это уж куда ни шло!» — почему-то соглашается Римма со сменой формулировки. А тот, словно только и ждал ее согласия, провозглашает: «А теперь, друзья, пользуйтесь ею, веселитесь, сколько угодно, только поочередно, групповухи я здесь не потерплю! В общем, приятного вам отдыха!..»

И далее начинается обыкновенный для Риммы прием клиентов, это, в сущности, как в прежних снах, только не надо теперь остерегаться, искать невидимого соглядатая, от ужаса представляя его то в виде кровати, то холодильника, то пляшущего балкона. Она спокойно принимает каждого, никому не отказывая, лишь бы боли не причинял, свое получившие отходят в угол, там у них столик, сидят, выпивают, закусывают, бренчат на гитаре, рассказывают анекдоты, делятся друг с другом впечатлениями, как их гетера хороша. И так проходит день, вечер, наступает ночь, Римма просит сделать перерыв, ведь она, простите за пошлость, не резиновая, но они уже сами спят, и сколько их всего-то, пытается сосчитать она, но никак у нее не получается, словно они на глазах множатся или размножаются, вот в чем месть изувера Андаса, он привел с собой семерых гостей, она помнила, он еще воскликнул «великолепная семерка!», а на самом деле их оказалось, неизвестно сколько.

Тогда она начинает искать выход; если в прежних снах она упорно, даже неистово искала мужа-соглядатая во всех предметах, окружавших ее, то теперь она с тем же упорством ищет выход, надо скорей отсюда бежать, пока эта орда не проснулась и своими вторжениями не истерла ее в пыль! Она нервно ходит по периметру комнаты, перешагивая через спящие тела, и никак не может найти выход, просто щель от двери. Прошла по периметру комнаты уже несколько раз. «Вот извращенец хитрожопый! — догадывается она. — Он специально устроил мне ад на земле. Подумал, верно, раз ты так любишь мужчин, то я запру тебя в герметич-

ном пространстве с этими самыми фаллосами, и посмотрим, как ты, гетера, после запоешь!»

Тогда она начинает думать, искать решение, и вдруг приходит мысль, а может, дверь вообще не заперта, раз она не может найти ее изнутри? В смысле, с той самой внешней стороны, ибо в этом нет никакой надобности! И значит, думает она дальше, надо просто кого-то попросить открыть ее извне! И взгляд ее спасительно падает на телефонный список коммунальных служб, что лежит под стеклом у телефона. Она находит номер аварийной, ибо сейчас всего лишь шесть часов утра, и набирает с замирающим сердцем, хоть бы кто-то ответил! И ей отвечают, сонный голос, тогда она, тихо ликуя, вызывает сантехника, первое, что приходит на ум. И ждет. И поскольку это сон, он тут же приходит, то есть дверь открывается, и солнечный свет проливается вовнутрь. И входит некто, большой и статный, лица против света не видно. И она подбегает к нему.

— Здравствуйте, дорогой сантехник!

— Привет! И где у вас протечка?

— Протечка давно в головах людей! И в душах, конечно! Сейчас я вам все объясню!

И она ему все объясняет, и он, великодушный, много слов не говорит, берет ее за руку и выводит из сумерек наружу. На свет, наконец-то, на Божий свет! Тут Римма бросается его благодарить, обнимает даже, и видит, что это... ее бывший муж.

— Боренька, ты что здесь делаешь? — удивлению ее нет предела. — Ты же раньше рекламировал плохих людей. То есть делал из говна конфетку.

— А теперь здесь. Сантехником. Опять с говном... По сути, это одно и то же!

И они хохочут смехом здоровых людей, и на этом светлом месте Римма всегда просыпалась. Вот и на этот раз проснулась и вдруг впервые поняла, что означал сей неожиданный финал, получалось, вещего сна для нее. Она поняла, что именно в Борисе заключается спасение, что надо во что бы то ни стало вернуться к нему, а для начала встретиться, просто поговорить, а еще для начала позвонить. И вот она впервые за столько времени набрала его номер, но у него было занято. Черт! Она не знала, что как раз в этот момент Борис звонил ей, Римме, и вот только она отключила трубку, как раздался звонок. Алло. Боря? Боря, это ты?! Как хорошо, что ты позвонил! А ты знаешь, что как раз сейчас я звонила тебе!

И они стали говорить, обменялись новостями, формально, ибо это не главное, а главное то, что они оба, оказывается, друг по другу так соскучились, что пересмотрели всю свою прошлую жизнь, что сделали выводы, и может, настала пора, вопреки всем потерям, им встретиться и решить, а точнее, подумать, как бы им снова зажить вместе, ради их общей дочери Катечки, ради ушедшей бабушки, в память о сыне Антонушке, ради общего прошлого, ради всего святого для них на этой грешной земле.

ВЕК СЕМЬИ

Итак, встречу назначили в Катином доме, и Катя к этой встрече стала готовиться, морально, эмоционально, ведь она, как бы странно это ни звучало, не встречалась с родителями очень давно, чтоб они были вместе, в паре. Последний раз это было около года назад, когда бабушка праздновала свое 75-летие, когда все еще были вместе, Антон и Катя, папа и мама, хотя, конечно, они уже тогда жили раздельно, каждый своей личной жизнью, но Катя еще надеялась, верила, что все перемелется, что они оба, отъявленные эгоисты, все-таки сойдутся, если не сразу, то со временем. И значит, эта встреча, неожиданная, которая, кстати, и в этой повести произойдет впервые, причем под самое ее завершение, должна была по-

ложить конец их разлуке, разладу и непониманию. И Катя даже молилась Богу, своему или бабушкиному, или Антона, если у него был бог, чтобы после этой встречи все изменилось самым разительным образом, чтобы отец и мать вновь стали жить вместе, да, уже неполной семьей, да, уже потеряв по своей вине и сына, и бабушку, значит, тем более — стали бы жить за всех ушедших близких, в память об идеальной семье, о том, какая она могла бы быть, если бы они были лучше, чище, умнее, в память о том Золотом Веке Семьи, о котором она всегда мечтала, когда все вместе, когда все нежно любят друг друга, когда нуждаются, когда жить друг без друга не могут!

А в день встречи с раннего утра Катя стала хлопотать, приготовила пирог, сварила компот, целую кастрюлю, взялась за салатики, закуски, все по рецептам бабушки, этот день, так решила она, будет вообще посвящен памяти бабушки, и к обеду все было готово, она стала ждать, глядя на часы, родители скоро придут. И они пришли аккуратно, к четырем пополудни, как договаривались, причем нарядные, словно на первое свидание: Борис, подтянутый, в синем костюме, который ему очень шел, и мама, Римма, в бежевом стильном платье, под цвет ее зеленых глаз. Вошли в гостиную, присели.

— Ну, что, дорогие мои, сегодня особенный день, — начала деловито Римма, словно собираясь вести научную конференцию, — день долгожданной встречи, столь важной для всех, и потому я предлагаю говорить только правду. Одну только правду!

— Непременно! А как же еще? — крякнул от удовольствия Борис, правда, не ясно было, чему он радовался, но Катя вслед за ним улыбнулась.

— Посему, Боренька, — продолжила Римма, — я хотела бы узнать о причинах твоего желания встретиться, а потом я расскажу о своих.

— Ну что ж, если говорить по существу, — сдержанно отвечал Борис, — то наши отношения с Реной просто изжили себя. То есть сначала были деловые, вы знаете, потом появилась какая-то симпатия, взаимная, мы привыкали друг к другу, потом стали жить, была какая-то даже влюбленность и благодарность за крепкое плечо... Но после быт, деньги, чувства испарялись и растворялись, и опять мы пришли только к деловым отношениям, круг замкнулся... То есть мы попытались быть вместе, но ничего у нас не вышло. Вот так, — сказал Борис и впервые за время рассказа посмотрел на Римму, предлагая продолжить.

— А я попыталась, — легко подхватила Римма, — установить отношения с одним одноклассником, знаменитым айтишником, чья компания обслуживала наш банк... Через него мы, собственно, и встретились, и вот стали вспоминать общее прошлое, общаться, даже прониклись симпатиями, и хотя, как он утверждал, все эти годы он думал обо мне, но вот я не смогла, Боря, слишком мы оказались взрослыми, каждый со своими правилами и привычками, которые зачастую непреодолимы, а порой просто невыносимы...

Катя сидела между ними, словно судья, и, честно говоря, поскольку она хорошо знала своих родителей, она не верила ни единому их слову, и эта ложь ее сильно огорчала, поэтому она совсем опустила глаза — в пол, боясь дать им понять, что совсем им не верит. Но тут она почувствовала укол или укус в висок, она подняла глаза и увидела мать — как пристально глядела та на нее, уже понимая через свою дочь всю их родительскую фальшь и неправду. И тогда Римма сказала: «Знаешь, что, Борис, мы сейчас с тобой такую лажу несем! Неужели ты не понимаешь? Даже дочь нам не верит, вся красная от стыда! Хочешь, я расскажу про тебя всю правду?»

Борис с раздражением посмотрел на нее.

— Сейчас, когда я ехала на встречу, мне позвонила Рена. Твоя Рена! Которая, как бы возрадовавшись нашему вероятному воссоединению, промежду прочим мне

сообщила о... твоих близких отношениях с Настей, ее дочерью, из-за чего у вас, собственно, и вышел скандал! Ничего не хочешь мне рассказать про это?

Наступила пауза, Катя деликатно встала и вышла на кухню, села за стол, и все происходившее далее за стенкой было ей хорошо слышно.

— Ладно, я тебе все расскажу про Настю. Действительно, чего там таить? — нервно заговорил Борис. — Да, у меня была с Настей связь. Я влюбился в нее! Она такое чистое, нежное, прекрасное существо, одно прикосновение к которому уже счастье! Потом об этом узнала Рена. Не могла не узнать, ибо дочь обо всем тут же сообщала ей. Был скандал. Вот и все. Я просто хотел вновь или опять...

— Поменять судьбу? — вставила Римма, хорошо знавшая своего мужа.

— Да, и через эту запретную связь тоже. У всех свои неодолимые комплексы, раны, которые преследуют нас всю жизнь. Да, я всегда хотел изменить свою судьбу — инородца, сына лишенцев! А ты, Римма, вечно затыкала свои и мамашины дыры, свое вечно дырявое небо... Ведь ты тоже, скажи сейчас честно, верность своему новому другу совсем не хранила?

— Да, не хранила! — сказала легко и просто Римма. — На протяжении недолгой жизни с Андасом у меня был любовник. А с ним у меня физически не получалось. Я же в этом не виновата! А когда он об этом узнал, он устроил скандал!

— Да уж, твои любовники — это отдельная тема! Они были и при мне, и будут, вероятно, всегда. Это твое неотъемлемое, не правда ли?

— Правда, правда! Но знаешь ли ты, кто виноват, извините, в моем поведении?

— Кто?

— Ты!

— Опять я?!

— Сейчас тебе расскажу, а точнее напомню. 25 лет тому назад. Карманов. Тот самый первый инвестор, который дал тебе денег на открытие агентства «Голем». Перед выездом в США, на ПМЖ, ему негде было жить, поскольку он продал все свои квартиры. И ты пригласил его погостить у нас перед отъездом. Три дня...

— И что? — смотрел на нее Борис, уже предчувствуя самое худшее.

— А то, что за эти три дня он успел совратить меня. Видимо, полагая, что раз он подарил тебе агентство, то имеет право на все.

Катя сидела на кухне и тихо плакала.

— А ты делал вид, что ничего не происходит!

— Да я действительно ничего не знал!

— Не ври! Ты все знал. Ты всегда все знаешь прекрасно! И раз допустил, то, значит, тебе это было нужно. А если кого и винить, идя до конца, то это, конечно, мою благопристойную матушку! Которая всю жизнь меня учила... ради этого проклятого благополучия, социального соответствия, все терпеть, на все соглашаться, все допускать, в том числе и супружеские измены! Так что, дорогой Боренька, я сама во всем виновата! Баба не захочет, ничего у мужика не получится... Но тебя, Борис, я виню в совсем другом! — продолжала Римма, вся уже гневная, и ее невозможно было остановить. — В гибели Антона!

— Бог ты мой! — воскликнул изумленный Борис. — А здесь-то я в чем виноват?

— Как любой молодой человек, Антон искал свое призвание, куда идти, чем заняться, как двигаться, а ты ничего ему не давал, прятался, как всегда, за своими клиентами, хотя именно ты, отец, — а я просто баба, мать! — который должен был указать ему путь к истине! И потому он попал, совсем потерявшись, в этот поганый театр, к этим развратным вонючим бабам, которые его собственно и убили, так пошло и подло, руками обманутого мужа, сошедшего с ума от женской неверности... О, бедный мой мальчик! — воскликнула Римма, потрясая руками, и опять бросилась в атаку, сама верно от себя не ожидая такого пыла. — И увидев,

что ты, Борис, ничего не можешь дать своему сыну, что ты, собственно, предал его, совершенно бездарный отец, я стала мстить тебе, как только и может мстить женщина мужу, изменяя ему не только с произвольными любовниками, но и с его друзьями, коллегами, очень хорошо известными тебе!

— Что?

— Тебе назвать имена?.. Пожалуйста! Тима, Сергей, Брюно...

— Ах ты, сука!

Далее случилось невообразимое, Борис вскочил и, круша все на своем пути, набросился на Римму, повалил ее на пол, стал душить... О, Боже, неужели все у мужчин и женщин заканчивается одним и тем же действием? Катя вбежала, пыталась оттащить отца от хрипевшей матери, но ничего не помогало. Тогда она подбежала к огромному аквариуму с золотыми и красными рыбками, стоявшему на высоком столике и сбросила его вниз. Раздался страшный грохот, брызги, осколки, несчастные рыбки разлетались в разные стороны, Борис, весь мокрый, в кораллах и водорослях, наконец, оторвал руки от жены. Римма, лежа на полу, еле дышала, а Катя, рыдая, выбежала вон. Через несколько минут полного молчания раздался нервный хохот отца.

— Классика! Старик и старуха. У разбитого корыта. И куча золотых рыбок кругом... Как смешно! И в каком ужасе мы живем! — говорил он, скорее сам себе, а может, и родным, а может, одному своему Богу. — Да, я стал спать с Настей, дочерью Рены. Молодой, красивой, сказочной, сладкой и нежной... Но почему? Потому что всю жизнь мечтал — все правильно, Римма — изменить свою судьбу. Точнее, снять с себя смирительную рубаху своей родовой судьбы! Перестать быть «лишенцем», «инородцем», как меня постоянно называли в детстве, стать первым, лучшим во всем, в школе, в спорте, в институте и личной жизни. Потом неожиданно стал писать, бросил свое инженерство, хотел написать жизнь своей семьи, хронику своего рода, диаспоры, и именно так окончательно преодолеть нашу инородческую судьбу! В общем, я хотел стать великим писателем. Но не вышло! Опять не вышло... Правильно, Римма! Я предал сначала себя, а потом Антона... А ты все боролась со своими дырами. Затыкала их любовниками, как бинтами и тампонами, и у тебя уже сформировалось такое прагматичное отношение к людям, как... к подкладкам, компрессам. И виновата в этом только твоя мать. А в моей беде — моя мать, мой дедушка. И так из поколения в поколение, теперь мы передаем детям свои болезни и скорбь, свои раны и дыры. И вот Антона уже нет, он «смылся», он не захотел жить в такой эстафете. А Катя еще здесь, сейчас сидит на кухне и горько плачет. И если у нее когда-нибудь будут дети, то и она передаст им свое отчаяние от этой жизни, свои страхи и скорбь. И так продолжится наша дурная бесконечность!

— Да, это уж точно дурная! — наконец хрипло откликнулась Римма, все еще лежавшая на полу, потирая себе горло. — Кстати, насчет дурной бесконечности, меня душат уже второй раз за месяц! Что ж вы, мужики, такие однообразные? Ничего другого придумать не можете? Вахлаки, лесорубы... Катя, принеси что-нибудь попить, а то в горле пересохло! Ты, кажется, говорила, что сварила компот по бабушкиному рецепту!

— Катя, и мне! — попросил отец. — Очень было жарко! Сейчас выпьем компотику и разбежимся в разные стороны!

— Да, Борис! И больше никогда с тобой не увидимся. Нет смысла! А я шла сюда, еще во что-то верила...

— Да и я тоже...

Катя замерла, сидела за кухонным столом и думала, что же ей сейчас делать. Что?!

— Катя, ты слышишь, принеси попить! Или нам самим прийти? — крикнул снова отец.

— Сейчас, сейчас! — наконец откликнулась Катя. Вскочила, достала два глубоких бокала, налила туда из кастрюли компот и опять замерла. Она вдруг подумала, что родители сейчас утолят жажду и уйдут, и все, конец ее семье, конец ее любви и мечте. И будут они ходить по земле, предавшие свою любовь, свою семью и детей. И как же тогда она будет на них смотреть, встречая? С ненавистью? С горечью? С презрением? А?.. Подскажи, Катя-2! А сойтись обратно они не смогут. Нет смысла, сказала мать. Неужели я все так оставлю? — подумала Катя и даже присела от боли, пронзившей ее сердце, на корточки. И тут она вспомнила слова актера, в костюме Голема, там, в глубине, в трубе порока, оказавшегося таким добрым другом для нее. Спасительные слова!

ПРЕДАВШИЕ СВОЮ ЛЮБОВЬ НЕ ИМЕЮТ ПРАВА ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ!

Да, правильно, наконец ожила Катя, не имеют права! И приняв решение, она достала бутылочку с ядом из ящика, открыла, зажав нос пальцами, бухнула содержимое в два полных бокала... «Катя, ну ты идешь?» — «Иду, иду!» Дрожащей рукой перемешала, затем выпрямилась, постояла несколько секунд и понесла.

Принесла, отдала каждому, глядя прямо в глаза, тут же вышла. Села за кухонный стол и, слыша, как родители жадно пьют, заткнула уши ладонями и зажмурилась. И увидела в себе ночь, звездное небо, по которому, как странно, летели бабушка, полковник, Антон, а вдали, неуклюже размахивая руками, мама и папа, словно только учились летать. А она не могла лететь с ними, что-то держало ее за ногу, какая-то невидимая крепкая нить, вот дернула ногой и никак. И тогда она позвала на помощь, к ней подлетел Антон, и вместо того, чтобы помочь ей отвязать ногу, он сказал: «Катя, открой глаза!» — Они и так открыты, — удивленно ответила Катя. «Еще раз открой! Попытайся!» И она зажмурилась и открыла глаза, и увидела перед собой Антона, бледного, стоявшего в дверном проеме. Неизвестно сколько времени прошло, но в квартире стояла мертвая тишина. Тогда Катя тихо спросила: «Ну, что там?»

— Натюрморт... С дохлыми рыбами и людьми, — тяжело вздохнул Антон, опуская глаза.

И вошел на кухню, а за ним сразу же бабушка, ведя за руку полковника, словно они стояли все это время в темноте за внуком и ждали, когда их позовут.

— Присядьте, подождем, — сказала им Катя; Антон сел за кухонный стол с ее стороны, полковник с бабушкой с другой.

— И сколько надо ждать, когда они покинут тела? — спросил Антон, нарушая долгое молчание.

— Всегда по-разному, — сказала мудрая бабушка. — Это зависит от того, ждут ли их на этой земле?

— Это как?

— А вот так. Когда тебя похоронили по-человечески, мы с Катей тебя очень ждали. И поэтому ты быстро к нам вернулся. Потом я... Катя сильно ждала, я тоже быстро. Теперь мы ждем ваших родителей.

— То есть время их возвращения не зависит от каких-то биологических, физиологических или психических факторов?

— Никак нет, умник! Это зависит только от нашей воли, — твердо сказала бабушка, и в тот же момент на пороге появились отец и мать, оба бледные, держались за руки, как дети, и эта деталь Кате очень понравилась. Все растерялись, и наступила пауза.

— За что ты нас так? — наконец нарушил молчание Борис, обращаясь к Кате.

— Так надо было, папа, поверь, — с трудом выговорила Катя.

— Надо, надо... А кто знает, как надо? — буркнул бледный Борис и взглянул на столь же бледную Римму, но та глядела только на Антона.

— Антон! Сыночек мой! — бросилась она к нему, стряхивая с себя оцепенение, крепко обняла, насколько крепко могли обниматься призраки.

— Мама! Прости меня за все! — обнял тем временем Борис Аврору Максимовну, поцеловал ее, потом обнял дедушку и сына.

— Наконец-то это случилось! — сказала Катя со слезами на глазах. — Давайте присядем.

— Ну вот! — вдруг сказал Антон, обводя всех взглядом. — Натюрморт с ушедшими близкими. Часть третья.

— А когда была вторая? — удивленно спросил Борис.

— А когда первая? — грустно улыбнулась Римма.

— Не важно, — сказал Антон. — Это часть третья, но не последняя.

И обращаясь к Кате, спросил:

— Ну, что ты теперь будешь делать?.. Давай скорей, к нам! И будет полный натюрморт с ушедшими близкими!

— А кто же его тогда рисовать будет? — попыталась пошутить Катя.

— Бог! — воскликнул Антон. — Или дьявол! Неважно, кто!

— Да вы о чем говорите? Ничего не пойму! — возмутился Борис. — Какой такой натюрморт? И причем здесь Бог, дьявол?

— Это у них, наверное, игра такая... В пароли, как в детстве, — предположила Римма. — Но вопрос актуальный. Что ты теперь будешь делать, доченька? Там, на земле, без нас, совершенно одна?

— Я и при вашей жизни, дорогие родители, была совершенно одна, — устало вздохнула Катя.

— Ну, прости нас, дочь, прости!... Считай, мы уже исправляемся, — с чувством сказал Борис. — Но все-таки, что ты собираешься делать?

— У меня есть два варианта — спокойно размышляла Катя вслух. — Или действительно напрямик к вам броситься в ваши объятия, или...

— Долгая мучительная жизнь на земле, — сказала за нее бабушка. — Тюрьма, психушка, если повезет, бесконечные годы ожидания, непонятно чего...

— Почему ожидания? Я буду писать натюрморт. С ушедшими близкими. Буду писать тщательно, долго, всю оставшуюся жизнь. Чтобы получился шедевр. Ведь я всю жизнь мечтала собрать вас всех и нарисовать семейный портрет! А получилось только так, после смерти. — Катя подняла глаза, грустно взглянула на родных, а те уже виновато смотрели на нее. — Да вы не беспокойтесь, я что-нибудь придумаю!

— Так что? Что!? — воскликнули все в один голос, переживая.

— Вот смотрите, — тогда деловито начала Катя, посмотрев на часы. — Сейчас всего лишь 20.16. Утром, к какому решению ни приду, я вызову «скорую» и полицию. Чтобы забрали ваши... — взглянула она на родителей. — или наши тела. А пока у меня есть вечер. И вся ночь впереди. В общем, целая вечность! Так что, обещаю, я успею все хорошенько обдумать и решить!

— Ты уж реши все правильно, доченька! — воскликнула со слезами на глазах Римма, после смерти ставшая сентиментальной.

— Главное, чтоб потом не жалеть, — как-то устало произнес отец, словно сам не верил в то, что делал и говорил.

— В общем, мы будем тебя ждать! — воскликнул Антон и подмигнул ей, один легкий, веселый: определенно в том мире ему было лучше, чем в земном.

А бабушка лишь грустно улыбнулась Кате, потом взглянула на полковника, опять только молчавшего, который просто ей, своей правнучке, что бы она ни сделала, одобрительно кивнул.

— Вы лучше отдыхайте, общайтесь! Вы же сто лет друг друга не видели! — взмахнув руками, воскликнула Катя, словно только об этом вспомнила. И те, как

по команде, начали говорить, вспоминать, улыбаться, а она их просто слушала, уже чувствуя, как вот-вот, пока в глубине, загорается в ней, как заря над землей, ее небывалое счастье.

И вдруг справа, сбоку, словно угрозу, почувствовала холод, дыру, сквозняк, повернулась и увидела ночное окно, подлое и предательское: отражавшее ее одну — в абсолютно пустой комнате. Тогда она встала, спокойно подошла к окну, плотно его зашторила. Затем, увидев еще одну дыру, коридора, опасную, направилась к двери и прежде чем закрыть ее, пропустила вовнутрь девочку Гогена, которая иногда так шалила, терялась, как сейчас, и опаздывала. Нахмурив брови, посадила ее за стол и затворила за ней дверь.

И вернулась на место, уже спокойная, настоящая хозяйка дома, вновь взглянула на близких и родных, чувствуя и понимая, что тот золотой век семьи, о котором она всю жизнь мечтала, наконец, наступил: когда все вместе, души друг в друге не чают, заботятся, жить друг без друга не могут. А там, на земле, у них не получалось никак: несчастные дети бегали, суетились и ссорились, сходились и расставались, никогда не принадлежали самим себе. И вот, собрав всех вместе, она уже слушала их и говорила, вспоминала и представляла, плакала и смеялась, спорила, соглашалась, просила прощения и прощала, гневалась, восторгалась и, конечно, всех-всех обожала, растворяясь в счастливых объятиях семьи.